

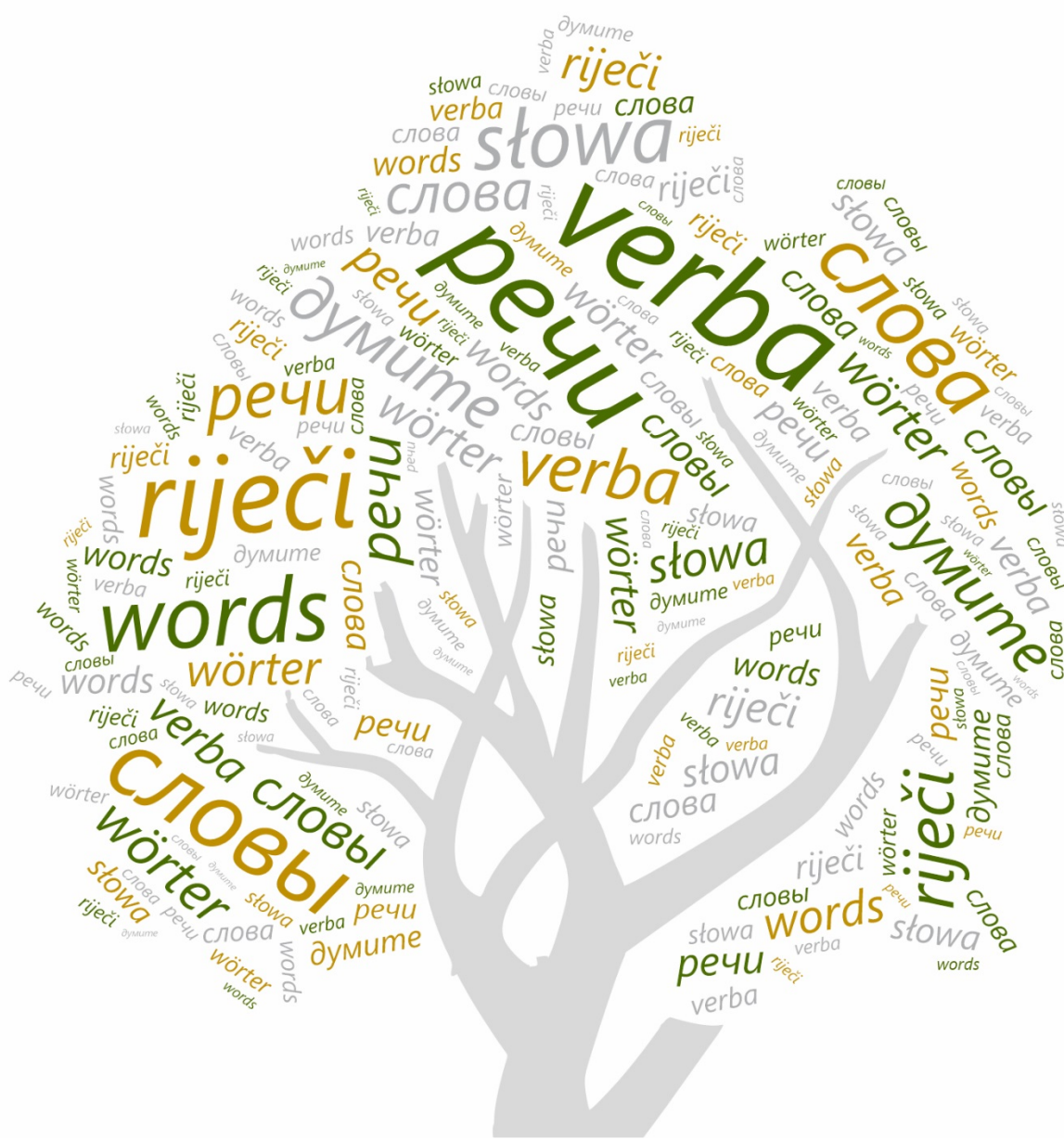

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

Северо-Западный
лингвистический журнал

№ 2(7) 2023

ISSN 2713-0665 (Online)

Содержание

Content

От главного редактора.....	4	From editor-in-Chief.....	4
----------------------------	---	---------------------------	---

Синтаксис связей / Syntax of connection

Согласование в русском языке: морфологическая, синтаксическая и семантическая сущность		Morphological, syntactic and semantic nature of agreement in Russian	
<i>И. Е. Ким</i>	9	<i>I. E. Kim</i>	9
Дативный субъект и предикативность: к типологии инфинитивных групп в русском языке		Dative subject and predicativity: towards the typology of Russian infinitive phrases	
<i>М. Я. Дымарский</i>	25	<i>M. Ya. Dymarsky</i>	25
Конфликтный паратаксис в современной прозе		Conflict parataxis in modern prose	
<i>С. А. Соловьева</i>	38	<i>S. A. Soloveva</i>	38
О вмещающих конструкциях, и не только о них		On accommodating structures and more	
<i>М. И. Конюшкевич</i>	50	<i>M. I. Konyushkevich</i>	50
Аграмматические тексты и их место среди продуктов речевой деятельности		Agrammatical texts and their place among the of speech activity's products	
<i>Б. Ю. Норман</i>	66	<i>B. Ju. Norman</i>	66

Смысловые типы предложений / Semantic types of sentences

Высказывания с семантикой подконтрольности		Statements with the semantics of controllability	
<i>Т. И. Стеклова</i>	78	<i>T. I. Steksova</i>	78
Оценочные высказывания в комментариях к стриму		Evaluative statements in the comments to stream	
<i>Т. В. Шмелева</i>	89	<i>T. V. Shmeleva</i>	89

Молодые голоса / Young voices

Предложения со значением ликвидации результата действия как семантико-структурный тип		Sentences denoting liquidation of the result of an action as a semantic-structural type	
<i>И. В. Мухачёва</i>	103	<i>I. V. Mukhacheva</i>	103

От главного редактора

V

**Дорогие коллеги,
наши авторы и читатели!**

Тема этого номера журнала – синтаксис. Так сложилось, что присланные статьи – при всей их разности – объединяются вокруг двух синтаксических проблем, что позволило объединить их в две рубрики.

Первая объединяет работы, которые интерпретируют синтаксические связи в самом широком и разнообразном толковании этого явления. И в этом нет ничего удивительного, ведь связь – это элементарное и одновременно фундаментальное понятие синтаксиса в любой его версии, и она таит в себе неизвестное, привлекающее синтаксистов вновь и вновь.

В открывающей журнал статье Игоря Ефимовича Кима из Новосибирска трактуется классическое понятие синтаксиса связи – согласование, в ней показано, что этот хорошо отработанный (и хорошо изученный) синтаксический механизм претерпевает изменения под воздействием различных факторов, в том числе несинтаксических.

Статья Михаила Яковлевича Дымарского из Петербурга посвящена интерпретации синтаксических связей инфинитива, при этом выясняется, что для этого важно учитывать возможность субъектной позиции, что говорит о нетривиальности синтаксиса этой неспрягаемой формы глагола.

Связи компонентов сочинительного ряда в статье Светланы Александровны Соловьевой из Череповца рассматриваются на материале современной прозы, при этом выявляется стилистический прием – конфликтный паратаксис. Светлана Александровна не впервые публикует свои наблюдения в нашем журнале, в последнем из прошлогодних номеров есть ее статья о прозе Б. Пастернака, которой была посвящена ее докторская диссертация. Продолжая синтаксические наблюдения над современной прозой, Светлана Александровна разрабатывает область, которую можно было бы назвать синтаксической стилистикой, поскольку действия синтаксической связи рассматриваются ею в аспекте художественных эффектов.

Мария Иосифовна Конюшкевич из белорусского города Гродно, не в первый раз выступающая нашим автором, рассуждает о синтаксической связи на уровне сложного предложения. Не менее, чем синтаксические связи, ее интересуют их показатели, отсюда многолетняя работа Марии Иосифовны над предлогами и союзами – русскими и белорусскими. В этот раз ее рассуждения касаются связи, которую принято называть вмещающей. Показывая ее специфику на разных

уровнях, автор скрупулезно исследует ее показатели, стремясь к тому, чтобы ни один из них не оказался вне поля зрения синтаксистов.

Парадоксальным образом эта рубрика завершается статьей Бориса Юстиновича Нормана из Минска. Как члену редколлегии нашего журнала, едва ли не в каждом номере я выражаю ему искреннюю благодарность за рецензирование статей, которое он делает с заинтересованностью, скрупулезностью и, можно сказать, остроумием. И вот наконец, к нашей радости, он выступает как автор статьи. Парадоксальность, однако, состоит не в том, что всегда рецензент – сейчас автор (и рецензент, кстати, тоже!), а в содержании его статьи. В ней показано, что при всей разработанности русского синтаксиса, современной дискурсивной практикой востребованы тексты, в которых он оказывается «недействующим» – синтаксические связи не обозначены, не выражены – а всё понятно. Такие тексты автор называет аграмматическими, и объясняет это их свойство дискурсивными условиями их функционирования. В этой и других своих работах Борис Юстинович возвращается к идее дискурсивной обусловленности грамматики, которая, как кажется, очень важна для современных синтаксических исследований.

Таким образом, в первой рубрике этого номера журнала синтаксис связи предстает в разнообразии, демонстрируя внимание к вечным синтаксическим сюжетам и новые подходы к языковому материалу, который проявляет новые тенденции дискурсивной практики.

Вторая рубрика объединяет статьи о смысловых типах предложения, их описание и исследование представляется важнейшей задачей семантического синтаксиса.

В статье Татьяна Ивановны Стексовой представлены предложения с семантикой контролируемости, которая создается распространителем модели типа «под контролем». Статья построена на материале Национального корпуса русского языка, что демонстрирует новые возможности синтаксистов в формировании корпуса изучаемых предложений, новые синтаксические методы.

Подготовив для этого номера статью об оценочных высказываниях, я бы хотела обратить внимание на то, что речевая практика в разных жанрах и, как говорится, на разных площадках интернета дает нетривиальный материал для синтаксистов. Казалось бы, выражение положительной оценки – что тут нового может обнаружиться? Но выясняется, что такой шаг требует от комментаторов активизации синтаксических средств, морфологических и словообразовательных ресурсов, не говоря о лексике, которая и заимствуется, и метафорически переосмысливается.

По содержанию в эту рубрику могла бы войти и статья Ирины Валерьевны Мухачёвой из МГУ, ведь в ней речь идет о предложениях с семантикой ликвидации результата. Однако мы помещаем ее в особую, традиционную для нашего журнала рубрику «Молодые голоса», чтобы подчеркнуть, что синтаксис интересен и молодым, хотя сегодня он не входит в число модных тем, к сожалению. Молодость автора этой статьи, если можно так сказать, двойная: во-первых, Ирина только в прошлом году защитила кандидатскую диссертацию, а во-вторых, эта статья – ее синтаксический дебют: в диссертации она изучала предикаты ликвидации

результата как группу глаголов с позиций лексической семантики. Кажется, дебют успешный.

Итак, заявленная тема – синтаксис – собрала в этом номере авторов, которые прислали статьи о разных синтаксических проблемах в разных перспективах. География номера – Россия и Беларусь, Северо-Запад (Петербург, Череповец, Великий Новгород) и Сибирь, Москва – кажется довольно показательной. Наши авторы – в основном профессора университетов. Академическую ноту, которую мы стараемся не терять, в этом номере «держат» Игорь Ефимович Ким, представляющий руководство Института филологии Сибирского отделения РАН, и Михаил Яковлевич Дымарский, работающий в Институте лингвистических исследований РАН. Впрочем, в их аффилиции – и университеты, так что не будем проводить здесь границ.

Сердечно благодарю всех, кто откликнулся и прислал свои статьи для этого номера журнала. И не менее сердечно благодарю наших рецензентов – докторов наук Бориса Юстиновича Нормана и Владимира Ивановича Заику. Хотелось бы заранее поблагодарить и наших читателей.

До новых встреч на электронных страницах нашего журнала!

Т. В. Шмелева

From the Editor-in-Chief

Dear colleagues, our authors and readers!

Syntax is the topic of this issue of the journal. It so happened that the submitted articles – for all their differences – are united around two syntactic problems, which has made it possible to combine them into two columns.

The first one combines works that interpret syntactic links in the broadest and most diverse interpretation of this phenomenon. And this is not surprising, because connection is an elementary and, at the same time, fundamental concept of syntax in any version of it, and it conceals the unknown that attracts syntaxists again and again.

In the opening article of Igor Efimovich Kim from Novosibirsk, the classical concept of the syntax of communication – concord – is interpreted, it shows that this well-established (and well-studied) syntactic mechanism undergoes changes under the influence of various factors, including non-syntactic ones.

An article by Mikhail Yakovlevich Dymarsky from St. Petersburg is devoted to the interpretation of the syntactic relations of the infinitive, and it turns out that for this it is important to take the possibility of a subject position into account, which indicates the non-triviality of the syntax of this non-conjugated verb form.

In the article by Svetlana Aleksandrovna Solovieva from Cherepovets, the connections between the components of the co-ordinating series are considered on the basis of modern prose, while a stylistic device, a conflict parataxis, is revealed. This is not the first time Svetlana Aleksandrovna publishes her observations in our journal; in the last of last year's issues there is her article on B. Pasternak's prose, which was the subject of

her doctoral thesis. Continuing her syntactic observations on modern prose, Svetlana Aleksandrovna develops an area that could be called syntactic stylistics, since she considers the actions of syntactic connection in the aspect of artistic effects.

Maria Iosifovna Konyushkevich from the Belarusian city of Grodno, who is not the first-time author of our journal, talks about the syntactic connection at the level of a complex sentence. No less than syntactic connections, she is interested in their indicators, hence the long-term work of Maria Iosifovna on prepositions and conjunctions – Russian and Belarusian. This time, her reasoning concerns the connection, which is usually called the containing. Showing its specificity at different levels, the author scrupulously examines its indicators, striving to ensure that none of them is out of syntaxists' sight.

Paradoxically, this section ends with an article by Boris Yustinovich Norman from Minsk. As a member of the editorial board of our journal, in almost every issue I express my sincere gratitude to him for reviewing articles, which he does with interest, scrupulousness and, one might say, wit. And finally, to our joy, he appears as the author of the article. The paradox, however, lies not in the fact that the always reviewer is now the author (and the reviewer, by the way, too!), but in the content of his article. It shows that for all the development of Russian syntax, modern discursive practice requires texts in which it turns out to be "inactive" – syntactic links are not indicated, not expressed – but everything is clear. The author calls such texts agrammatic and explains this property of theirs by the discursive conditions of their functioning. In this and other works, Boris Yustinovich returns to the idea of the discursive conditionality of grammar, which seems to be very important for modern syntactic studies.

Therefore, in the first column of this issue of the journal, the syntax of connection appears in a variety, demonstrating attention to eternal syntactic plots and new approaches to linguistic material, which shows new trends in discursive practice.

The second column combines articles on the semantic types of sentences, their description and study seem to be the most important task of semantic syntax.

The article by Tatyana Ivanovna Steksova presents sentences with the semantics of controllability, which is created by the distributor of the "under control" type model. The article is based on the material of the National Corpus of the Russian Language, which demonstrates the new syntaxists' possibilities in forming the corpus of the studied sentences, new syntactic methods.

Having prepared an article on evaluative statements for this issue, I would like to draw attention to the fact that speech practice in different genres and, as they say, on different Internet sites provides non-trivial material for syntaxists. It would seem that the expression of a positive assessment – what new can be found here? But it turns out that such a step requires commentators to activate their syntactic means, morphological and word-formation resources, not to mention the vocabulary, which is both borrowed and metaphorically rethought.

In terms of content, this section could also include an article by Irina Valerievna Mukhacheva from Moscow State University, because it deals with sentences with the semantics of the elimination of the result. However, we place it in a special, traditional for our magazine, heading "Young voices", in order to emphasize that the syntax is also interesting for young people, although today it is, unfortunately, not among the

fashionable topics. The youth of the author of this article, if I may say so, is twofold: firstly, Irina defended her PhD thesis only last year, and secondly, this article is her syntactic debut: in her thesis she studied the predicates of the elimination of the result as a group of verbs from the standpoint of lexical semantics. Seems like a successful debut.

So, the stated topic – syntax – brought together in this issue authors who sent articles about various syntactic problems from different perspectives. The geography of the issue – Russia and Belarus, the North-West (Petersburg, Cherepovets, Veliky Novgorod) and Siberia, Moscow – seems quite revealing. Our authors are mostly university professors. The academic note, which we are trying not to lose, is “held” in this issue by Igor Efimovich Kim, representing the leadership of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, and Mikhail Yakovlevich Dymarsky, who works at the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. However, their affiliation includes universities, so we will not draw boundaries here.

I sincerely thank everyone who responded and sent their articles for this issue of the journal. And no less cordially I would like to thank our reviewers – Doctors of Sciences – Boris Yustinovich Norman and Vladimir Ivanovich Zaika. We would also like to thank our readers in advance.

Until we meet again on the electronic pages of our journal!

T. V. Shmeleva

СИНТАКСИС СВЯЗЕЙ / SYNTAX OF CONNECTION

Согласование в русском языке: морфологическая, синтаксическая и семантическая сущность

И. Е. Ким

Morphological, syntactic and semantic nature of agreement in Russian

I. E. Kim

Игорь Ефимович Ким – доктор филологических наук, доцент; Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: kimkim27601@yandex.ru

Статья поступила. 10.02.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

Igor E. Kim —Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID 0000-0002-5571-4719

Received: 10/02/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

Статья посвящена описанию морфологических, синтаксических и семантических принципов согласования в русском языке. Среди описанных в научной литературе признаков согласования есть, по крайней мере, три, которым противоречат факты согласования в современной речевой практике: 1) согласование представляет собой синтаксическую связь, которая действует в пределах словосочетания или предикативной единицы; 2) синтаксическая связь согласования является подчинительной, по крайней мере одним из компонентов в ней выступает доминирующее в сочетании существительное или иные субстантиваты; 3) направление зависимости определяется структурным принципом «от главного к зависимому». Первому признаку противоречит то, что существует согласование анафорического местоимения и его антецедента, которые могут располагаться в разных предикативных единицах, в разных предложениях, которые к тому же могут располагаться дистантно. Обязательность второго и третьего признаков подвергается сомнению в связи с наступлением активной фазы разрушения системы падежа в русском языке. «Ослабление падежной функции» русского существительного (М. Гловинская) привело к тому, что связь управления устанавливается не с зависимым существительным, а с ближайшим к глаголу или другому управляющему слову компонентом зависимой синтаксической группы. В этом случае в нужную падежную форму ставится ближайшее слово. Таким ближайшим словом может быть в составе сочинительного сочетания существительное с омонимичной падежной формой, с которым случайным образом согласуется существительное с неомонимичными падежами, например: *Нет дочери* (Род./Дат./Предл. падеж) и **сестре* (вместо *сестры*). Ближайшим словом может быть прилагательное с омонимичной падежной формой, а существительное с неомонимичными падежными формами случайным

The article is concerned with the description of morphological, syntactic and semantic principles of agreement in the Russian language. Among the features of agreement described in the scientific literature, there are at least three that are contradicted by the facts of agreement in modern speech practice: 1) agreement is a syntactic connection that operates within a phrase or a simple sentence; 2) the syntactic connection of agreement is subordinate, one of the components in it is the dominant noun; 3) the direction of dependence is determined by the structural principle “from the main to the dependent”. The first feature is contradicted by the fact that there is an agreement between the anaphoric pronoun and its antecedent, which can be located in different parts of a complex sentence or even in different sentences. The obligatory nature of the second and third features is questioned with the onset of the active phase of the destruction of the case system in the Russian language. The “weakening of the case function” of the Russian noun (M. Glovinskaya) led to the fact that the connection of government is established not with the dependent noun, but with the component of the governed syntactic group that is closest to the verb or other controlling word. In this case, the nearest word is put into the required case form. Such a word can be a noun with a homonymous case form in a coordinative word-combination, with which a noun with non-homonymous cases randomly agrees, for example: *Net docheri* (Gen./Dat./Loc. case) *i *sestre* (instead of *sestry*) ‘There are not the daughter and the sister’. The closest word can be an adjective with a homonymous case form, and a noun with non-homonymous case forms randomly agrees in case with the adjective, for example: *Net moiei* (Gen./Dat./Instr./Loc. case) **sestre* (instead of *sestry*) ‘There is not my sister’. We propose to call this type of agreement linear or probabilistic agreement.

образом согласуется в падеже с прилагательным, например: *Нет моей* (Род./Дат./Твор./Предл. падеж) **сестрой* (вместо *сестры*). Такой тип согласования мы предлагаем назвать линейным, или вероятностным.

Ключевые слова: синтаксическая связь, падеж, порядок слов, линейное согласование, вероятностное согласование

УДК 811.161.1

Keywords: syntactic connection, case, word order, linear agreement, probabilistic agreement

OECD: 6.02.OT

В **Постановка проблемы.** Русский конструктивный, или формальный, синтаксис пришел в XXI век вооруженным сформированной и устоявшейся концепцией, детализированной терминологией, продуктивной в теоретическом и описательном плане, большим количеством эмпирических исследований, очертивших пространство синтаксических конструкций и синтаксических единиц. Подробно, систематически и многократно описаны показатели связи – служебные слова: предлоги, союзы, частицы, многие связки. Однако активные процессы в русском языке конца XX века привели к необходимости пересмотреть основания и принципы выделения и описания некоторых синтаксических понятий, в частности, представления о согласовании как синтаксическом механизме и синтаксической связи.

В настоящей статье ставится проблема интерпретации согласования с учетом новейших фактов речевой практики в соотношении с явлениями морфологии и грамматической семантикой.

История вопроса. Согласование как вид межсловной синтаксической связи подробно описано в 60–70-х гг. прошлого века, и, кажется, не осталось связанных с ним теоретических вопросов и неясностей. Исследования присловных синтаксических связей [Скобликова, 1971; Попова, 1974 и др.] обозначили применимость формально-грамматического подхода к согласованию как уподоблению зависимого компонента синтаксической связи главному в грамматических характеристиках. По Е. С. Скобликовой, согласование наблюдается в том случае, когда зависимые слова, «все изменяемые формы прилагательных и слова, аналогичные прилагательным по характеру словоизменения, а также личные глаголы воспроизводят в своих формах категории господствующего слова» [Скобликова, 1971, с. 24]. Аналогично рассматривается согласование и в академических Грамматиках 1960 г. и 1980 г. В Грамматике 1960 г. согласование определяется как «такой вид синтаксической связи, когда формы сочетающихся слов объединены общими однозначными или однотипными морфологическими категориями рода, числа, а для имен – также падежа, для глаголов – лица, причем определяющее слово всегда уподобляется в этом отношении определяемому» [Грамматика, 1960, с. 22]. В Грамматике 1980 г. согласование рассматривается как «уподобление формы зависимого слова формам слова главенствующего; такое уподобление осуществляется в тех случаях, когда зависимое слово изменяется по падежам, числам и родам (это – имя прилагательное, включая местоименные прилагательные, порядковые числительные и причастия), по падежам и числам (это – имя существительное) или по падежам...» [Грамматика,

1980, с. 17; автор раздела – Н. Ю. Шведова]. Назовем такой подход к согласованию уподобительным. В Грамматике 1970 г. и учебном пособии по синтаксису современного русского языка В. А. Белошапковой [1977] согласование представлено по-другому: характер влияния главного компонента связи на зависимый связывается не с уподоблением зависимого компонента главному в соответствующих категориях, а с зависимостью его поведения (формы словоизменения) от поведения главного. В Грамматике 1970 г. согласование определяется как «такой вид подчинительной связи, при котором формы рода, числа и падежа подчиняющегося имени предопределены формами рода, числа и падежа подчиняющегося имени» [Грамматика, 1970, с. 488; автор раздела – также Н. Ю. Шведова]. В учебном пособии В. А. Белошапковой предлагается определить согласование «как вид подчинительной связи, при котором зависимые компоненты соотнесены с формальными признаками главных, так что при изменении формы главного компонента меняется форма зависимого» [Белошапкова, 1977, с. 32]. Назовем такой подход к согласованию детерминирующим.

Эти две позиции – уподобления и связанного (детерминированного) морфологического поведения – тем не менее, имеют общие черты.

Перечислим их:

1) в конструкции, внутри которой действует согласование, есть компоненты, которые представляют собой формы слов, изменяющиеся по категориям числа и/или рода и/или падежа и/или лица;

2) согласование – разновидность синтаксической связи;

3) синтаксическая связь согласования подчинительная, то есть один из компонентов главный, второй компонент зависимый;

4) морфологическая форма зависимого компонента, его грамматическая характеристика определяется морфологической формой (грамматической характеристикой) главного компонента. Различие между подходами проявляется в том, каков характер зависимости – уподобление (совпадение грамматической характеристики) или соответствие.

Причина расхождения детерминирующего подхода с формальным заключается в том, что существуют интуитивно понятные соответствия определяемого и определяющего, которые не могут быть описаны как уподобление. Так, В. А. Белошапкова приводит в качестве согласования в роде и числе связь между субстантивированным междометием *ура* и формой прошедшего времени глагола: *грянуло ура*; в лице связь между формой существительного и личной формой глагола: *лес шумит* [Белошапкова, 1977, с. 35-36]. В том и другом случае главное слово не имеет отношения к согласовательной категории. Позиция Н.Ю. Шведовой также связана с учетом взаимодействия подлежащего и сказуемого в составе структурной схемы, но она противопоставляет подчинительную связь согласования и предикативную связь грамматической координации, в которой она видит как раз взаимное уподобление главных членов в соответствующих морфологических характеристиках [Грамматика, 1970, с. 548].

В представленных в кратком обзоре работах есть много интересных наблюдений и нетривиальных решений по большому кругу частных случаев, в

которых конкретное соотношение морфологических характеристик зависимого и главного компонентов расходится с уподоблением как критерием согласования. Так, выявлены случаи неполного согласования не по всем соответствующим категориям, а только по части их них, например, в атрибутивных сочетаниях во множественном числе нет согласования по роду: *новые дома – новых домов* [Грамматика, 1970, с. 488-489]. Описаны случаи смыслового (семантического) согласования, при котором род прилагательного определяется полом лица, обозначаемого существительным, например: *Наш корреспондент связалась с Далласом* (пример Е. С. Скобликовой) [Скобликова, 1971, с. 181-184].

Анализ частных случаев согласования, в том числе «нестандартного», приводится в работах обучающего и методического характера по культуре речи, для учащихся средних школ и для изучающих русский язык как иностранный, ср. [Харчева, 1968; Попов, 2005, 2012а, 2012б и др.], в соответствующих разделах в пособиях и справочниках [Федоров, 1972; Греков, Крючков, Чешко, 1976; Практическая грамматика, 1985; Розенталь, 1997 и др.].

Анализу сложных случаев согласования и их теоретическому осмыслению посвящена также монография Л. Л. Иомдина [1990], который много лет работал над формальным представлением согласования в автоматизированных системах перевода. Как и не вполне образованный носитель языка, компьютерная система требует детального представления грамматических понятий, которое позволяет безошибочно или с минимальной долей ошибок представлять «правильный» текст на русском языке.

Бросается в глаза то, что в монографии в качестве примеров согласования, помимо конструкций с двойным подчинением, сочетаний существительного и количественного числительного, прилагательного в составе количественных сочетаний, личных форм глагола и других, приводятся конструкции, выходящие за пределы словосочетания и даже предикативной единицы, в том числе сложные предложения с анафорической связью, например: *юноша, которого мы встретили вчера; Он учился в гимназии, основателем и бессменным директором которой был мой отец; У него были брат и сестра, каждого из которых он по-своему любил* (примеры Л. Л. Иомдина). Отмечу и другой важный для дальнейшего изложения момент в рассуждениях автора: «Ориентация согласования, вообще говоря, не имеет отношения к направлению синтаксической зависимости» [Там же, с. 61].

Л. Л. Иомдин подверг критике определение согласования В. А. Белошапковой как типичное в традиционном синтаксисе, показав на примерах неточность по сути каждого из положений этого определения (я остановлюсь только на общих для всех приведенных выше определений): согласование – вид подчинительной синтаксической связи; морфологические характеристики («значения грамматических категорий» в формулировке Л. Л. Иомдина) зависимого члена уподобляются морфологическими характеристиками главного члена или обуславливаются ими; зависимый член обладает синтаксически обусловленными (словоизменительными) категориями [Иомдин, 1990, с. 43-50]. На основании анализа очевидных и неочевидных случаев, оцениваемых как согласование, Л. Л. Иомдин дал собственное

рабочее определение согласования. По своей логике это многоступенчатое определение соединяет формальный и детерминирующий подходы.

Таким образом, можно говорить о том, что к концу XX века понятие согласования устоялось в теории синтаксиса русского языка, круг спорных случаев отрефлектирован в работах и справочниках по стилистике и речевой практике, а также в исследованиях по прикладной лингвистике.

Методология и методы исследования. Методологический подход, на котором основана настоящая работа, предполагает, помимо более внимательного обращения к фактам морфологии и грамматического осмысления семантики, обязательность учета языковой ситуации в современной России, в рамках которой в состоянии русского языка в к 80–90-х гг. произошел катаклизм, обусловленный, с одной стороны, сменой социального строя и, с другой стороны, появлением глобальных компьютерных (цифровых) информационных сетей, из которых в наибольшей степени значим Интернет. Этот катаклизм заключается в том, что в массовую и публичную коммуникацию, как звуковую, так и графическую, в качестве активного участника с размахом вошел «рядовой носитель языка», не прикрытый культурными посредниками. В сочетании с ориентацией на американские принципы общественно-языковой практики и позднее с появлением интернет-коммуникации, которая позволяет выступить субъектом публичной и массовой коммуникации рядовому пользователю интернета, произошла демократизация массовой коммуникации, а вместе с ней и ускорение, активизация и выход на поверхность языковых процессов, которые подспудно существовали в языке, скрытые в сфере повседневного общения. В области морфологии русского языка это привело в числе прочего к тому, что М. Я. Гловинская назвала «ослаблением падежной функции», по сути, к началу активной фазы разрушения падежной системы русского языка [Гловинская, 2000; Ким 2012; 2018; 2020 и др.].

В свою очередь, «ослабление падежной функции» стало причиной того, что основанные на категории падежа привычные механизмы управления начали давать сбои и активизировались другие, более «примитивные» языковые механизмы [Ким, 2018, с. 19-21], среди которых одним из наиболее эффективных оказался механизм линейного согласования, когда уподобляющим оказывается не иерархически старший, а употребленный раньше, находящийся в тексте левее компонент.

Прежде чем вводить иллюстративный материал, поясню систему сокращений для обозначения употребленной формы падежа. Далее для удобства будем записывать форму падежа начальной буквой его названия в виде прописной, если же одна флексия может обозначать более одного падежа (потенциальный падеж), то будем обозначать такую форму рядом начальных букв в традиционном порядке следования падежей: ИРДВТП. Таким образом, обозначение потенциального падежа будет иметь вид аббревиатуры, состоящей из инициалей всех падежных форм, маркируемых данной флексией. Астериск при инициали падежа означает, что использована флексия падежа, который не «предсказан» доминирующим словом. Знак + после инициали падежа обозначает, что данное слово потенциально управляет падежной формой, маркированной инициалью.

Проиллюстрируем с использованием этой системы обозначений последний тезис: *Я думаю, что вы не слишком пострадали от (P+) вот этих (РП) вот всяких (РП) индексах (*П) k и m* (<https://youtu.be/OnlyCNrSH3I24'02>"); *Прежде чем писать об (П+) этих (РП) талантливых (РП) актеров (*Р), хотя бы узнайте правильную информацию, а потом выкладывайте* (<https://zen.yandex.ru/media/id/5a631bd89b403c54425785bb/aktery-chiu-kareru-v-kino-sgubil-alkogol-5b5ac25ccf999300abd2597e?from=feed> 07.08.2018). Как видим, управляющее слово имеет валентность в первом примере родительного падежа, а во втором примере предложного падежа. В первом и во втором случаях прилагательное употреблено в омонимичной форме родительного-предложного падежа, при этом в обоих примерах выбор падежа случаен и ошибочен, но ограничен возможностями прилагательного, то есть существительное в падеже согласуется с прилагательным, а не наоборот.

Актуализация в конце XX века линейного согласования в адъективно-субстантивных (атрибутивных) сочетаниях требует возвращения к осмыслению природы и назначения этого вида связи и синтаксического механизма.

Анализ материала. Согласование как вид синтаксической связи, основанный на совпадении или соответствии значений параметров морфологических категорий падежа, рода, числа и лица оказывается связан с важными характеристиками русской флективной морфологии.

Одним из важных свойств русского языка как флективного является высокая степень автономности слова. Она реализуется в способе существования слова в речи в виде словоформы, которой одна флексия обеспечивает полный набор формальных признаков всех необходимых морфологических категорий. Так, существительное, актуализированное в составе предикативной единицы (в дальнейшем – ПЕ), получает формальные признаки числа и падежа, имея, как правило, постоянный признак рода.

Подробнее остановимся на понятии формального признака (далее – ФП). К сожалению, приходится ввести специальное понятие для различения формальной характеристики словоформы, с одной стороны, со значением (семантикой) морфологической категории и, с другой стороны, граммемой, рядом форм, в совокупности представляющим один из членов оппозиции в составе категории. Различение граммемы (термин К. Пайка, см., например, [Pike, 1957]) как ряда форм в составе морфологической категории, противопоставленного другим рядам, и грамматического значения как семантики морфологической категории см. в [Бондарко, 1976]], однако для словоформы, входящей в состав граммемы, привычным термином для формального признака остается *грамматическое значение*. Ср., помимо приведенного выше употребления Л. Л. Иомдина, типичное выражение в одном из пособий по морфологии русского языка: «Например, словоформа *стена* имеет грамматические значения женского рода, единственного числа, именительного падежа» [Карпов 2019: 4].

Таким образом, граммема, в нашем понимании, это единица плана выражения грамматической категории, ряд форм, противопоставленный другим рядам в рамках категории. Для нее существует название, ср. граммема единственного числа в пределах категории числа. Семантика категории числа и граммем внутри нее должна

описываться отдельно, в частности, мы понимаем, что у этой категории есть количественная и референтная семантика.

Для словоформы как речевой реализации лексемы и представителя в речи одной из граммем морфологической категории отнесение к граммеме для удобства назовем формальным признаком категории.

Таким образом, словоформы каждого слова в составе ПЕ характеризуются отнесением к набору граммем и, соответственно, своим набором ФП.

При этом автономность словоформы не означает суммарной целостности ПЕ. Целостность обеспечивается перекрестной системой морфологических классов (частей речи) и морфологических категорий. Схему пересечения частей речи и морфологических категорий можно увидеть в Таблице 1.

Таблица 1. Пересечение морфологических категорий и частей речи

	Существительное	Числительное	Прилагательное и причастие	Личные местоимения	Личные формы глагола
Число	+	- +	+	+	+
Род	+	- +	+	- +	+
Падеж	+	+	+	+	-
Одушевленность	+	- +	(+)	+ (всегда одушевленные)	-
Лицо	-	-	-	+	+

Более светлым оттенком выделены зоны пересечения части речи и морфологических категорий, которые по своей природе предназначены для обозначения соответствующих свойств реалий. Более темным оттенком выделены совпадающие категории, требующие в определенных условиях установления соответствия у слов данной части речи с другими словами. Знак «+» обозначает наличие категории, знак «-» обозначает отсутствие категории, сочетание «-+» обозначает тенденцию к утрате категории, а заключение знака «+» в скобки «(+») – согласовательный (только уподобительный) характер словоизменения в рамках категории.

В таблицу не вошло наречие, поскольку оно не имеет морфологических категорий, которые требовали бы соответствия со словами других частей речи.

Относясь к определенной части речи, слово имеет ФП нескольких морфологических категорий, в совокупности обеспечивающих словоизменительное своеобразие части речи, но при этом по отдельности характеризующих, как правило, не одну часть речи.

С семантической точки зрения, с учетом двусторонней природы морфологической категории, каждый ФП отражает с той или иной степенью абстрактности, свойственной морфологической семантике, свойства реалии, обозначаемой в ПЕ. А перекрестная система категорий заставляет слова в пределах ПЕ выражать эти свойства несколько раз, в словоформах разных лексем, часто относящихся к разным частям речи, см. Рис. 1.

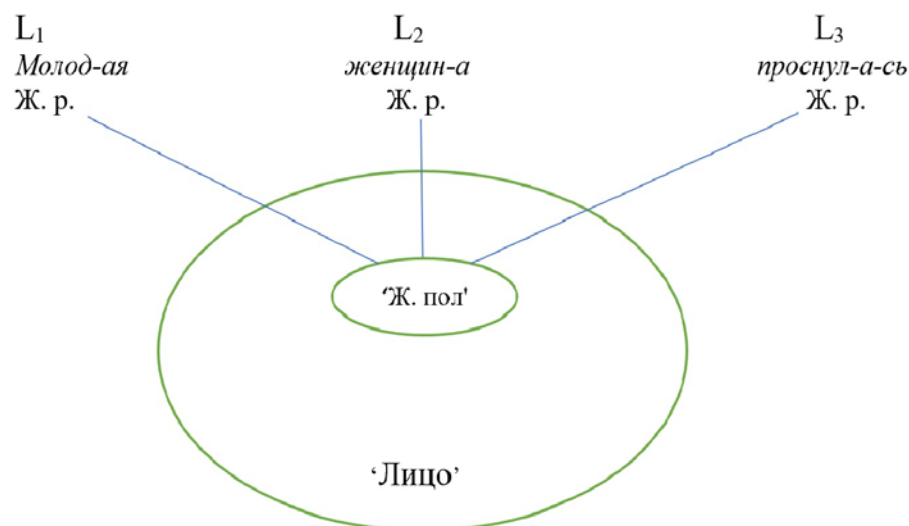

Рис. 1. Пример отражения характеристик реалий в ФП словоформ

Такая автономность слова в речи имеет, безотносительно к взаимодействию с другими словами, коммуникативные, номинативные и компетентностные удобства и неудобства.

Явным коммуникативным удобством является то, что по отдельному фрагменту целого – словоформе в составе предикативной единицы – адресат сможет восстановить некоторые потенциально не обозначаемые употребленным словом детали этого целого. Так, по словоформе *проснулась*, даже вне конституции, с некоторой степенью надежности можно будет сказать, что прекращение состояния, обозначенное основой глагола *проснуться*, совершается одним лицом женского пола (ср., однако, *Вся семья проснулась*). Номинативное неудобство такой автономности заключается в необходимости для автора приписывать определенный ФП нескольким словам, причем, учитывая отнесение их к одной реалии, у актуализированных в составе ПЕ слов этот ФП должен совпадать или соотноситься другим, более сложным образом.

Вторым, компетентностным, удобством оказывается синтагматический способ приписывания ФП слову, в частности ФП падежа, числа и рода существительному с помощью прилагательного или личной формы глагола, например: *Лунный сонник указывает, что черное (ср. р., ед. ч., И) пальто (?) во сне с наибольшей вероятностью сбывается (ед. ч.) на протяжении первых двух четвертей лунного цикла* (<https://astrolore.ru/sonnik/chernoe-palto/>). Обратной стороной такой выгоды

является возможность конфликта флективного и синтагматического выражения какой-либо категории, например: *Теперь же, может быть, они в эту самую минуту в трактире этом сидят с братцем Иваном Федоровичем, так как Иван Федорович* (ед. ч. с количественной и референтной семантикой) *домой обедать не приходили* (мн. ч. с социальной семантикой), *а Федор Павлович* (ед. ч. с количественной и референтной семантикой) *отобедали* (мн. ч. с социальной семантикой) *час тому назад одни* (мн. ч. с социальной семантикой) *и теперь почивать легли* (мн. ч. с социальной семантикой), *почивать изволили* (мн. ч. с социальной семантикой) (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

Пересечение морфологических категорий и частей речи отражается, таким образом, в составе ПЕ в пересечении ФП актуализированных в составе ПЕ словоформ разных частей речи. Обратим внимание на то, что это пересечение имеет, как и любая языковая сущность, формальную сторону – уподобление или соответствие ФП – и содержательную сторону – отражение в ФП разных слов свойств обозначаемой реалии. Таким образом, соответствие, лежащее в основе согласования, носит дихотомический характер, характерный для любых знаковых сущностей.

Собственно говоря, морфологическая избыточность, требующая совпадения или соответствия ФП у разных словоформ, входящих в состав ПЕ, и порождает синтаксическую связь согласования. Совпадение ФП является ее формальным механизмом, а результирующее взаимодействие словоформ порождает синтаксическое поведение (взаимное линейное положение, контактность / дистантность, блокирование или добавление валентностей и др.), иерархию и выражает синтаксическое отношение, которое обычно трактуется как определительное в атрибутивных сочетаниях, количественное в нумеративных сочетаниях и предикативное в паре подлежащее – сказуемое.

Современная грамматическая семантика способна трактовать отношения при согласовании более содержательно и разнообразно, хотя и данный одно-однозначный список довольно содержателен: определительные отношения сужают объем понятия, выражаемого существительным, соединение количественного числительного с существительным обозначает количество обозначаемых существительным реалий, а согласуемое сказуемое предсказывает подлежащему процесс, состояние, характеристику или иное положение дел.

Однако одна и та же реалья отражается более чем один раз не только в ее отдельных свойствах словами разных частей речи в составе ПЕ, но и целиком кореферентными языковыми выражениями на большей длине текста. Такое повторное обозначение реалии с помощью анафорического местоимения требует совпадения ФП местоимения и его антецедента как синтаксического механизма, обеспечивающего способность устанавливать соотношение местоимения с антецедентом. Такое соотношение является слабым вследствие большого синтаксического расстояния, наличия других претендентов на звание антецедента, иначе именуемого референциальным конфликтом [Кибрик, 1987]), а также потому, что согласование анафорического местоимения является неполным: оно устанавливается по числу, а в единственном числе и по роду, исключая важную категорию падежа. Падеж анафорического местоимения вовлечен в синтаксическую

структуру ПЕ, в которой оно выполняет ту или иную синтаксическую функцию, например: *Но Наташе* (ед. ч., ж. р., Д) *самой нужно было видеть доктора. Ее* (ед. ч., ж. р., В) *насильно отослали со мной* (Л. Толстой. Война и мир). Местоимение *он* уподобляется в роде и числе существительному *Наташа*, но постановка местоимения в В. падеж связана с его ролью пациенса и синтаксической функцией прямого дополнения.

Таким образом, наблюдается два регулярных случая согласования: при межсловной синтаксической связи с зависимым компонентом, имеющим согласовательные словоизменительные категории, и при анафоре.

Обратим внимание на следующий важный факт, связанный с согласованием анафорического местоимения с антецедентом: такое согласование носит по большей части линейный характер. Сформулирован общий принцип анафоры – предшествование антецедента местоимению [Зализняк, Падучева, 1975]. Таким образом, на большом синтаксическом расстоянии (от соседних ПЕ до масштаба текста) главный компонент кореферентной пары «полнозначное выражение – анафорическое местоимение» занимает линейно первую позицию. Об этом говорит и одно из его названий – анте-цедент (*ante* в латыни ‘раньше, прежде’).

Как видим, согласование как вид межсловной синтаксической связи в пределах ПЕ строится по структурному принципу, по которому уподоблению подвергается зависимый в выражаемом отношении компонент – определение или сказуемое. Согласование как дальнедействующий синтаксический механизм при кореферентности, когда отсутствует непосредственная зависимость согласуемого компонента от главного, следует линейному принципу, по которому уподоблению подвергается правый, линейно последующий компонент.

Современное нам «ослабление падежной функции» в русском языке ставит важный вопрос, который не вставал перед синтаксистами в ситуации хорошо отлаженных синтаксических механизмов управления и согласования, и встает сейчас, когда привычный синтаксический механизм разрушается: если для обоих компонентов связи или зависимости категория согласования является словоизменительной, то как определить, какой из них главный, а какой зависимый?

Мы знаем довольно неожиданный ответ по отношению к аппозитивному сочетанию: это независимое словоизменение для обоих компонентов, поскольку оба они являются существительными и поэтому имеют одинаковый набор словоизменительных категорий, а совпадение ФП определяемого и приложения обусловлено тем, что они обозначают одну и ту же реалию [Скобликова, 1971, с. 216-225].

Есть ответ на этот вопрос и в отношении к общему случаю согласования существительного с количественным числительным: согласуемым в паре выступает числительное [Ким, 2018, с. 11-14]. А в настоящее время этот же вопрос стоит задать по отношению к привычным для нас атрибутивным сочетаниям.

Результаты анализа. Итак, как установить, какой из компонентов в атрибутивном сочетании является главным, а какой зависимым?

Помочь может парадигма склонения существительного и прилагательного. Дело в том, что падежная парадигма разных частей речи и разных типов склонения

имеет омонимичные формы. Для каждого из типов склонения набор омонимичных форм разный.

У существительного в единственном числе различаются типовые парадигмы 1, 2 и 3 склонения. В 1 склонении омонимичны формы Д и П. Во втором склонении омонимия форм касается только категории одушевленности: у неодушевленных существительных омонимичны формы В и И, а у одушевленных – В и Р. В третьем склонении омонимичны формы Р, Д и П. У прилагательного в единственном числе в мужском и среднем роде нет омонимичных форм, кроме форм, связанных с категорией одушевленности, в женском роде омонимичны формы Р, Д, Т и П.

Во множественном числе у существительного, как и во 2 склонении существительного в единственном числе, омонимия касается только категории одушевленности: у неодушевленных существительных омонимичны формы В и И, а у одушевленных – В и Р. У прилагательных, помимо омонимии, связанной с одушевленностью, которая имеет согласовательный характер, во множественном числе омонимичны формы Р и П.

Представим сложное соответствие падежных омонимов в виде таблицы:

Таблица 2. Омонимичные падежи в склонении существительных и прилагательных

Число	Род	Тип склонения	И	В	Р	П	Д	Т
Ед.	М. и С.	2 сущ. одуш.	И	РВ		П	Д	Т
		2 сущ. неод.	ИВ		Р	П	Д	Т
		Прилагательные	ИВ		РВ		П	Д
	Ж.	1 сущ.	И	В	Р	ДП		Т
		3 сущ.	ИВ		РДП			Т
		Прилагательные	И	В	РДТП			
Мн.	Сущ. одуш.			РВ		П	Д	Т
	Сущ. неод.		ИВ		Р	П	Д	Т
	Прилагательные		ИВ		РВП		Д	Т

Типы склонения сгруппированы не по совпадению флексий, а по составу омонимичных падежей. Омонимичные падежи выделены заливкой. Более светлым оттенком выделен омонимичный ИВ падеж; более темным – омонимичные косвенные падежи в разных сочетаниях.

Согласно структурному принципу согласования, омонимичные формы прилагательных употребляются с неомонимичными формами существительного в соответствии с синтаксическим поведением существительного, например: *А Сережа перестанет спрашивать или думать о (П+) моих (РП) двух (РП) мужьях (П)?* (Л. Толстой. Анна Каренина). Выбор падежа прилагательного в паре определяется тем, какой падеж выбран для существительного, см. Таблицу 3.

Таблица 3. Выбор падежа прилагательного при структурном согласовании

Управляющее слово	Существительное	Прилагательное (и числительное два)
<i>Нет</i>	Р: <i>мужей</i>	РП: <i>моих двух</i>
<i>Думать о</i>	П: <i>мужьях</i>	

Изучение регулярных случаев смешения падежа в современной речевой практике показывают, что наиболее часто оно происходит в атрибутивных сочетаниях, при этом в них наблюдается именно линейный принцип согласования, когда выбор падежа существительного определяется употреблением падежа прилагательного, например: *Прямо из салона вылез то ли косяк, то ли конструктивная особенность – в мороз, на холодной машине, в районе раздатки появляется криминальный звук, что-то среднее между хрустом (Р+) убитой (РДТП) «гранатой» (*Т) и работой АБС* (<https://wroom.ru/story/id/31777>). Порядок подчинения должен выглядеть так: *хрустом (Р+) – гранаты (Р) – убитой (РДТП)*. В этом случае Р.п. существительного *граната* обусловлен управлением со стороны существительного *хруст*. А отглагольное прилагательное *убитый* должно принять омонимичную форму РДТП *убитой*, пересекающуюся с формой Р *гранаты*. Однако получается, что существительное *хруст* управляет атрибутивным сочетанием *убитая граната*, в котором форму зависимости, падеж РДТП, принимает первый по порядку, левый компонент *убитый*, а существительное *граната* случайным образом принимает форму одного из омонимичных падежей прилагательного, то есть согласуется с ним, а не наоборот, см. Таблицу 4.

Таблица 4. Вариативность падежа существительного при линейном согласовании

Управляющее слово	Прилагательное	Существительное
<i>Хрустом</i>	РДТП: <i>«убитой»</i>	Р: <i>гранаты</i>
		ДП: <i>гранате</i>
		Т: <i>гранатой</i>

Отметим также, что выбор Т.п. не вполне случаен и обусловлен соседством с управляющим словом *хруст* в Т.п., расположенным слева на расстоянии одного графического слова. То есть можно предположить также согласование с управляющим словом вместо управления. Такое явление тоже встречается.

Кроме того, выбор Т.п. вполне может быть обусловлен соседством со словом *работа* в Т.п. справа, то есть, помимо прочего, наблюдается согласование со «случайным соседом» справа, который тем не менее связан с синтагмой *хрустом убитой гранатой* посредством союза *и*, а ближайшим соседом слева у него является форма слова *граната*, ср.: *гранатой и работой*.

Как показывает анализ материала, наибольшая вероятность смешения падежей существительного наблюдается в атрибутивных сочетаниях в Р и П падежах во мн. числе и в Р, Д, Т и П падежах в ж. р. ед. числа.

Возможно линейное согласование и с количественным числительным, например: *Сильные морозы осаждённого города выявили недостатки штатного офицерского пистолета ТТ. Он не мог стрелять уже при (Р+) минус двадцати (РДП) градусов (*Р)* (<https://aeslib.ru/nauka-i-tehnika/vooruzhenie/neizvestnyj-pistolet-velikoj-otechestvennoj.html>).

Прием сопоставления омонимичных и неомонимичных форм в составе синтагмы показал, что наблюдаются случаи линейного согласования и с существительным – однородным членом и/или обобщающим словом, например: *Свободолюбивый Джонни Депп так никогда и не женился на своей Ванессе, которую боготворил, несмотря на двоих (РВ) детей (РВ) — сына (РВ) Джека (РВ) и дочери(*Р)-подростка(РВ) Лили-Роуз Мелоди Депп* (см.: <https://uznayvse.ru/interesting-facts/foto-zvezdnyh-par-nezadolgo-do-rasstavaniya-nichto-ne-predveschalo.html>. Дата обращения 09.03.20019). В данном случае злую шутку с падежом существительного *дочь-подросток* сыграла категория одушевленности. Существительное во множественном числе и существительное мужского рода 2 склонения проявляют одушевленность, принимая омонимичную форму РВ, а в сочинительном сочетании существительное женского рода 3 склонения последовало линейному принципу согласования, случайным образом приняв форму одного из омонимичных падежей – родительного. Отметим также, что на форму падежа существительного *дочь* повлияло и нахождение в составе аппозитивного сочетания *дочь/дочери-подростка*, в котором приложение также употреблено в «одушевленном» РВ падеже. Продемонстрируем и обратный пример, в котором сработала «ложная одушевленность» в аппозитивном сочетании: *Международный олимпийский комитет принял решение о пожизненной дисквалификации скелетонистов (РВ) Александра (РВ) Третьякова (РВ) и Елену (*В) Никитину (*В), которые в Сочи принесли в копилку сборной РФ золото и бронзу...* (https://rueconomics.ru/290557-voevat-oni-tozhe-tak-zhe-sobirayutsya-pobedu-ssha-nad-rf-posle-lisheniya-ee-medalei-sochi-2014-sravnil-i-v-rossii-s-perepisyaniem-istorii#from_copy).

Обратим внимание на то, что в аппозитивном сочетании *дочери(*Р)-подростка(РВ)* слово в омонимичной падежной форме находится справа от слова, употребленного в неправильном падеже. Это означает, что случайный характер согласования, приводящий к смешению падежной формы, проявляется и при реализации линейного принципа (крайне часто), и в отсутствие его действия (очень редко). Это, в свою очередь, говорит о том, что именно случайный выбор падежа составляет специфику той разновидности согласования, которая приводит к ошибке. Назовем эту разновидность вероятностным согласованием.

Тогда вероятностное согласование в падеже наблюдается в том случае, когда один из компонентов сочетания употребляется в форме, имеющей ФП двух или более падежей, а второй компонент случайным образом принимает форму одного из этих падежей. Как правило, такое согласование наблюдается при препозиции компонента,

имеющего омонимичные формы падежа, то есть при реализации линейного принципа согласования, все чаще заменяющего структурный принцип вследствие «ослабления падежной функции».

Выводы. Итак, согласование в русском языке представляет собой прежде всего синтаксический механизм, основанный на двойном пересечении частей речи и морфологических категорий: в системе словоизменения и в линейно-структурной организации предикативной единицы, сложного предложения и текста. Такое пересечение имеет и семантическую природу: оно позволяет словам разных частей речи отражать важные характеристики обозначаемых в предикативной единице и тексте реалий. Регулярно этот механизм порождает межсловную синтаксическую связь в предикативной единице, именуемую, как и синтаксический механизм, согласованием, а также организует взаимодействие анафорического местоимения и его антецедента, как правило, за пределами предикативной единицы. Связь согласования в общем случае подчиняется структурному принципу уподобления определяющего компонента главному, а при местоименной анафоре механизм согласования в общем случае основан на линейном принципе уподобления правого компонента левому.

Современные тенденции в функционировании падежа демонстрируют факты согласования, противоречащие структурному принципу. Оно все чаще следует линейному принципу и проявляется в вероятностном употреблении падежа постпозитивного главного слова.

Литература

- Белошапкина, В. А. (1977). *Современный русский язык: Синтаксис*. Москва: Высш. школа.
- Бондарко, А. В. (1976). *Теория морфологических категорий*. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние.
- Гловинская, М. Я. (2000). Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок). *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. 2-е изд. Москва: Языки русской культуры, 237–304.
- Грамматика (1980) – Русская грамматика*: в 2 т. (1980). Т. 2: Синтаксис. Москва: Наука.
- Грамматика (1960) – Грамматика русского языка (1960)*: в 2 т. Т. 1: Фонетика и морфология. Москва: Изд-во АН СССР.
- Грамматика (1970) – Грамматика современного русского литературного языка (1970)*. Москва: Наука.
- Греков, В. Ф. (1976). *Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы*. 25-е изд. Москва: Просвещение.
- Зализняк, А. А., Падучева Е. В. (1975). К типологии относительного предложения // *Семиотика и информатика*: сборник статей. Вып. 6: Грамматические и семантические проблемы. Москва: ВИНТИ, 51–101.
- Иомдин, Л. Л. (1990). *Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования*. Москва: Наука.
- Карпов, А. К. (2019). *Морфология современного русского языка*. 3-е изд., испр. и доп. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та.
- Кибрик, А. А. (1987). Механизмы устранения референциального конфликта. *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. Москва: Наука, 128–145.
- Ким, И. Е. (2018). Тенденция к разрушению русской падежной системы и предсказуемость синтаксической связи в теории синтаксиса В. А. Белошапкиной. *Вестник Томского государственного университета. Серия. Филология*, 51, 9–24. DOI: 10.17223/19986645/51/2
- Ким, И. Е. (2012). Линейный принцип согласования в пределах предикативной единицы. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия. История, филология*, 11(9), 144–148.
- Ким, И. Е. (2020). Лексико-грамматическое окружение и его влияние на форму падежа существительного. *Критика и семиотика*, 2, 129–151. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-129-151
- Метс Н. А. (Ред.). (1985). *Практическая грамматика русского языка: для зарубежных преподавателей-русистов*. Под редакцией Москва: Русский язык.
- Попов, С. Л. (2005). О семантическом критерии выбора варианта при согласовании в числе сказуемого с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія. Філологія*, 46, 10–13.

References

- Beloshapkova, V. A. (1977). *Modern Russian: Syntax*. Moscow: Vyssh. shkola. (In Russian).
- Bondarko, A. V. (1976). *Theory of morphological categories*. Leningrad: Nauka. Leningr. dept. (In Russian).
- Fedorov, A. K. (1972). *Difficult questions of syntax. A guide for the teacher*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).
- Glovinskaia, M. Ia. (2000). Active processes in grammar (based on innovations and mass language errors). *Russkii iazyk kontsa XX stoletiiia (1985–1995)*. 2-nd Ed. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 237–304. (In Russian).
- Grammatika (1960) – *Grammar of the Russian language*. 2 (1). (1960). Moscow: Izd-vo AN SSSR. (In Russian).
- Grammatika (1970) – *Grammar of the Modern Russian literary language* (1970). Moscow: Nauka. (In Russian).
- Grammatika (1980) – *Russian grammar*. (1970). 2: *Syntax*. Moscow, Nauka. (In Russian).
- Grekov V. F., Kriuchkov S. E., Cheshko L.A. (1976). *Addendum for Russian language classes in high school*. 25-e izd. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian).
- Iomdin, L. L. (1990). *Automatic natural language text processing: a matching model*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Karpov, A. K. (2019). *Morphology of the Modern Russian: Ucheb. posobie*. 3 e izd., ispr. i dop. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta. (In Russian).
- Kharcheva, M. A. (1968). Teaching predicate-subject agreement of English speakers. *Russkii iazyk za rubezhom*, 1, 92–95. (In Russian).
- Kibrik, A.A. (1987). Mechanisms for eliminating referential conflict. *Modeling of language activity in intelligent systems*. Moscow, 128-145. (In Russian).
- Kim I.E. (2020) Lexico-grammatical environment and its influence on the case form of a noun. *Critique & Semiotics*, 2, 129–151. (In Russian). DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-129-151
- Kim, I. E. (2012). Linear agreement principle within a simple sentence. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 11(9), 144–148. (In Russian).
- Kim, I. E. (2018). The tendency towards the destruction of the Russian case system and the predictability of syntactic connection in V. A. Beloshapkova's theory of syntax. *Vestnik TSU. Filologija*, 51, 9–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/51/2
- Mets N. A. (Ed.). (1985). *Practical Grammar of the Russian Language for Foreign Teachers of Russian Studies*. Moscow: Russkii iazyk. (In Russian).
- Pike, K. L. (1957). Grammatic Theory in Reference to Restricted Problems of Morpheme Classes. *International Journal of American Linguistics*, 2(3), 119–128. DOI: 10.1086/464406 (In Russian).
- Popov, S. L. (2012b). The Russian language and literature are being studied: "grammatical myopia" of agreement in the number of a prepositive adjective with homogeneous members

Попов, С. Л. (2012a). Закономерности исторического развития вариантов согласования в русском языке. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія. Філологія*, 66, 166–171.

Попов, С. Л. (2012b). Изучаются русский язык и литература: «'грамматическая близорукость'» препозитивного согласования в числе прилагательного с однородными членами – существительными. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія. Філологія*, 64, 66–71.

Попова, З. Д. (1974). «Согласование», «управление», «примыкание» в русской лингвистической терминологии. *Синтаксические связи в русском языке*. Вып. 1. Владивосток: Изд-во Дальневосточн. гос. ун-та, 3–8.

Розенталь, Д. Э. (1997). *Справочник по правописанию и литературной правке*. Москва: Айрис: Рольф.

Федоров, А. К. (1972). *Трудные вопросы синтаксиса*. Москва: Просвещение.

Харчева, М. А. (1968). Обучение согласованию сказуемого с подлежащим лиц, говорящих на английском языке. *Русский язык за рубежом*, 1, 92–95.

Pike, K. L. (1957). Grammemic Theory in Reference to Restricted Problems of Morpheme Classes. *International Journal of American Linguistics*, 23(3), 119–128. DOI: 10.1086/464406

- nouns. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Seriiia "Filologiiia"*, 64, 66-71. (In Russian).

Popov, S. L. (2005). On the semantic criterion for choosing a variant within the number agreement of the predicate with the subject, expressed with quantitative-noun combination. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina. Seriiia "Filologiiia"*, 46, 10–13. (In Russian).

Popov, S. L. (2012a). Patterns of historical development of agreement variants in Russian. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina. Seriiia "Filologiiia"*, 66, 166–171. (In Russian).

Popova, Z. D. (1974). “Agreement”, “government”, “adjacency” in Russian linguistic terminology. *Syntactic connections in Russian*. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochn. gos. un-ta, 3-8. (In Russian).

Rosenthal, D. E. (1997). *Handbook of Spelling and Literary Editing*. Moscow: Iris-Press, Rolf. (In Russian).

Zalizniak, A. A., Paducheva E. V. (1975). Toward a typology of the relative clause. *Semiotika i informatika*. Moscow: VINITI, 51-101. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Ким, И. Е. (2023). Согласование в русском языке: морфологическая, синтаксическая и семантическая сущность. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 9–24. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-9-24

For citation:

Kim, I. E. (2023). Morphological, syntactic and semantic nature of agreement in Russian. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 9–24. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-9-24

Дативный субъект и предикативность: к типологии инфинитивных групп в русском языке

М. Я. Дымарский

Dative subject and predicativity: towards the typology of Russian infinitive phrases

M. Ya. Dymarsky

Михаил Яковлевич Дымарский – доктор филологических наук, профессор; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: dym2005@list.ru

Статья поступила: 12.04.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

В статье рассматриваются два взаимосвязанных тезиса, часто встречающихся в работах, в той или иной степени ориентированных на генеративную грамматику: 1) любая инфинитивная группа является клаузой; 2) каждая инфинитивная клауза содержит позицию дативного субъекта, в том числе нулевого (PRO_{DAT}). Клауза трактуется как «минимальная грамматическая единица, соответствующая пропозиции» (С.С. Сай). В сфере внимания находятся инфинитивные группы, функционирующие как 1) смысловой компонент составного глагольного сказуемого (*начал изучать французский*), 2) объект (*попросил жену приготовить ужин*), 3) обстоятельство (*пошел отправлять письмо*), 4) придаточное (...*чтобы отправить письмо*). Предлагается разграничение полных и неполных клауз. Полные содержат дативный субъект, который при выражении нулем легко восстанавливается, и полно отображают структуру пропозиции. Только такие инфинитивные клаузы характеризуются предикативностью; к ним относятся придаточные предложения. Неполные инфинитивные клаузы в роли объекта и обстоятельства («сентенциального актанта» и «сентенциального сирконстанта») выраженного дативного субъекта содержать не могут. Конструкции с неполными клаузами нельзя признать полипредикативными, но можно признать полипропозитивными. Рассмотрены некоторые примеры, призванные доказать наличие в них нулевого дативного субъекта (PRO_{DAT}), продемонстрирована несостоятельность и несоответствие этих примеров узусу. Делается вывод, что в таких случаях синтаксическая позиция для дативного субъекта отсутствует, семантически же субъект транслируется в неполную инфинитивную клаузу из «матричной клаузы». Предлагается именовать такие конструкции слиянием клауз. За конструкциями с инфинитивными группами, возникающими при фазисной или модальной модификации простого глагольного сказуемого, признается целесообразным сохранить традиционное наименование составного глагольного сказуемого, поскольку такие конструкции не только монопредикативны, но и монопропозитивны. Понятие инфинитивной клаузы к таким конструкциям неприменимо.

Mikhail Ya. Dymarsky – Doctor of Sciences in Philology, Professor; Herzen State Pedagogical University of Russia; The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID 0000-0002-1796-7686

Received: 12/04/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

The article deals with two interrelated theses, often found in works that are more or less focused on generative grammar: 1) any infinitive group is a clause; 2) each infinitive clause contains the position for a dative subject, including the zero one (PRO_{DAT}). A clause is interpreted as “minimal grammatical unit corresponding to a proposition” (S. S. Sai). The focus is on infinitive groups that function as 1) the semantic component of the compound verb predicate (*nachal izuchat' francuzskij* ‘started learning French’), 2) object (*poprosil zhenu prigotovit' obed* ‘asked the wife to cook dinner’), 3) adverbial modifier (*poshel otpravlyat' pis'mo* ‘went to send a letter’), 4) subordinate clause (*chtoby otpravit' pis'mo* ‘...to send a letter’). A distinction is made between complete and incomplete clauses. Complete ones contain a dative subject, which, when expressed by zero, is easily restored, and fully reflect the structure of the proposition. Only such infinitive clauses are characterized by predicativity; these include subordinate clauses. Incomplete infinitive clauses in the role of an object and an adverbial modifier (“sentential actant” and “sentential circonstant”) cannot contain a pronounced dative subject. Constructions with incomplete clauses cannot be recognized as polypredicative, but they can be recognized as polypropositive. Some examples, designed to prove the presence of a zero dative subject (PRO_{DAT}) in them, are considered, the ungrammaticality and inconsistency of these examples with the usus is demonstrated. It is concluded that in such cases there is no syntactic position for the dative subject, while semantically the subject is transmitted into an incomplete infinitive clause from the “matrix clause”. It is proposed to refer to such constructions as merged clauses. For constructions with infinitive groups arising from the phase or modal modification of a simple verbal predicate, it is considered expedient to retain the traditional name of the compound verbal predicate, since such constructions are not only monopredicative, but also monopropositive. The concept of an infinitive clause is not applicable to such constructions.

Ключевые слова: инфинитивная группа, инфинитивная клауза, дативный субъект, предикативность, составное сказуемое, слияние клауз

УДК 811.161.1:81'367

Keywords: infinitive group, infinitive clause, dative subject, predicativity, compound predicate, merged clauses

OECD: 6.02.OT

V

Постановка проблемы. В лингвистических работах встречаются примеры, которые можно назвать кочующими: они заимствуются из одной работы в другую, иногда очень удачно представляя иллюстрируемое явление, а иногда отражая и ошибочные представления об этом явлении и порождая неверные выводы.

А. А. Зализняк в свое время напомнил, что заблуждения не следует игнорировать: таким образом их можно только укрепить [Зализняк, 2010]. Безусловно, пафос его речи при вручении премии им. А. И. Солженицына был направлен против любительской науки и в защиту подлинной науки, что как будто не имеет отношения к собственно лингвистическим работам. Однако, как будет показано ниже, существуют примеры речений, которые специалисты по русскому языку, не являющиеся его носителями как родного, считают приемлемыми и даже стандартными, на основе чего ими делаются выводы – иногда далеко идущие. Ниже будут рассмотрены некоторые подобные примеры и ложные убеждения.

Методология и методика анализа. Материал, о котором пойдет речь, связан с одним из положений, безоговорочно разделяемых лингвистами, исповедующими генеративно-ориентированные взгляды. Оно состоит в том, что любая инфинитивная группа представляет собой клаузу и должна рассматриваться в этом качестве вне какой бы то ни было зависимости от места и роли этой группы в «объемлющей структуре» (удачное выражение Е. В. Падучевой). Во многих работах (хотя не во всех, поскольку недостатка в различных версиях генеративно-ориентированных взглядов нет) указанное положение трактуется в том смысле, что наличие инфинитивной клаузы в предложении с финитным глаголом автоматически означает полипредикативность такого предложения. Проблема, однако, в том, действительно ли любая конструкция, которая производит впечатление «инфинитивной клаузы», то есть представляет собой группу, возглавляемую инфинитивом, является таковой; а если не любая, то какие конструкции, кроме инфинитивных клауз, следует различать. Это важно потому, что от статуса, приписываемого инфинитивной группе, зависит и интерпретация ее структуры. Решению этой проблемы и посвящена статья.

История вопроса. Для рассмотрения поставленной проблемы наиболее важными оказываются понятия клаузы, инфинитивной группы, предикативности и пропозитивности.

К понятию клаузы. Дифференциация инфинитивных групп. Емкое и лаконичное определение клаузы дано Я. Г. Тестельцом: это «любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки» [Тестелец, 2001, с. 256]. Важный аспект клаузы, не отражаемый, однако, этим

определением, положен в основу дефиниции, предлагаемой С. С. Саем: «минимальная грамматическая единица, соответствующая пропозиции» [Сай, 2015, с. 1]. Нетрудно видеть, что два приведенных определения хорошо дополняют друг друга.

Различаются финитные и нефинитные клаузы: во главе первых находится спрягаемая (финитная) форма глагола, во главе вторых – неспрягаемая (нефинитная): инфинитив, причастие, деепричастие, отглагольное имя действия. При этом оказывается возможным компактно определить предложение как финитную клаузу. В одних работах этим определением и ограничиваются; в других за предложением, помимо этого, признаётся «важнейшее свойство» – предикативность: тогда клаузы вида *Этот студент вчера опоздал на занятие* признаются предикативными (предложениями), а клаузы вида *студент, опоздавший вчера на занятие, вчерашнее опоздание студента на занятие* – непредикативными [Там же; примеры оригинала]. В сущности, понятия финитной клаузы и предикативной клаузы конгруэнтны; различие между ними носит методологический характер: первый термин предпочитают специалисты, которые, вслед за Н. Хомским и другими, находят использование понятия предикативности избыточным; второй употребляют те, кто считает возможным учитывать отечественную синтаксическую традицию, – хотя существует и прекрасный пример вполне гармоничного подхода, сочетающего учет разных традиций: [Тестелец, 2001, с. 229–268].

Любое предложение, содержащее более одной клаузы, могло бы рассматриваться как сложное; но этому препятствует тот факт, что «зависимые клаузы далеко не всегда являются предложениями» [Сай, 2015, с. 2], то есть не всегда характеризуются предикативностью, а сложным называют предложение, состоящее из более чем одной предикативной единицы (\approx более чем одного предложения). С. С. Сай приводит три удачно отобранных примера, каждый из которых является поликлаузальным (хотя такой термин не используется), но не каждый может быть назван сложным предложением:

(1) *Советую тебе купить у Меня золото..., чтобы тебе обогатиться* [Почтение (2004) // Журнал Московской патриархии, 2004.03.29]¹;

(2) *...сам Батя вышел, чтобы вас встретить* [Солдат удачи, 2004.01.14];

(3) *Спиваков после этого вышел играть концерт Моцарта...* [Сати Спивакова. Не всё (2002)] [Там же, с. 2].

Выход из затруднительного положения предлагается следующий: не все конструкции (1–3) являются сложными предложениями, но все они признаются полипредикативными: «Полипредикативная структура, или полипредикация, – синтаксическая структура, включающая более одной клаузы» [Там же, с. 2–3].

Противоречие очевидно: если клаузы вида *студент, опоздавший вчера на занятие* не признаются предикативными, то и клауза вида *играть концерт*

¹ В более полном виде этот пример выглядит так: (1') *Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамota наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть* (Откровение Иоанна Богослова: синодальный перевод, 1816–1862).

Моцарта предикативной не является; следовательно, название «полипредикативная структура» по отношению к (3) нельзя признать корректным.

Между тем именно такая трактовка любых конструкций, включающих инфинитивную клаузу, широко распространена. Например, А. Б. Летучий пишет: «...существуют классы глаголов, при которых вместо канонического дополнения – существительного или местоимения в винительном падеже – может употребляться группа другого синтаксического типа, или конструкция, не являющаяся местоименной или именной группой, семантически и синтаксически до той или иной степени тождественные каноническому прямому дополнению. Это может быть:

<...> в) *сентенциальный актанта...*, в том числе:

– инфинитивный оборот (*Я люблю ходить в кино*); <...>

Некоторые из этих конструкций возможны также и при непереходных глаголах, не в функции прямого дополнения:

<...>

б) *сентенциальный актанта*, в том числе:

– инфинитивный оборот: *Я рад оказать вам услугу*» [Летучий, 2014].

Другими словами, в случаях, которые традиционной грамматикой квалифицируются как простые (монопредикативные!) предложения с составным (*люблю ходить* – составное глагольное с модальной связкой) или сложным сказуемым (*рад ∅ оказать*² – сложное трехчленное с модальным компонентом и формальной связкой), констатируются две клаузы и, соответственно, полипредикативная структура. Ведь «сентенциальный актанта» потому и называется сентенциальным, что грамматически он представляет собой – или рассматривается как – предложение (*sentence*). Понятие составного глагольного сказуемого (и производных от него более сложных типов), таким образом, отменяется; оно замещается представлением о полипредикативной структуре, в которой имеются главная и зависимая клаузы. Последняя выступает в функции сентенциального актанта, то есть дополнения при предикате «матричной» клаузы (*люблю, рад*).

Такой анализ мог бы не вызывать возражений, если бы при этом актанта или обязательный сирконстант *в кино, услугу / город* не оказывался отделенным границей между клаузами от первого актанта (*Я*) и связь между ними не становилась проблематичной.

При традиционном анализе предполагается преемственность между конструкциями с простым глагольным сказуемым и с его модальными и фазисными модификациями (составными и сложными сказуемыми). Если в предложении *Я хожу в кино* словоформы с субъектным (*я*) и сирконстантным (*в кино*) значением связаны с одним и тем же предикатом и – при его посредстве – друг с другом, то в предложении *Я люблю ходить в кино* предполагается совершенно аналогичная конфигурация связей, и различие лишь в том, что предикат, служащий посредником

² Строго говоря, смысловой инфинитив здесь выражен аналитическим глаголом: *оказать услугу = услужить*. Но эту деталь в данном случае можно оставить в стороне, тем более что легко привести пример с обычным глаголом и обычным дополнением: *Я рад показать вам наш город*.

между субъектом и сирконстантом, представляет собой более сложный тип сказуемого.

При анализе же, опирающемся на понятие клаузы, возникает требование признать за инфинитивом статус вершины клаузы, а поскольку в предложении имеется еще и финитная форма глагола, клауз оказывается две: в результате между субъектом и сирконстантом возникает граница, отменяющая их опосредованную связь друг с другом.

Вдобавок положение осложняется тем, что коль скоро инфинитив вместе со своими зависимыми образует другую клаузу, то в ней должен быть и свой первый актант, и предложение в целом должно было бы принимать вид (квадратными скобками обозначена зависимая клауза):

(4) *Я люблю [я ходить в кино];

(5) *Я рад [я оказать вам услугу].

Версии (4–5), однако, неприемлемы; столь же неприемлемы и версии, опирающиеся на тезис, согласно которому инфинитивная клауза в русском языке (любая!) требует дативного субъекта (к этому тезису мы еще вернемся):

(6) *Я люблю [мне ходить в кино];

(7) *Я рад [мне оказать вам услугу].

Выход из неприемлемости (4–7) находят в том, что в инфинитивной клаузе постулируется нулевой дативный субъект, который якобы присутствует всегда (ср. [Babby, 2009, p. 194] и мн. др.). Теория удобная: доказать ее примерами предложений, трактуемых традиционной грамматикой как простые с составными сказуемыми, где этот дативный субъект имел бы ненулевую форму, невозможно, ср. (4–7); но и опровергнуть затруднительно: ведь утверждается наличие нулевой формы. В качестве косвенных доказательств приводят предложения вида (1), из которых, в частности, названный тезис и выводится.

Пример (1) заслуживает отдельного комментария. Выраженный дативный субъект в придаточном предложении выглядит здесь несколько искусственно: чаще в подобных конструкциях, где субъекты обеих частей кореферентны (*тебе* купить... *тебе* обогатиться), датив зависимой клаузы опускается:

(8) *Чтобы* [ей↓] *купить свежих фруктов, Надя ходит исключительно на рынок.*

То же демонстрирует и пример (1', см. прим. 1), в котором имеются еще два целевых инфинитивных придаточных с опущенными дативными субъектами: *чтобы* [тебе↓] *одеться* и *чтобы* [тебе↓] *видеть*.

Однако в (1) первый датив одновременно обозначает и субъект инфинитивного действия, и объект финитного предиката: *советую* → *тебе* ← *купить*. Только эта двойная роль первого *тебе*, а также наличие своего субъекта у финитного предиката ([я] *советую*) объясняют выбор ненулевой формы для дативного субъекта в зависимой клаузе; если (1) изменить так, чтобы избавиться от двух субъектов в первой клаузе, необходимость во втором *тебе* отпадёт, потому что кореферентность сохранится, а возможность двойного чтения исчезнет:

(1.1) *Купи у него золото, чтобы обогатиться;*

(1.2) *Ты купишь у него золото, чтобы обогатиться.*

При некорреферентности субъектов главного и придаточного предложений позиция дативного субъекта оставаться замещенной нулем не может:

(9) *Дайте, пожалуйста, для ориентира название какого-нибудь отеля или достопримечательности, чтобы мне не промахнуться и выбрать себе отель в цивилизации!* (<https://ftour.otzyv.ru/tema/234325/>)

Следовательно, примеры вида (1) удобны для того, чтобы показать наличие позиции дативного субъекта в зависимой инфинитивной клаузе даже тогда, когда он материально не выражен: как только конструкция отклоняется от простейшего прототипа и становятся возможны разночтения, имеющаяся позиция «проясняется» – дативный субъект выражается ненулевой формой. При этом никак не оговаривается, что зависимые инфинитивные клаузы выступают в разных функциях и позициях, и сделанный вывод распространяется на все такие клаузы.

В результате верное, по сути, утверждение: «выражение подлежащего в зависимой клаузе невозможно (ни номинативное, ни дативное)» [Сай, 2015, с. 6] – оказывается верным для конструкций вида (4–7) (пример С. С. Сая: *Вася начал [(*он / *ему) изучать французский]*), но не для конструкций вида (1), хотя в последних придаточное цели тоже должно рассматриваться как зависимая клауза. Всё дело как раз в том, что «инфинитивная клауза в роли сентенциального актанта» в примерах, подобных приводимым А. Б. Летучим, и инфинитивная клауза в роли придаточного предложения – принципиально различные явления, даже если согласиться с тем, что в обоих случаях мы имеем дело с зависимой инфинитивной клаузой.

Возможность восстановления дативного субъекта в инфинитивных придаточных (1, 8, 9) и принципиальная невозможность подобной операции по отношению к инфинитивным группам в роли «сентенциальных актанта» ясно свидетельствуют о том, что лишь первые обладают предикативностью, потому что структура пропозиции в них выражается с достаточной полнотой (имеется субъект), а модальная характеристика определена (это, например, желательность или другое ирреальное значение). Вторые же непредикативны, и употребление термина «сентенциальный актанта» по отношению к ним нельзя признать вполне корректным.

Еще одна принципиальная особенность инфинитивных групп – «сентенциальных актанта», присоединяемых без помощи союзов, – состоит в том, что, в отличие от инфинитивных придаточных, варьирование значения первого актанта инфинитивной группы в них невозможно. В конструкциях с составным глагольным сказуемым (10) и целевым инфинитивным оборотом (11) это всегда тот же субъект, что и субъект финитного предиката:

(10) *Вася начал изучать французский* (изучает Вася, другой субъект исключен);

(11) *Вася побежал на почту отправить письмо* (отправлять намерен Вася, другой субъект исключен).

В конструкции с объектной инфинитивной группой ее субъект совпадает с объектом финитного предиката (12) или включает субъект и объект последнего с комитативным значением (13):

(12) *Вася попросил Машу приготовить ужин* (ужин должна готовить Маша, другой субъект исключен);

(13) *Маша предложила Васе сходить [вместе] в зоопарк* (пойти должен Вася или Вася вместе с Машей, другие субъекты исключены);

(14) *Маша предложила Васе [их] совместный поход в зоопарк* (другие субъекты исключены).

А если варьирование значения первого актанта инфинитивной группы исключено и если в реальности этот субъект уже выражен подлежащим или дополнением, то предполагать наличие отдельной позиции для этого же актанта при инфинитиве попросту избыточно.

Примеры (10–13) показывают, что инфинитивные группы в них не просто зависимые инфинитивные клаузы: если это и клаузы, то **неполные**. Синтаксически позиция субъекта в них не предусмотрена, семантически же субъект в них транслируется из «матричной клаузы». Удобнее всего здесь говорить о *слиянии клауз* в монопредикативную структуру, неудобнее же всего видеть в этих конструкциях такие же предикативные клаузы, как придаточные с соответствующим союзом и «законной» позицией для дативного субъекта, так как подобное обобщение противоречит фактам. При этом нужно заметить, что (10) не только монопредикативно, но и монопропозитивно, поскольку никакого положения дел ‘Вася начал’ за этой конструкцией не стоит: такого положения дел просто не может существовать. Пропозиция, выражаемая (10), сводится к ‘СУБЪЕКТ изучает ОБЪЕКТ’, как и в *Вася изучает французский язык*, детализация же по фазе процесса, как и по модальной характеристике, отдельной пропозиции не создает. Конструкции (11–14) монопредикативны, но полипропозитивны, и применительно к ним, в отличие от (10), может быть осмысленным употребление выражений *неполная клауза* и *слияние клауз*. Удобнее же всего признать за объектными и обстоятельственными инфинитивными оборотами статус инфинитивных групп (но не клауз). Что же касается конструкций вида (10), то представляется целесообразным сохранить за ними статус предложений с составным глагольным сказуемым и не пытаться описывать их структуру в терминах клауз, полипредикативных структур и т. п.

Мнимая полипредикативность: нежелательные следствия. Теперь рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих следствия из сверхгенерализации – убеждения в том, что любая инфинитивная группа является клаузой с обязательной позицией для дативного субъекта. Убеждения столь сильного, что для его обоснования предпринимаются значительные усилия.

Итак, задача следующая: доказать, что в зависимой инфинитивной клаузе (не являющейся придаточным) имеется нулевой дативный субъект PRO_{DAT} – при том, что ни одного живого примера с «проснувшимся» дативным субъектом привести нельзя (значительно подробнее см. в [Тестелец, 2001, с. 270–278]). Следует рассуждение: если PRO_{DAT} имеется, значит, он должен контролировать согласуемые с ним формы – например, адъективные. Настоящую адъективную форму, которая зависела бы от нулевого субъекта, сочинить невозможно; однако существуют кванторные слова, выступающие в роли то ли обстоятельств, то ли определений и по типу словоизменения подходящие: *сам, один*. Кроме того, существуют сравнительные обороты с союзом *как*, в которых существительное также подвержено контролю согласования (ср.: *Тебя_{ACC} ж, как первую_{ACC} любовь_{ACC}, России сердце не забудет!*).

Решение: нужно найти предложения, в которых слово *сам / один* находится в составе инфинитивной клаузы и имеет форму дательного падежа, или предложения с этой же формой в сравнительном обороте в составе инфинитивной клаузы. Если такие предложения найдутся, то ничем, кроме контроля PRO_{DAT}, объяснить этот падеж будет невозможно, и теорема будет доказана.

Леонард Бэбби (L. Babby, Л. Бабий) приводит следующий пример, который он считает правильным:

(15) *Нас заставили тесниться в вагоне как сельдьям в бочке (sic!)* [Babby, 2009, p. 192; Бабий, 2014, с. 228].

С точки зрения автора, форма датива *сельдьям* согласуется в нулевым дативным субъектом «инфинитивного предложения» (NB: даже не *клаузы!*) и совершенно закономерна [Там же]. Этот же пример использует – и тоже в качестве правильного – Стивен Фрэнкс [Franks, 2014, p. 32]. Популярность этого странного примера такова, что О. В. Митренина посвящает его критике целый абзац в своей рецензии на книгу, в которой была опубликована статья С. Фрэнкса [Mitrenina, 2015, p. 334].

Вот еще один пример – на этот раз С. Фрэнкса:

(16) *Я попросил Тараса прийти одному/самому *одного/самого* [Franks, 2014, p. 18].

Разметка (оригинальная) не оставляет сомнений в том, что автор считает здесь единственно возможной форму датива, – в то время как носитель русского языка предпочтет как раз аккумулятив, отвергаемый автором, но на самом деле кореферентный ненулевому аккумулятиву *Тараса*, являющемуся одновременно объектом предиката *попросил* и субъектом инфинитива *прийти* в двух слившихся клаузах. Причина та же: убежденность в наличии нулевого дативного субъекта (PRO_{DAT}) при инфинитиве и необходимость согласования местоименной формы *сам / один* именно с этим мифическим дативом.

Еще один пример Л. Бэбби:

(17) *Я_{NOM} научу вас_{ACC.PL} [решать такие задачи_{ACC} самим_{DAT.PL}]* [Babby, 2009, p. 194; Бабий, 2014, с. 231].

По мнению автора, этот пример «иллюстрирует объектный контроль в стандартном русском языке: *самим* в дательном падеже согласуется с PRO_{DAT} субъектом инфинитивного предложения» [Там же].

Между тем то, что автор называет «стандартным для русского языка объектным контролем», не вызывает сомнения в конструкциях несколько иного вида:

(18) *Я разрешил Тарасу прийти одному,*

или

(i) $V_f^{trans.inanim.} + Obj_{DAT} + Inf + Sb_{Inf (=Obj)_{VF}}_{DAT}$

В таких конструкциях в позиции V_f используется глагол, переходность которого может быть реализована только неодушевленным объектом в В. п. (*разрешить поездку*) или инфинитивом, а валентность на одушевленный объект реализуется другим падежом – например, дательным. Кореферентность компонентов обеих глагольных форм в этом случае удачно подчеркивается совпадающим падежным оформлением.

В конструкциях же вида (17), или

(ii) $V_f^{\text{trans.anim.}} + \text{Obj}_{\text{ACC}} + \text{Inf} + \text{Sb}_{\text{Inf (=ObjVf)}} \text{ ?}_{\text{DAT}}$,

– тоже, как видно из нотации, предусматривающих кореферентность элементов Obj_{ACC} и $\text{Sb}_{\text{Inf (=ObjVf)}}$, возникает конфликт требований падежного оформления. Переходный глагол с валентностью на одушевленный прямой объект требует от последнего – существительного или местоимения – формы винительного падежа; это же имя / местоимение является антецедентом для формы *сам / один* в группе инфинитива. Статус субъекта (агенса) инфинитивного действия требует дательного падежа; но при следовании этому требованию кореферентность формы *сам / один* и ее антецедента становится проблематичной. Возникает конфликт требований (причем об этом конфликте можно говорить только если соглашаться с присутствием PRO_{DAT} при инфинитиве).

Любопытно, что, согласно логике авторов, при преобразовании простого глагольного сказуемого в составное возникает инфинитивная клауза с нулевым дативным субъектом, который должен контролировать подобные формы, и тогда мы имели бы преобразование:

(19) *Вася_{НОМ} играет на гитаре один_{НОМ} → Вася любит [PRO_{DAT} играть на гитаре **одному_{DAT}*].*

Однако таких примеров в упомянутых работах не приводится: видимо, потому, что они откровенно аграмматичны. Вот почему, видимо, цитируемые авторы предпочитают странные примеры вроде (17).

Анализ материала. Реальный узус проявляет отчетливую тенденцию к игнорированию мифического требования, исходящего из мифического PRO_{DAT} , и воплощению кореферентности указанных элементов в их тождественном падежном оформлении:

(16.1) *Я попросил **Тараса** прийти **одного**;*

(20) *Вернувшись, генерал весь остаток вечера и всю ночь просидел с начальником штаба за первой прикидкой плана, утром оставил **его** работать **одного**, а сам поехал в полк к Баглюку <...> (К. Симонов. Живые и мертвые, 1955–1959);*

(21) *Если же я отвечу вам решительным отказом, то это, напротив, взбудоражит, заинтригует, заволнует, заставит **вас** насторожиться, **самого** приглядываться и искать ответа на неразрешенный вопрос (К. С. Станиславский. Работа актера над собой, 1938);*

(22) *Он снова и весьма настойчиво просил его оставить **кубанцев самих** доканчивать освобождение Кубани, как это сделало Войско Донское, а самому идти на Царицын и Воронеж (П. Н. Краснов. Всевеликое Войско Донское, 1922);*

(23) *Я отнесся к вам в художественной форме; я заставил **вас** говорить **самих** за себя — и публика поняла в совершенстве, что в известных случаях эта манера есть единственно возможная (М. Е. Салтыков-Щедрин. Гг. «Семейству М. М. Достоевского, издающему журнал «Эпоха», 1864);*

(24) *Но она с порога: нет, даже не заговаривайте со мной об этом. Даже отпускала **его** гулять **одного** (А. Терехов. Каменный мост, 1997–2008).*

При обращении к НКРЯ по запросу, моделирующему структуру (ii), была получена выборка, насчитывающая 19 вхождений с *один / сам* в аккумулятиве и только 2 вхождения – с формами датива. Вот эти два примера:

(25) <...> она пошла к Буревестнику революции и заставила **его** принять **самому** меры для прекращения клеветнического слуха; второй раз — написав упомянутое письмо Сталину (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний, 1933–1935);

(26) Она научила **их** отвечать, когда спрашивают, **самим** разговоров не начинать, вопросов не задавать и чувств не выказывать, а если нужно на горшок, то шепотом попросить позволения вымыть руки (Н. Н. Берберова. Железная женщина, 1978-1980).

Не вызывающим сомнений представляется только (26), поскольку *самим* в нем означает ‘первыми’, что важно для смысла всего предложения. В (25) местоимение *сам* кажется просто избыточным. Но даже если признать два указанных случая легитимными, в целом соотношение 19 : 2 весьма убедительно свидетельствует о преобладании в узусе согласования местоимения в инфинитивной группе с винительным падежом объекта финитного предиката: именно в нем говорящие идентифицируют и субъект инфинитивной клаузы. Примеры же вида (17) никак нельзя оценить как стандартные: они производят впечатление маргинальных, на грани грамматичности; и уже за этой гранью находятся примеры (15) и (16).

Вообще говоря, важность местоимений *сам / один* в предложениях, представляющих собой слияние клауз, одна из которых неполная инфинитивная, несколько преувеличена. Хорошо известен простой «обходной путь», если уж говорящий сталкивается с проблемой падежного оформления местоимения при инфинитиве:

(27) Учу вас [***самим? *самих?**] **самостоятельно** управлять и регулировать свои эмоциональные и физиологические состояния (<http://shcolarazyma.ru/wppage/individualjnye-konsuljtacii-fanzilja-jagafarova>); в этом примере говорящий явно не испытывал затруднений с падежным оформлением, поскольку и управлением глаголов он распоряжается бездумно;

(28) Опытные педагоги говорят, что быстро научить любого ребенка читать и считать просто, но не очень просто вырастить человечка с устойчивым интересом к миру и стремлением познавать его, с умением [***самому? *самого?**] **самостоятельно** решать поставленные жизнью задачи, с открытостью сверстникам и взрослым (https://vk.com/topic-37435966_32226872?post=8352);

(29) Было бы здорово, если бы мультфильмы не только рассказывали об умных сказочных героях, которые готовы помочь в трудной ситуации, но и учили решать проблемы [***самим? *самих?**] **самостоятельно** через собственные умозаключения (<https://newtonew.com/parenting/triz-solving-problems>);

(30) ...я передам Вам свой опыт и научу Вас делать лэндинги [***самим? *самих?**] **самостоятельно** (http://biz-iskun.ru/videokurs_kak_sdelat_prodauschuyu/).

Еще одно нежелательное следствие неразграничения полных предикативных инфинитивных клауз и неполных непредикативных инфинитивных клауз (инфинитивных групп) может быть проиллюстрировано примером из замечательной

книги [Циммерлинг, 2013]. На протяжении книги автор неоднократно демонстрирует явление, получившее название Clitic Climbing: подъем клитики из зависимой клаузы в вышестоящую. В некоторых случаях, однако, примеры вызывают возражения:

(31) *слвц.* Rozmýšl'al, [ср či=sa má poň [п vrátit']].

Размышлять^{зед.м.прф.} альт.CL=ВОЗВР.ВИН. иметь^{зед.прз.} хоть вернуть^{инф.}

‘Он размышлял, не стоит ли ему вернуть=ся назад’ [Циммерлинг, 2013, с. 96].

Смысл примера заключается в том, что возвратное местоимение-клитика *sa*, служащее субъектом зависимой инфинитивной клаузы, извлекается из последней и занимает ваккернагелевскую позицию в вышестоящей клаузе: должно бы было быть букв. ‘ли имеет вернуть ся’, в реальности же есть букв. ‘ли ся имеет вернуть’. Это верно, если не разграничивать полные предикативные и неполные инфинитивные клаузы; если же принять это разграничение и признать, что ‘имеет вернуть(ся)’ (= должен вернуться) является обычным составным глагольным сказуемым, а вся конструкция, заключенная в квадратные скобки, представляет собой одно простое предложение, то пример придется признать не достигающим цели: Clitic Climbing в нем не происходит, имеет место лишь передвижение клитики в предписанную ей позицию кластеризации.

Выводы. Жесткий детерминизм, проявляющийся в установке на обнаружение дативного субъекта в любой инфинитивной конструкции, игнорирует существенные различия между по меньшей мере двумя разновидностями таких конструкций: полными предикативными и неполными непредикативными.

В полной предикативной инфинитивной клаузе имеется позиция дативного субъекта, часто выражаемая нулем, но всегда поддающаяся восстановлению. Только в этом случае структура пропозиции получает полное синтаксическое отображение, и только в этом случае оправданна характеристика такой клаузы как предикативной, поскольку и модальное значение при этом всегда определено. Таковы инфинитивные придаточные, маркированные подчинительным союзом или союзным словом (*чтобы [ему] обогатиться; куда [ему] убраться*).

В неполной инфинитивной клаузе позиция дативного субъекта отсутствует. При функционировании такой группы в качестве смыслового компонента составного глагольного сказуемого предложение не только монопредикативно, но и монопропозитивно, никакого отдельного субъекта действия, обозначенного инфинитивом, в них нет и быть не может; детализация действия по фазе или модальной окрашенности новой пропозиции не создает. В этом случае использование понятия клаузы безосновательно; можно – при желании – говорить об инфинитивной группе, но не более (*Вася начал изучать французский*). Анализ такой группы в терминах клауз ведет к искажению фактов и умножению сущностей без надобности.

При использовании неполной инфинитивной клаузы в объектной (*попросил Машу приготовить ужин*) и обстоятельственной (*пошел на почту отправить письмо*) функциях синтаксическая позиция субъекта в них не обнаруживается, семантически же субъект в них транслируется из «матричной клаузы», причем действуют вполне определенные закономерности, исключающие двусмысленность и делающие выражение в них «собственного» субъекта избыточным. Применительно к

конструкциям с неполными инфинитивными клаузами может быть осмысленным употребление выражения *слияние клауз*.

Если в отношении конструкций с полными предикативными инфинитивными клаузами использование термина *полипредикативная структура* оправданно, то в случае с неполными оно ведет к неверным выводам и обобщениям. Максима, согласно которой любая инфинитивная группа есть клауза с позицией дативного субъекта, в том числе нулевого, на поверку оказывается инструментом насилия над языковым материалом.

Что же касается конструкций с фазисной или модальной модификацией основного действия (*начал изучать, хочет поехать*), то за ними целесообразно сохранить их традиционное название – предложения с составным глагольным сказуемым, поскольку они не только монопредикативны, но и монопропозитивны.

Литература

Бабий, Л. (2014). *Синтаксис аргументной структуры*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2014.

Зализняк, А. А. (2010). Истина существует. Зализняк А. А. *Из заметок о любительской лингвистике*. Москва: Русский Мир; Московские учебники, 204–212.

Летучий, А. Б. (2014). *Переходность: материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. Русская корпусная грамматика: официальный сайт. Электронный ресурс <http://rusgram.ru>

Сай, С. С. (2015). *Базовые сведения о типологии полипредикации: конспект-хендаут к занятиям по синтаксису сложного предложения в типологическом аспекте* (Рукопись). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет.

Тестелец, Я. Г. (2001). *Введение в общий синтаксис*. Москва: РГГУ.

Циммерлинг, А. В. (2013). *Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте*. Москва: Языки славянских культур. Электронный ресурс [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(680\)blok%20Cimmerling-2013.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(680)blok%20Cimmerling-2013.pdf)

Babby, L. (2009). *The syntax of argument structure*. Cambridge: Cambridge University Press.

Franks, S. (2014). The overgeneration problem and the case of semipredicatives in Russian. In Anna Bondaruk, Gréte Dalmi, and Alexander Grosu (eds.). *Advances in the syntax of DP's: Structure, agreement, and case*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 13–60.

Mitrenina, O. (2015). [Review of:] Anna Bondaruk, Gréte Dalmi, and Alexander Grosu, eds. *Advances in the syntax of DP's: Structure, agreement, and case*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. 320 pp. *Journal of Slavic Linguistics: Journal of the Slavic Linguistics Society*, 23(2), 331–342.

References

Babii, L. (2014). *The syntax of argument structure*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ. 344 p. (In Russian).

Babby, Leonard (2009). *The syntax of argument structure*. Cambridge: Cambridge University Press. (In Russian).

Franks, Steven (2014). The overgeneration problem and the case of semipredicatives in Russian. In: Anna Bondaruk, Gréte Dalmi, and Alexander Grosu, eds. *Advances in the syntax of DP's: Structure, agreement, and case*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 13–59. (In Russian).

Letuchii, A. B. (2014). *Transitivity: Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar*. Available at: <http://rusgram.ru> (as manuscript). Moscow. (In Russian).

Mitrenina, O. (2015). [Review of:] Anna Bondaruk, Gréte Dalmi, and Alexander Grosu, eds. *Advances in the syntax of DP's: Structure, agreement, and case*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. 320 pp. *Journal of Slavic Linguistics: Journal of the Slavic Linguistics Society*, 23(2), 331–342. (In Russian).

Sai, S. S. (2015). *Basic information about the typology of polypredication: abstract-handout for classes on the syntax of a complex sentence in a typological aspect* (Manuscript). Saint Petersburg: SPbGU. (In Russian).

Testeleets, Ya. G. (2001). *Introduction to General Syntax*. Moscow: RGGU Publ. (In Russian).

Zalizniak, A. A. (2010). Truth does exist. In: Zalizniak A. A. *From Notes on Amateur Linguistics*. Moscow: Russkii Mir; Moskovskie uchebniki Publ. 204–212. (In Russian).

Zimmerling, A. V. (2013). *Word order systems in Slavic against the typological background*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. Retrieved from [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(680\)blok%20Cimmerling-2013.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(680)blok%20Cimmerling-2013.pdf) (In Russian).

Для цитирования статьи:

Дымарский, М. Я. (2023). Дативный субъект и предикативность: к типологии инфинитивных групп в русском языке. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 25–37. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-25-37

For citation:

Dymarsky, M. Ya. (2023). Dative subject and predicativity: towards the typology of Russian infinitive phrases. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 25–37. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-25-37

Конфликтный паратакис в современной прозе

С. А. Соловьева

Conflict parataxis in modern prose

S. A. Soloveva

Светлана Александровна Соловьева – доктор филологических наук, профессор; Череповецкий государственный университет, Череповец, Российская Федерация

E-mail: ssa_doc@mail.ru

Статья поступила. 15.04.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

В статье на материале современной постмодернистской прозы рассматриваются синтаксические конструкции с конфликтным паратакисом, конфликтность которых создается внутренней семантической несогласованностью компонентов, разорванностью, отрывистостью, перекомпоновкой фрагментов в параллельные группы. В их состав включаются структуры простого предложения с однородными членами, сложные предложения с параллельным подчинением и сложное синтаксическое целое. Процесс их структурирования соотносится с принципами когнитивной обработки объективной действительности человеческим сознанием. Многообразие анализируемых структур с точки зрения лексико-семантического наполнения, валентностных свойств компонентов, их порядка формирует коммуникативно-прагматическую однородность и конфликтность семантики. Непрототипичность конструкций с конфликтным паратакисом расширяет их прагматический потенциал, что продемонстрировано на фрагментах прозы Б. Пастернака, а также В. Пелевина, Т. Толстой, З. Прилепина. Структурирование паратаксического ряда на основании какой-либо общности (общей семы, способа выражения, функции, предтекста, исторического контекста) формирует в сознании читателя ощущение однородности и создает условия для вариативных интерпретаций. Многообразие анализируемых структур в плане лексико-семантического наполнения, валентностных свойств компонентов ряда, порядка их расположения позволяют говорить об особом типе коммуникативно-прагматической однородности компонентов паратаксического ряда. Анализ приведенного материала приводит к выводу о том, что конфликтный паратакис в современной постмодернистской прозе является одним из продуктивных приемов, создающих её simultaneity, фрагментарность, дискурсивность.

Ключевые слова: сочинительные структуры, паратаксическая конструкция, конфликтный паратакис, коммуникативно-прагматическая однородность

УДК 811.161.1:81.367

Svetlana A. Soloveva — Dr. Sci. in Philology, Professor; Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

ORCID 0000-0001-7688-2108

Received: 15/04/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

Based on the material of modern postmodern prose, the article examines syntactic constructions with conflict parataxis, the conflicting nature of which is created by the internal semantic inconsistency of the components, fragmentation, abruptness, rearrangement of fragments into parallel groups. They include structures of a simple sentence with homogeneous members, complex sentences with parallel subordination and a complex syntactic whole. The process of their structuring correlates with the principles of cognitive processing of objective reality by human consciousness. The diversity of the analyzed structures in terms of lexical-semantic content, valence properties of components, their order forms communicative-pragmatic homogeneity and conflict semantics. The non-prototypicality of constructions with conflict parataxis expands their pragmatic potential, which is demonstrated in fragments of the prose of B. Pasternak, as well as V. Pelevin, T. Tolstoy, Z. Prilepin. Structuring a parataxic series on the basis of some commonality (common seme, mode of expression, function, pretext, historical context) creates a sense of homogeneity in the reader's mind and creates conditions for variable interpretations. The diversity of the analyzed structures in terms of lexico-semantic content, valence properties of the components of the series, the order of their arrangement allow us to speak of a special type of communicative-pragmatic homogeneity of the components of the paratactic series. The analysis of the presented material leads to the conclusion that the conflict parataxis in modern postmodern prose is one of the productive methods that create its simultaneity, fragmentation, and discursiveness.

Keywords: coordinative structures, conflict parataxis, paratactic construction, communicative-pragmatic homogeneity

OECD: 6.02.QD

V

Постановка проблемы. В синтаксическом аспекте сочинительные конструкции исследовались давно. Наибольшую значимость имеют работы В. В. Виноградова, С. Г. Ильенко, И. Н. Кручининой, Н. С. Поспелова, А. А. Потевни, А. Ф. Прияткиной, К. Я. Сигала, Е. М. Ширяева и других. Традиционно и в отечественной, и в зарубежной лингвистике выделяется два типа сочинения: членов предложения (конструкции с однородными членами) и предложений. Это разделение можно считать общепринятым [Бабайцева, 2010]; [Белошапкина, 1977]; [Валгина, 2003]; [Ильенко, 2003]; [Русская грамматика, Т. II, 1980].

Термин «однородность» используется в разных значениях:

- 1) для указания на однородную близость, сходство;
- 2) для указания на вхождение в сочинительную конструкцию [Бабайцева, 2010];
- 3) как синоним сочинения [Гвоздев, 1973, с. 135].

Разграничение между сочинением членов и предложений снимается в концепции В. З. Санникова, в рамках которой автор выделяет несколько типов однородности:

1) лексико-семантическая однородность (члены функционально разнотипны, но воспринимаются как однородные) характеризуется наличием между членами определенной семантической близости и ненасыщенностью обязательной валентности, отсутствием морфологического согласования сочиняющихся членов;

2) функциональная однородность – однородность, для которой характерно соотношение с одной функцией нескольких лексем, а также отсутствие морфологического согласования сочиняющихся членов, заполненность валентностей;

3) коммуникативная однородность – однородность, при которой члены соединяются сочинительными союзами и ощущаются как однородные;

4) модальная (эмфатическая) однородность – однородность, для которой характерно наличие сочинительного союза, а также ярко выраженных модальных показателей (*А мело уже, и не на шутку, и всерьез*) [Санников, 2008, с. 119].

Широкий подход к паратаксису позволяет включать в его состав и сочинение, и бессоюзи [Белошапкина, 1989], [Кручинина, 1990], [Санников, 2008, с. 624], особенно в тех случаях, когда речь идет о рядах однородных членов. В основе такого подхода оказывается логический признак равноправия компонентов и их смысловой и грамматической независимости. С позиций трансформационной грамматики вопрос о сводимости предложения с однородными членами к сложносочиненному решается в рамках теории сочинительного сокращения, где трансформация была объявлена признаком [Werzbicka, 1969]; [Падучева, 1974, с. 161].

Анализ паратаксиса в концепциях структурализма представленный в работах С. О. Карцевского, В. Брэндаля, П. Дидериксена, Л. Теньера подтверждает возможность данного подхода. По мнению Л. Теньера, паратактическая (сочинительная) конструкция представляет собой два означаемых, расположенных на

одном и том же структурном уровне [Теньер, 1988, с. 6]. Особое значение при широком понимании паратаксиста приобретает теория концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 1998], согласно которой структуры исходных (*input*) ментальных пространств отображаются на новое, конструируемое ментальное пространство, нетождественное исходному, то есть представляет собой новое ментальное пространство со своим значением. Сочинительная связь (паратаксист) соответствует логической операции конъюнкции (сложения). Она не меняет структуры сочинительной модели, но приводит к её разрастанию, «расширению» [Норман, 2012, с. 172].

Широкий подход к паратаксисту и широкое понимание термина «однородность», включающее лексико-семантическую, функциональную и коммуникативную близость компонентов сочинительного ряда, позволяют на уровне анализа текста выявить зону пересечения синтаксических явлений разного уровня: рядов однородных членов в пределах простого предложения, однородных придаточных, бессоюзного сложного предложения, – и определить многообразие семантики синтаксической связи. Основным критерий, объединяющий столь разнообразные синтаксические явления, – отношения ряда, один из главных признаков которых – соположенность компонентов, сходство текстообразующих функций, связанных с когнитивными механизмами авторского сознания, когда сочетание компонентов ряда становится возможным.

Структура паратактической конструкции определяется количеством членов, порядком их следования, наличием/отсутствием союза, его местоположением и некоторыми другими признаками. Паратактический ряд и его компоненты не имеют грамматических ограничений структурирования. Синтаксическая связь определяет характер отношений, которые принципиально значимы на уровне восприятия и интерпретации текста.

Паратактический ряд может быть представлен союзной и бессоюзной связью. Отношения ряда – это отношения общего соединительного значения, однако, по мнению некоторых исследователей, бессоюзные конструкции больше связаны с говорящим, более субъективны [Санников 2008, с. 343], он является одним из способов выражения оценочных смыслов, формирующихся в менталитете человека в результате преломления отражательных знаний. Использование паратактических конструкций в структуре текста обусловлено симультанностью мышления, спецификой когнитивных механизмов памяти, делающих возможным сочетание компонентов ряда.

Цель данной статьи – анализ непрототипических синтаксических конструкций с паратаксистом, которые при наличии общей скрытой интенции сохраняют внутреннюю семантическую несогласованность и могут быть определены как основанные на конфликтном паратаксисте.

Объектом анализа стала современная проза, в которой использование синтаксических паратаксистических конструкций с отношениями ряда является одним из частотных синтаксических приемов.

Методология и методика исследования. В статье предпринимается попытка анализа паратактических конструкций с лингвокогнитивных позиций, создающих

условия для описания явлений паратаксиста как фактов языкового сознания. Применение описательного метода позволило охарактеризовать единицы анализа – паратактические ряды, их компоненты, семантические отношения, синтаксические связи.

Анализ материала. Попытки классифицировать основания, лежащие в основе паратаксиста, многочисленны, но очевидно, что применительно к художественному тексту главным основанием упорядоченности компонентов в паратактической структуре будут являться особенности категоризационной (когнитивной) деятельности автора. Не случайно, выделяя типы однородности (лексико-семантическую, функциональную), особое внимание уделяют коммуникативной и модальной (эмфатической) однородности, при которых члены **ощущаются** как однородные [Санников, 2008, с. 119].

Учитывая, что сочинительные связи не употребляются самостоятельно, а «накладываются» на подчинительные, сочинительные конструкции имеют двойной статус: одновременно реализуется подчинительная связь каждого из сочинительных членов с главным словом или подчинительная связь между самими сочиненными членами. Связи накладываются друг на друга, и обычной характеристикой для паратактических конструкций становится неравноценность элементов, которая предполагает их необратимость в структуре ряда. Изменение порядка приводит к существенному изменению смысла [Пешковский, 1956, с. 59–60]. Ю. Д. Апресян и Т. В. Булыгина считают, что выбор порядка обусловлен тем, что статические глаголы всегда предшествуют динамическим, однако в этом случае можно видеть и временную последовательность событий [Апресян, Булыгина, 1997]. В работе [Cooper, Ross, 1975] порядок связывается с установкой на позитивную программу (ближайшее, взрослое, позитивное, одушевленное, активное, основательное) [Николаева, 1982, с. 48]. М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрик отмечают, что упорядочивание сочинительных членов основано на «иерархических тезаурусных отношениях» [Бергельсон, Кибрик, 1981, с. 353]. Р. Якобсон обращает внимание на тенденцию к отражению порядка описываемых событий по степени важности [Якобсон, 1983, с. 107]. Чаще всего порядок компонентов отражает реальную последовательность событий, т. е. Речь идет об иконичном порядке паратаксиста. Однако в художественных текстах порядок следования компонентов паратактической конструкции, чаще всего, основывающийся на механизмах работы памяти, внутренней логики, пространственной, временной неупорядоченности, не соответствует принципам иконичности.

Неравноценность позиций компонентов в паратактической конструкции интуитивно ощущается автором [Cooper, Ross, 1975]; [Бергельсон, Кибрик, 1981]; [Якобсон, 1985, с. 353]; [Санников, 1989, с. 78–800]. Паратаксист, не меняя структуры синтаксической модели, приводит к её разрастанию. С позиций когнитивной лингвистики, такого рода явление отражает опыт категоризационной деятельности человека, способность к сопоставлению и классифицированию [Норман, 2021, с. 172]. По мнению К. Я. Сигала, структурирование сочинительных отношений – сложный речемыслительный процесс, состоящий из нескольких элементарных операций симультанного действия, взаимнопреднастроенных в языковой способности

говорящего и взаимообуславливающих характер осуществления друг друга, коррелирующее с когнитивной обработкой человеческим сознанием объективной действительности, с одной стороны, и с опытным знанием говорящим синтаксических свойств и семантического потенциала сочинительной связи, с другой [Сигал, 2018, с. 158].

Попытки классифицировать основания, лежащие в основе паратаксиста, многочисленны, но очевидно, что применительно к художественному тексту главным основанием упорядоченности компонентов в паратактической структуре будут являться особенности категоризационной (когнитивной) деятельности автора.

Явления конфликтного паратаксиста уже рассматривались нами на материале монтажной прозы Б. Л. Пастернака [Соловьева, 2022], основные признаки которой связаны с метонимичностью, ассоциативностью, имплицитностью связей, симультанностью. Следствием этого и является конфликтный паратаксист, суть которого заключается в том, что в паратактических «предложениях-образах» при наличии общей скрытой интенции сохраняется внутренняя семантическая несогласованность, разорванность, отрывистость, перекомпоновка обрывков в параллельные группы, связанные ближними и дальними контекстами; двусмысленность, создающая добавочные значения; имплицитность, подсказываемая структурой контекста и фоном подтекста.

Рассмотрим один из примеров: *...Люди входят, снимают пальто, идут в калошах (1) в столовую, в кабинет, в чай (2). Пожалте. Раздевайтесь. Снимайтесь. В столовую. Чай. А? Глаш. Кат...* (3) [Б. Л. Пастернак. Три главы из повести, с. 347]. Параллелизм паратактических рядов, дискурсивные компоненты в структуре монтажного ряда, слабость связи, открытость структуры, смешение модусов восприятия (зрительного и слухового) демонстрируют соположенность симультанных компонентов, объединенных точкой зрения наблюдателя и пространственно-временным контекстом. Конфликтность паратаксиста, обусловленная смысловой разнородностью и непрототипической структурой паратактического ряда, демонстрирует синкретизм ментальной и хронотопической референций. Однако соположенность разнородных компонентов ряда на основе имплицитных связей, восстанавливаемых на уровне функционально-семантических категорий темпоральности, локативности, таксиста и модусной организации, уравнивает монтажный фрагмент.

Отношения в структуре паратактического ряда могут быть классифицированы как определенная мыслительная классификация, «вероятностный процесс», определяющий потенциальную сочинимость компонентов. Сознание не просто классифицирует явления окружающей действительности, но и определенным образом их ранжирует, «сортирует» по важности и делает это с помощью сочинительной связи, которая функционирует на уровне синтагматики и парадигматики, так как для того, чтобы в сознании говорящего сформировался сочинительный ряд необязательно, чтобы были соблюдены все условия однородности, для неё достаточно какой-то общности, наличие в их значении общей семы [Норман, 2013, с. 181]. Соположенность сочиненных компонентов основывается

на глубинных схемах, которые либо существуют в сознании автора, либо рождаются в акте речетворчества.

Термин *конфликтный паратаксис* актуализирует основные структурные особенности и сложные семантические отношения, возникающие в структуре паратактических рядов на уровне текста. Конфликтность паратаксиса проявляется в наличии пространственных и временных стыков, швов, возникающих между соположенными компонентами паратактического ряда.

Современная постмодернистская проза содержит богатый материал для анализа конфликтного паратаксиса. В широком смысле постмодернизм связан с «кризисом», невозможностью зафиксировать жесткие, замкнутые системы, случайностью и бессознательным, где человек – скорее случай, чем выбор. В постмодернистской прозе принцип монтажности: коллажность, симультанность, дискурсивность становятся определяющими признаками творческого мышления, в ней стирается грань между сферами духовной культуры и уровнями сознания, её прагматика заключается в трансляции коммуникационных смыслов и тактике их разгадывания.

Паратактический ряд строится на основе накопления симультанных образов, закрепляющихся в памяти и связан с модусом восприятия и его сменой, пространственно-временной организацией фрагмента текста, интенсивностью выражаемого смысла [Карповская, 2010, с. 41]; [Шейгал 1981, с. 6]. Выбор членов паратактического ряда определяется авторской интенцией: *Рассматривая пиджаки и плащи, порой привезенные на экспертизу за тысячи километров, они решали, кого грохнули, а кто будет жить и сможет через какой-то срок вернуться на столичную сцену. К этой работе они подходили ответственно: консультировались с синклитом хирургов и не лукавили, потому что знали – за базар придется ответить **вискозой, фланелью и шелком на собственной груди*** (Пелевин В. Краткая история пейнтбола в Москве, с. 176). Симультанное продуцирование, базирующееся на совмещении различных компонентов, формирует конфликтный паратаксис. Его суть в том, что паратактический ряд при наличии общей скрытой интенции сохраняет семантическую несогласованность, создавая дополнительные имплицитные смыслы, подсказываемые конституацией (*вискоза, фланель и шелк на собственной груди* – как показатель «достойной жизни» в России 90-х). Конфликтный паратаксис актуализирует сложные семантические отношения, возникающие в структуре паратактических рядов на уровне текста, формируя особый исторический контекст, который в текстообразовательной перспективе препятствует синтаксической перестройке высказывания [Сигал 2018, с. 165]. Кроме того, конфликтный паратаксис требует от читателя определенной пресуппозиции, в противном случае понимание текста будет затруднено.

Конфликтный паратаксис в постмодернистской современной прозе связан с понятием «сознание соположенности», так как чаще структура паратактического ряда, характер входящих в него компонентов не соответствуют основным признакам прототипической однородной сочинительной конструкции. Паратаксис, как правило, выполняет функцию «собирания» компонентов ряда. Формальной основой конфликтного паратаксиса становится соположенность компонентов ряда, когда

контекст формирует семантические условия их соединения. Следствием такого взаимодействия становится реализация метафорической модели, основанной на метонимическом уплотнении (термин Р. Якобсона), связанный с разложением общего смысла на конкретные составляющие [Якобсон, 1975, с. 204]. Каждый новый компонент ряда вызывает у читателя поток ассоциаций и представлений, они накладываются друг на друга, порождая систему сложных парадигматических отношений в рамках синтагматической конструкции.

Конфликтность паратаксиса, проявляющаяся на уровне семантической несогласованности, двусмысленности, имплицитности, стабилизируется в рамках функционально-семантических категорий темпоральности и локативности. Введение определенного исторического пространства в структуру паратактического ряда уточняет специфику восприятия того или иного события и, как следствие, его концептуализацию и соответствующую языковую интерпретацию: как процесса, свойства. Ср.: *Пройдет лет сто – двести, и историки будут гадать – то ли знамена в нашей стране были цвета пиджаков, то ли пиджаки – цвета знамен, то ли все рок-н-рол и русско-сибирский гештальт* (Пелевин В. Timeout, с. 239). Паратактический ряд включает разнородные компоненты, формально выраженные именными сочетаниями и существительными, оппозиция которых снимается в структуре ряда с общими темпоральными координатами (пройдет лет сто – двести). Каждый следующий компонент семантически исключает предыдущий. Из исторического контекста выхватываются символы, формируя прием метонимического разложения, их включение в паратактический ряд создает противоречивый метафорический образ эпохи.

Прием метонимического уплотнения в структуре паратактического ряда с конфликтным паратаксисом может быть использован при создании образа субъекта и синтезе модусов восприятия: *Он ощутил себя и понял, что то, что ощущало, – то есть он сам – складывалось из множества меньших индивидуальностей: из неземных личностей машин для преодоления пространства, пахнувших резиной и сталью; из мистической интроспекции замкнутого на себе обруча; из писка душ разбросанной по полкам мелочи вроде гвоздей и гаек и из другого»*(Пелевин В. Жизнь и приключения сарая номер XII, с. 187).

В структуре пропозиции, представленной сложноподчиненным предложением с придаточным изъяснительным, актуализируется ментальный модус восприятия, формализованный контактной рамкой (Он ощутил и понял, что), и осложненный «разложением» субъекта восприятия на составляющие (Он = себя, что ощущало, множество индивидуальностей, личность, мистическая проекция, души). Метафоризация образа формируется на основе приема метонимического уплотнения, создаваемого структурой паратактического ряда (*множество индивидуальностей: из неземных личностей; из мистической интроспекции ... обруча; из писка душ разбросанной по полкам мелочи и из другого...*). В результате этого усиливается диалогичность текстового фрагмента, усложняющая его интерпретацию, когда созерцание становится разгадыванием.

Паратактический ряд может отражать синтез точек зрения, если находится в составе пропозиции, представленной СПП с параллельным присоединением

придаточных: *В его глазах было такое сумасшедшее желание пробиться туда, где жизнь легка и беззаботна, небо и море сини, воздух прозрачен и свеж, песок чист и горяч, машины надежны и быстры, совесть послушна, а женщины сговорчивы и прекрасны, что собравшиеся за столом чуть было сами не поверили в то, что такой мир действительно где-то существует. Но продолжалось это только секунду* (Пелевин В. Краткая история пейнтбола в Москве, с. 187). Полипропозитивный, полупредикативный паратактический ряд, актуализирующий семантику характеристики, включающий знаковую для разных субъектов информацию – систему общих смыслов – символов новой русской жизни «новых русских», приводит к совмещению их точек зрения (*В его глазах/ собравшиеся*) и концептуализирует пространство, создаваемое паратактическим рядом, увеличивая его смысловую и структурную значимость, корректируя характер синтаксических отношений.

Система сложных ментальных отношений может моделироваться паратактическими рядами с противоречивым смысловым наполнением, отражающим динамику ментального процесса героини и усиливая его дискурсивность: *Вещи поделить так: Юра пусть берет квартиру, собаку, мебель. Галя заберет дочь, что-нибудь из белья, утюг, стиральную машину. Тостер. Зеркало из коридора. Мамины хорошие вилки. Горшок с фиалкой. Вот и все, пожалуй* (Толстая Т. Спи спокойно, сынок, с. 302). Смысловая неравноценность (смысловая конфликтность) соположенных компонентов параллельных паратактических рядов компенсируется свободой синтаксической связи, намечая возможное (алогичное с точки зрения читателя) развитие сюжетной линии, и противоречивость образа героини, её нелогичных поступков, странности самой жизни.

Синтаксическое разрастание паратактической конструкции может сопровождаться усилением семантики нарастания «катастрофичности», конфликта: *Разве может он понять Галину жизнь, Галино третьесортное бытие, унижения, тычки в душу? Разве расскажешь! Разве расскажешь – ну вот хотя бы как Галя раздобыла – хитростью, подкупом, нужными звонками – билет в Большой театр – в партер!!! – один-единственный билет (правда, Юра искусством не заинтересовался), как мыла, парила и завивала себя, готовясь к большому событию, как вышла из дому на цыпочках, заранее лелея в себе золотую атмосферу возвышенного, – а была осень, грянул дождь, и такси не сыщешь, и Галя заметалась по слякоти, проклиная небеса, судьбу, градостроителей, а добравшись наконец до театра, увидела, что забыла дома туфли, а ноги-то – ой... Голенища в кляксах, на подошвах рыжие лепешки, а из них трава торчит клочьями – пырей вульгарный, сныть окраинная, гнусняк вездесущий. И даже подол в дрянце...* (Т. Толстая. Спи спокойно, сынок, с. 307).

Являясь прагматическим средством выделения и усиления, интенсивность одновременно передает чувства, эмоции адресанта [Briz 1998, p. 142]. Включение в структуру паратактического ряда дискурсивных элементов: вопросно-ответных единств, риторических восклицательных предложений, конструкций с косвенной, несобственно-прямой речью, – является проявлением не только процесса дискурсивизации текста, но и показателем смены повествовательной стратегии,

связанной с усилением роли ментативных компонентов. Слабость синтаксической связи, открытость ряда, разнородность компонентов, входящих в его структуру, интонация, – это условия, которые способствуют адаптации дискурсивных элементов в структуре паратаксиста. Например: *Женился со страхом и восторгом, наугад, ничего не понимая, – что Леночка, почему Леночка, ну да там видно будет!* (Т. Толстая Т. Спи спокойно, сынок. С. 175).

В данном случае отражается процесс зарождения ментатива, в референтной зоне паратактического ряда проявляются отношения между мыслями, идеями, формируется ментальный тип референции. Важно, что компоненты ряда (*со страхом и восторгом, наугад, ничего не понимая, – что Леночка, почему Леночка, ну да там видно будет!*) при всей своей противоречивости объединяются общей имплицитной семантикой нелогичности героя и странного отношения к себе, иллюзии жизни.

Семантика паратактических конструкций меняется в зависимости от функционального контекста и конситуации, расширяя их прагматический потенциал [Матвеева, 1993, с. 17]: *А она обвилась вокруг него, нежаркая, душой зыбкая и недоступная, со слабенькими женскими проблемками: ка-ашель, ту-уфельки велики, сюда гво-оздик вбей, Сережа, – и он вбивал гвоздики, вертел мелкие, как блюдца, туфли, – со Снегурочки все сваливается, – растирал скипидаром узкую Леночкину спину»* (Т. Толстая. Спи спокойно, сынок, с. 175).

Параллелизм паратактических рядов, соположенность сочиненных компонентов в структуре ряда становятся идеальной схемой, в которую могут укладываться самые различные по семантическому наполнению компоненты, случайно сортируемые и формирующие синтагматические и парадигматические связи одновременно. Важно, что в одном ряду сопологаются разные модусы: и героя, и героини, и их интерпретация, и из деталей складывается объемная картина совместного сосуществования. Аналогично это проявляется и в следующем случае: – ***Ты жестокий, безжалостный, чёрствый, ледяной. Ты врёшь, всё, всегда, всем, во всём. Ты не любишь меня, ты не умеешь этого.***

Потом, много лет спустя, к словам «я люблю тебя» всегда начинает крепиться подлое «но». Я люблю тебя, но. И я тебя люблю. Но...

И действительно – любят. Но ты слишком часто обижал меня. Но ты слишком много оскорбляла меня.

Я жестокий. Чёрствый и ледяной. Я умею соврать, сделать больно, не чувствовать раскаяния. Я получаю по заслугам, получаю по каменному лицу; но там, где должен быть камень, уже глина, и она ломается, осыпается, оставляет голый костяной остов. Чёрствый, и ледяной, и мёртвый (Прилепин З. Ботинки, полные горячей водкой, с. 27).

В структуре внутрирядных отношений фрагмента за счет повторов возникает смысловой и структурный параллелизм, который, с одной стороны, уравнивает фрагмент, с другой, актуализирует дискурсивный компонент в повествовании от первого лица за счет включения в структуру ряда цитируемых реплик (полифонизм), моделируя пространство диалога. Слабость синтаксической связи, открытость рядов (за исключением конструкций с противительными союзами), разнородность компонентов, входящих в его

структуру, – это условия, которые способствуют адаптации дискурсивных элементов в структуре паратаксиса. На уровне текста они являются способом выражения повышенной эмоциональности и эффективным средством компрессии нарратива.

Выводы. Итак, конфликтный паратаксис в современной постмодернистской прозе является одним из продуктивных приемов, создающих её симультанность, фрагментарность, дискурсивность.

Одним из основных признаков паратаксиса в современной прозе является его конфликтность, связанная со смысловой разнородностью компонентов, входящих в состав паратактической конструкции, формирующая его огромный прагматический потенциал, актуализирующая в тексте имплицитную семантику.

Структурирование паратактического ряда на основании какой-либо общности (общей семы, способа выражения, функции, предтекста, исторического контекста) формирует в сознании читателя ощущение однородности и создает условия для вариативных интерпретаций.

Многообразие анализируемых структур с точки зрения лексико-семантического наполнения, валентностных свойств компонентов ряда, порядка их расположения позволяют говорить об особом типе коммуникативно-прагматической однородности компонентов паратактического ряда. Сознание соположенности компонентов паратактического ряда формирует условия для их объединения в целостную конструкцию.

Анализ паратактических конструкций показывает, что процесс их структурирования связан с когнитивной обработкой автором объективной действительности, симультанностью, спонтанностью, метафоричностью, креативностью мышления, отражающими принципы категоризации окружающего мира, характерных для искусства и литературы постмодерна.

Непрототипичность конструкций с конфликтным паратаксисом делает их средством выражения повышенной эмоциональности напряженности и компрессии нарратива.

Литература

References

- Апресян, Ю. Д. (1995). *Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Языки русской культуры.
- Бабайцева, В. В. (2010). *Избранное: сборник научных и научно-методических статей*. Москва; Ставрополь: СГУ.
- Белошапкова, В. А. (1977). *Современный русский язык: Синтаксис*. Москва: Высшая школа.
- Белошапкова, В. А. (1989). *Синтаксис. Современный русский язык. 2-е изд., испр. и доп.* Москва: Высшая школа. С. 510–551.
- Валгина, Н. С. (2003). *Современный русский язык: синтаксис. 4-е изд., испр.* Москва: Высшая школа.
- Виноградов, В. В. (1950). *Вопросы синтаксиса современного русского языка*. Москва: Учпедгиз.
- Гвоздев, А. Н. (1973). *Современный русский литературный язык. 4-е изд. Ч. 2: Синтаксис*. Москва: Просвещение.
- Грамматика русского языка (1954). Т. 2, ч. 1: Синтаксис*. Редколлегия: В. В. Виноградов [и др.]; Институт языкознания. Москва: Изд-во Акад. наук СССР.
- Ильенко, С. Г. (2003). *Русистика: избранные труды*. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.
- Кручинина, И. Н. (1990). Бессоюзие. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Сов. энцикл. 74, 484.
- Матвеева, Г. Г. (1993). *Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Санкт-Петербург.
- Норман, Б. Ю. (2013). *Когнитивный синтаксис русского языка*. Москва: Флинта.
- Падучева, Е. В. (1974). *О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка*. Москва: Наука.
- Пастернак, Б. Л. (1991). Т. 4: Повести. Статьи. Очерки. *Собрание сочинений: в 5 т.* Москва: Худ. литература.
- Пелевин, В. (2007). *Раннее и неизданное: избранные произведения*. Москва: Эксмо.
- Пешковский А. М. (1938). *Русский синтаксис в научном освещении*. 6-е изд. Москва: Учпедгиз.
- Прилепин, З. (2012). *Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы*. Москва: АСТ: Астрель.
- Прияткина, А. Ф. (2016). *Русский язык: синтаксис осложненного предложения*. Москва: Наука.
- Санников, В. З. (2008). *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. Москва: Языки славянских культур.
- Сигал, К. Я. (2018). Сочинительный ряд как синтаксический контекст абсолютного употребления переходного глагола. *Филологические науки. Вопросы*
- Аpresyan, Yu. D. (1995). *Selected works. Vol. 2: Integral description of the language and systemic lexicography*. Moscow: Languages of Russian Culture. (In Russian).
- Babaitseva, V. V. (2010). *Selected: Sat. scientific and scientific method. Art.* Moscow-Stavropol: SGU. (In Russian).
- Beloshapkova, V. A. (1977). *Modern Russian language. Syntax*. Moscow: Higher School. (In Russian).
- Beloshapkova, V. A. (1989). *Syntax. Modern Russian language*. Moscow: Higher School, 510-551. (In Russian).
- Briz, Gomez A. (1998). *El español coloquial en la conversación: Esbozo de pragma gramática*. Barcelona: Ariel. (In Spanish).
- Fauconnier, G., Turner, M. (1998). Conceptual integration networks. *Cognitive science*, 22(2), 133–187. (In English).
- Grammar of Russian language (1954). Vol. 2. Part 1. Syntax*. M.: Nauka. (In Russian).
- Gvozdev, A. N. (1973). *Modern Russian literary language. Part 2. Syntax*. Moscow: Enlightenment. (In Russian).
- Ilyenko, S. G. (2003). *Russian Studies: Selected Works*. St. Petersburg: Publishing house of the Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russian).
- Jacobson, R. (1975). Linguistics and poetics. *Structuralism: "for" and "against"*. Moscow: Progress. (In Russian).
- Kruchinina, I. N. (1990). *Bessoyuzie Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Nauka, 74, 484. (In Russian).
- Matveeva, G. G. (1993). *Hidden grammatical meanings and identification of the social person ("portrait") of the speaker: author. dis. ... doc. philol. Sciences*. Saint Petersburg. (In Russian).
- Norman, B. Yu. (2013). *Russian Cognitive Syntax*. Moscow: Flinta. (In Russian).
- Paducheva, E. V. (1974). *On the semantics of syntax: Materials for a transformational grammar of the Russian language*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Pasternak, B. L. (1991). *Complete Works with Applications: In 5 volumes. Vol. 4. Moscow: Fiction*. (In Russian).
- Pelevin, V. (2007). *Early and Unpublished*. Moscow: Eksmo. (In Russian).
- Peshkovsky, A. M. (1938). *Russian syntax in scientific coverage*. Moscow: State. educational and pedagogical publishing house. (In Russian).
- Prilepin, Z. (2012). *Boots full of vodka*. Moscow: April. (In Russian).
- Priyatkina, A. F. (2016). *Russian language. Compound sentence syntax*. Moscow: Science. (In Russian).
- Sannikov, V. Z. (2008). *Russian Syntax in the Semantic-Pragmatic Space*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russian).
- Segal, K. Ya. (2018). The composing series as a syntactic context for the absolute use of a transitive verb. *Philological*

теории и практики, 2(80), ч. 1, 157–160.

Соловьева, С. А. (2022). *Синтаксис художественной прозы Б. Л. Пастернака: лингвокогнитивный аспект*: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Череповец.

Теньер, Л. (1988). *Основы структурного синтаксиса*. Москва: Прогресс.

Толстая, Т. (2012). *Невидимая дева*. Москва: АСТ.

Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Синтаксис (Т. 2). *Русская грамматика* (1980): в 2 т. Москва: Наука.

Ширяев, Е. М. (1986). *Бессюзное сложное предложение в современном русском языке*. Москва: Наука.

Якобсон, Р. (1975). Лингвистика и поэтика. *Структурализм: «за» и «против»*. Москва: Прогресс. С. 193–230.

Briz, Gomez A. (1998). *El español coloquial en la conversación: Esbozo de pragma gramática*. Barcelona: Ariel. (In Spanish).

Fauconnier, G., Turner, M. (1998). Conceptual integration networks. *Cognitive science*, 22(2), 133–187. (In English).

Werzbicka, A. (1969). *Dociekania cemantyczne*. Wrocław: Zakł. narod. im. Ossolinskich. (In Polish).

Sciences. Questions of theory and practice, 2(80), 157-160. (In Russian).

Shiryayev, E. M. (1986). *Non-Union Compound Sentence in Modern Russian*. Moscow: Nauka. (In Russian).

Shvedova N. Yu. (Ed.) (1980). *Syntax*. Vol. 2. Russian Grammar. Moscow: Science. (In Russian).

Solovieva, S. A. (2022.) *Syntax of B. L. Pasternak's fiction: linguo-cognitive aspect*: author. dis. ... doc. philol. Sciences. Cherepovets. (In Russian).

Tenier, L. (1988). *Fundamentals of Structural Syntax*. Moscow: Progress. (In Russian).

Tolstaya, T. (2012). *Invisible Maiden*. Moscow: AST. (In Russian).

Valgina, N. S. (2003). *Syntax of modern Russian language*. Moscow. (In Russian).

Vinogradov, V. V. (1950). *Questions of the syntax of the Russian language*. Moscow: Higher School. (In Russian).

Werzbicka, A. (1969). *Dociekania cemantyczne*. Wrocław: Zakł. narod. im. Ossolinskich. (In Polish).

Для цитирования статьи:

Соловьева, С. А. (2023). Конфликтный паратаксис в современной прозе. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 38–49. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-38-49

For citation:

Soloveva, S. A. (2023). Conflict parataxis in modern prose. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 38–49. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-38-49

О вмещающих конструкциях, и не только о них

М. И. Конюшкевич

On accommodating structures and more

M. I. Konyushkevich

Мария Иосифовна Конюшкевич – доктор филологических наук, профессор; независимый исследователь, Гродно, Республика Беларусь

Maryia I. Konyushkevich — Dr. Sci. in Philology, Professor; Independent Researcher, Grodno, Republic of Belarus

E-mail: marikon9@mail.ru

ORCID 0000-0001-5585-5274

Статья поступила. 12.04.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

Received: 12/04/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

Анализируются грамматические описания русских относительно-распространительных сложных предложений с вмещающим значением, уточняются их характеристики в существующей литературе. Специфика синтаксической связи в названных предложениях рассматривается на основе трех составляющих – содержания главной части, реляте *что* и его синтаксической позиции в придаточной части. Установлено, что синтаксическая связь между указанными составляющими многослойна и асимметрична, а ее регулятором является реляте *что* как инструмент, с одной стороны, обладающий семантической широтой для вмещения в себя множественного и разнообразного содержания, а с другой – обладающий грамматической гибкостью, чтобы встроить вмещенный содержательный объем в позицию любого участника типовой ситуации, названной придаточной частью. По анафорическому и вмещающему значению выступает показателем падежной связи предикативной единицы, т. е. своего рода «флексией» главной части в такой же мере, как соотносительное местоимение *то*₂ выступает «флексией» придаточной части во вмещающих конструкциях, с тем различием, что реляте *что* анафорично и отсылает к уже названному antecedенту, а *то* катафорично и его вмещающее значение направлено на предвестник, постцедент. Для денотативного уровня сложного предложения важно, какими синтаксемами являются соотносительные и относительные местоимения, какие они оформляют отношения и в каких компоновках они образуют скрепу, связывающую части сложного предложения. Продемонстрирована часть инвентаря скреп в относительно-распространительных предложениях и показаны пути их образования и пополнения в русском языке.

The grammatical descriptions of Russian relatively extended compound sentences with an accommodating meaning are analysed, their characteristics in the existing literature are specified. The specificity of the syntactic connection in such sentences is considered on the basis of three components – the content of the main part, the relative *что* and its syntactical position in the subordinate part. It has been found that the syntaxemic connection between these components is multi-layered and asymmetric, and its regulator is the *что* relative, which serves as a tool, on the one hand, having semantic breadth to accommodate multiple and diverse content, and on the other hand, having grammatical flexibility to embed the contained meaningful volume into the position of any participant in a typical situation, named in the subordinate part. By its anaphoric and accommodating meaning, the relative *что* is an indicator of the case relation of the predicate unit, i.e. a kind of “inflection” of the main part, to the same extent as the correlative pronoun *то* acts as an “inflection” of the subordinate part in the accommodating constructions, with the difference that relative *что* is anaphoric and refers to the already named antecedent, whereas *то* is cataphoric and its accommodating meaning is directed to the harbinger, the postcedent. For the denotative level of a compound sentence, it is important what syntaxemes the correlative and relative pronouns are, what relations they form and in what combinations they form the staple that connects the parts of a compound sentence together. A part of the inventory of staples in relatively extended sentences is demonstrated and the ways in which they are formed and replenishment in the Russian language are shown.

Ключевые слова: вмещающие предложения, синтаксема, анафора, скрепа

Keywords: accommodating sentences, syntaxeme, anaphora, staple

УДК 811.164.1:81.367.634

OECD: 6.02.OT

В **Постановка проблемы.** Термины «вмещающее значение», «вмещающие предложения», с легкой руки В. А. Белошапковой введенные в научный оборот и подкрепленные авторитетом академической грамматики [Грамматика, 1970, с. 691–694; Белошапкова, 1977, с. 231–232], принятые научным сообществом и освоенные в научно-методической вузовской практике [Современный, 1981], получили расширение и развитие в понятиях «вмещающая конструкция» [Шмелева, 2008], «вмещающая адъективная конструкция» [Шмелева, 2013]. Обобщая развитие идей Веры Арсеньевны в грамматических описаниях, Т. В. Шмелева проследила активность и продуктивность скреп, образующихся на базе вмещающего значения не только субстантивных местоимений *то, тот*, но и указательных адъективных и наречных *Т*-слов, а также втягиваемых в этот процесс глаголов, в результате чего пришла к выводу, что «В. А. Белошапкова открыла не просто особый тип сложного предложения, а местоименно-союзный механизм, особый тип сложного предложения, особую конструкцию, на основе которой строятся сложные предложения широкого смыслового диапазона», а «вмещающие предложения – только один из случаев действия этого механизма» [Шмелева, 2008, с. 62].

Вмещающее значение В. А. Белошапкова определила еще в одном виде сложных предложений – в относительно-распространительных (в другой терминологии «присоединительных» [Крылова, Максимов, Ширяев, 1997], «подчинительно-присоединительных» [Крючков, Максимов 1977]) сложноподчиненных предложениях (далее – СПП), «которые организуются любым союзным словом с вмещающим значением» [Современный, 1981, с. 539]. Например: *Пала роса, что предвещало хорошую погоду* (Мамин-Сибиряк; пример из [Крючков, Максимов, 1977, с. 120]). В существующих грамматических описаниях относительно-распространительные сложные предложения (далее – ОРСП) получили скупое, «по остаточному принципу», описание, недостаточно полно представляющее специфику данного класса конструкций. Особенно это касается их функционирования и дальнейшего развития в системе современного русского языка.

Поскольку в характеристиках рассматриваемых здесь предложений в качестве эталонного объекта используется слово *что* во всех падежных формах (с предлогами или без них), попробуем разобраться в его ипостасях на всех уровнях и в сравнении с его ролью в других видах сложных предложений, которые, на первый взгляд, схожи с относительно-распространительными сложными предложениями по постпозиции придаточной части.

История вопроса. Рассмотрим характеристики ОРСП, извлеченные из авторитетных источников, сопровождая нашими вопросами и комментариями.

«Это небольшой и внутренне цельный класс» [Современный, 1981, с. 539]. Солидаризируясь с этим лаконичным и точным замечанием В. А. Белошапковой о внутренней цельности данного класса, задаешься вопросом, в чем же заключается и чем обуславливается эта цельность? Возникает сомнение и по поводу малочисленности представителей данного класса, если иметь в виду не

употребительность таких предложений, а инвентарь союзных средств, оформляющих такие вмещающие конструкции, который, как будет показано ниже, свидетельствует, что класс этих единиц не такой уж и «небольшой».

Больше извлечений возьмем из академической грамматики [Русская, 1980], в которой авторами разделов, где содержится информация о данных СПП, являются М. В. Ляпон [Там же, т. 1, с. 722] и И. Н. Кручинина [Там же, т. 2, с. 527–529].

Это «предложения, в которых относительное слово **отсылает к предикативному центру главного предложения**» [Там же, т. 2, с. 527]; «**Не имея никакой опоры в главном предложении**, такое придаточное является придаточным только по форме» [Там же, т. 2, с. 528] (здесь и далее выделение наше. – М. К). Заметно противоречие между этими тезисами: если придаточная часть ориентирована только на предикативный центр главной части, то он и есть опора для придаточной. Хотя едва ли отсылка вмещающего слова к главной части ограничивается только предикативным центром: в любом сложном предложении, независимо от типа и характера связи, на такую ориентацию, а значит, и на решение коммуникативных задач говорящего «работает» все лексическое наполнение главной части.

Примечательно, что то же самое перед этим утверждает и сам автор на с. 527: «Объем содержания, воспроизводимого словом *что*, **равен** объему содержания главного предложения», что противоречит сказанному выше тезису об ориентации придаточной (далее – ПЧ) на предикативный центр главной части (далее – ГЧ), ибо объем предикативного центра и объем содержания в главной части не совпадают. Равенство содержания и предикативного центра предложения можно утверждать разве только по отношению к нераспространенным простым предложениям типа *Ребенок смеется. Темнеет. Тишина*.

Отмеченное противоречие было сформулировано на той же странице перед предшествующим тезисом: «**местоимение** ориентировано на предикативный центр главного предложения и является **средством его повторного воспроизведения в придаточном**». Представляется, что слово *воспроизведение* для роли местоимения в ОРСП не совсем подходит: местоимение не может воспроизводить ни предикативный центр, ни даже все содержание ГЧ, ибо слово *воспроизвести* предполагает материализацию – ‘создать вновь’, ‘повторить в точности’, ‘копировать’ [Словарь, 1981, с. 216]. Даже если имеется в виду значение 3, приведенное в словаре, – ‘восстановить, вызвать к памяти’, – оно тоже применительно к союзному слову некорректно, ибо действие приписывается не слову, а физическому лицу, как в приведенном в Словаре примере: *Кирилл Иванович воспроизвел перед собой фигуру человека среднего роста, сухого, угловатого...*

Возникает сомнение и в самом делении класса рассматриваемых СПП только на распространительно-изъяснительные и распространительно-обстоятельственные. Приведем пример: *В центре зимнего клубка даже в сильнейшие морозы пчелы удерживают температуру порядка 24–28 градусов, в чем им могут позавидовать даже крестьяне, отапливающие свои избы дровами* (Знание – сила, 2003; данный пример и все последующие извлечены из Национального корпуса русского языка).

Отнесение приведенного предложения к распространительно-изъяснительным возможно разве только если интерпретировать изъяснение очень расширительно, что, как блестяще продемонстрировала на других видах СПП Т. В. Шмелева, является «шагом назад» в изучении природы сложного предложения и создает «тупиковые ситуации при анализе высказываний из современных текстов» [Шмелева, 2008, с. 60] в практике вузовского преподавания.

Напрашивается примечание и к следующей констатации: «**Коммуникативная достаточность** придаточного предложения (и, следовательно, его предикативного центра) может быть подчеркнута интонационно – паузой после главного предложения» [Русская, 1980, т. 2, с. 528]. Во-первых, предикативный центр не может быть коммуникативно достаточен ни в сложном предложении, ни даже в простом распространенном предложении, в силу того, что он только центр, а не все высказывание, хотя в формировании грамматической структуры предложения роль предикативного центра действительно является определяющей. Во-вторых, современное состояние знания о грамматическом, семантическом, коммуникативном синтаксисе языка позволяет четко разграничивать самостоятельное предложение с его пятью планами (информативным, денотативным, семантическим, грамматическим, коммуникативным) и предикативную часть СПП, с ее планами (информативным, денотативным, семантическим, грамматическим, но не коммуникативным), ибо предложение в коммуникации – это высказывание, а предикативная часть СПП таковым не является.

В свете сегодняшней дискурсивной парадигмы становится очевидным, что и простое предложение не является коммуникативно достаточным, ибо как высказывание оно включено в конкретные условия коммуникации, имеет текстовую природу и только в коммуникации определяется степень его коммуникативной достаточности. Поэтому если даже самостоятельные в структурном отношении предложения коммуникативно недостаточны, то предикативные части сложного предложения тем более зависят от коммуникативной цели всего сложного высказывания, которое, кстати, тоже коммуникативно недостаточно, ибо зависит от текста в целом – от задач и намерений говорящего и от жанрово-стилистических характеристик текста. Представляется, что под коммуникативной достаточностью автор раздела Грамматики имел в виду содержательную и формальную достаточность, как сформулировано в другом источнике: придаточная часть «является законченной по своей форме и содержанию» [Крючков, Максимов, 1977, с. 120], но все же: «**отсутствие интонационной законченности** (речь идет об обсуждаемых типах СПП – М. К.) сигнализирует о том, что это часть сложного предложения» [Крылова, Максимов, Ширяев, 1997, с. 213].

«Придаточное предложение не имеет синтаксической позиции внутри главного, оно формируется **вне рамок последнего** и не может быть сведено на положение какого-нибудь его члена. Напротив, позиция, которую занимает местоимение *что*, может расцениваться как позиция, **вовлекающая главное предложение в структуру отношений, устанавливающихся внутри придаточного**» [Русская, 1980, т. 2, с. 528]. Действительно, ПЧ в рассматриваемом типе предложений

не изоморфна члену предложения и поэтому не имеет такой позиции в главной, но трудно согласиться с тем, что она формируется «вне рамок» главной части, правда, смотря что понимать под рамками ГЧ. Если только невозможность трансформировать ПЧ в словоформу и наоборот, то так, но придаточные и других типов, например, сравнительные, могут тоже формироваться «вне рамок» главной части. Скорее здесь мы имеем дело не с «рамками», а с **влиянием** ГЧ на формирование придаточной, но каково это влияние, и только ли оно формирует ПЧ, необходимо уточнить.

Что касается второго тезиса, то это очень важное и нужное положение, только оно не уточняет, о какой позиции, которую занимает местоимение *что*, идет речь, если она вовлекает ГЧ в структуру отношений внутри ПЧ.

Следует отметить и расхождения в определении значения и функции союзного слова в рассматриваемых СПП: вмещающее [Современный, 1977, с. 539], [Крылова, Максимов, Ширяев, 1997, с. 213]; заместительное: см. определение функции относительного местоимения в ОРСП: «местоимение *что* может выступать в качестве **заместителя** целого предложения» [Русская, 1980, т. 1, с. 722], что явно не соответствует истинному назначению данной единицы в ОРСП: она **вмещает информацию** ГЧ, но **не может заместить материальную звуко-буквенную оболочку**, которая выражает эту информацию в ГЧ, т. е. занять ее место, заменить ее.

Методология и методика исследования. Исходными методологическими и теоретическими позициями для анализа ипостасей *что* являются а) расширительное понимание синтаксемы – от словоформы до предикативной единицы, б) учет денотативного уровня предложения [Всеволодова, 2000; 2017], на котором синтаксема представляет участника типовой ситуации, называемой предложением, в) учет корреляции предлога с союзом, позволяющей многообразие образования скреп, г) расширительное понимание категории союза, включающей не только «классические» союзы, но и периферийные скрепы, включая соединения прономинальных компонентов. Названные принципы реализуются на синтаксическом анализе относительного местоимения *что* во всех его предложно-падежных формах по его роли в ОРСП.

Анализ материала. Представим основные ипостаси местоимения *что*.

✓ *Что* – релят в ПЧ, соотносящийся с опорным существительным в главной части: *Министерство финансов предлагает избавить россиян от заполнения мудреных документов с многочисленными кодами, **без чего**, увы, средства не вернутся* (Парламентская газета, 09.2020); *Глава правительства напомнил, что повседневная жизнь людей требует самого насущного, **без чего** комфорт невозможен* (Vesti.ru, 03.2020); *Жидкость докипит, конденсат выдаст процентное содержание чего-то, **почему** определяют причину преждевременной кончины владельца печени* (Комсомольская правда, 03.2003); *Не хочется слышать и различать суету, дразги вокруг себя, мне это неинтересно в сравнении с великим, **у чего** я стою* (С. Н. Булгаков. Дневник, 1921). Сравн. с ОРСП: *При этом компания не остановила свою деятельность и не объявила себя банкротом, **без чего** схема возмещения денежных компенсаций пострадавшим туристам не могла*

заработать (Московский комсомолец, 10.2018); *Наполеон не пошел в обход, чего боялись русские и растянули свою линию вправо вдвое* (А. Балдин, 1997).

✓ *Что* – вопросительное слово в косвенном вопросе; в главной части с ним связана изъяснительная лексема: *И только сейчас стало понятно, **мимо чего** я равнодушно прошел, влекомый буфетом* (АиФ, 11.2005). Сравн. с ОРСП: *Некоторые наши новации работают, некоторые идеи еще только предстоит окончательно обсудить (**ради чего** в том числе мы встретились)* (Известия, 03.2018).

✓ *Что* на грамматическом уровне – член предложения придаточной части, в том числе и в ОРСП; подлежащее: *Очевидна роль поражений иммунной системы при этой лихорадке, **что** требует последовательного изучения реакций различных факторов иммунитета* (Вопросы вирусологии, 08.03.2004); дополнение: *В основе многих планов лежит сохранение баланса трудовых ресурсов, с **чем** в нашей стране существуют проблемы* (Парламентская газета, 12.2021); *Императрица Екатерина решительно поддержала Станислава и отправила в Польшу русские войска, с **чего** и начались три раздела Польши, проведенные Екатериной* (Вестник США, 15.10.2003); обстоятельство причины: *Баклан съедает рекордное количество рыбы, **из-за чего** в советское время за отстрел этого пищевого конкурента человека давали премию* (В. О. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе, 2015). Кстати, исследовательское внимание к тому, позиция каких именно членов предложения для релята *что* наиболее соответствует его вмещающим и грамматическим способностям, могло бы еще больше прояснить своеобразие ОРСП.

✓ *Что* на денотативном уровне – падежная или предложно-падежная синтаксема с «пустым» номинативным (на информативном уровне) компонентом, представляющая участника типовой ситуации, называемой придаточной частью, например: субъект состояния: *с **чем** в нашей стране существуют проблемы*; субъект действия: ***что** требует последовательного изучения*; финитив: ***ради чего** в том числе мы встретились*; объект: ***мимо чего** я равнодушно прошел*; субъект отношения: ***чего** боялись русские*; и т. д.

✓ *Что, чего, чему, чем* – падежная скрепа (или ее компонент) в СПП: ***Чем** все закончилось, вы знаете сами* (форум); *Драматизма в жизни простых российских людей **не меньше, чем** в прославленных зарубежных книгах и кинодрамах*(форум). В ОРСП: *Таня работала много, ее черные камешки входили в моду, **чему** способствовала приезжавшая на каникулы из Перми Полуэктова* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

✓ *Что* с предлогами – падежный компонент предложно-падежной скрепы в сложноподчиненном предложении: *Увидели, **к чему** приводят идеи «овладевая сознанием масс»* (А. Кушнер // Звезда, 2002). В ОРСП: *В 1960-е годы происходит изменение политического климата, **в связи с чем** смещаются акценты по отношению к прошлому и его символам* (Неприкосновенный запас, 15.01.2004).

✓ *Что* – релят в падежных и предложно-падежных формах в местоименно-соотносительном сложном предложении, коррелятом которому выступает местоимение *то*₁ и некоторые другие местоимения: *Стараюсь по мере сил делать **то, чему** посвятил всю жизнь* (В. В. Шелохаев. Дневник, 2011); *Ведь **то,***

чему всё равно не жить, уничтожается природой заранее (В. Г. Галактионова. Спящие от печали); **Люди будут падать бездыханными в страхе перед тем, что движется на мир** (Евангелие). **Все, к чему он прикасался, превращалось в золото** (А. Филиппов. Уолт Дисней и его Мышь).

✓ *Что* – относительное местоимение, «обязательный конструктивный элемент ОРСП в придаточной части, которое вмещает содержание главной части и вводит его в придаточную как единый компонент ее семантико-синтаксической структуры» [Грамматика, 1970, с. 735].

Остановимся подробнее на последней ипостаси *что*.

Относительное *что* в ОРСП – анафорический релят в падежных и предложно-падежных формах, антецедентом которого выступает содержание главной части. На информативном уровне предложения анафора, представленная вмещающим *что*, возвращает внимание к антецеденту – предшествующему источнику информации в ГЧ, который (антецедент) сам по себе информативно достаточен и не требует обязательного дейксиса, отчего придаточная часть, оформляемая вмещающим *что*, с одной стороны, синтаксически самостоятельна по отношению к главной как антецеденту для *что*; а, с другой стороны, информативно, в смысловом отношении, она связана с главной как носитель дополнительных смыслов – результативности, следования, дополнения, пояснения, комментария и т. д.

Но, кроме дополнительных смыслов, имеющих в самой придаточной части, в нее возвращается информация и из главной части, наполняя «пустое» *что* всем лексическим, модальным, ассоциативным, образным и др. содержанием главной части. Этот своего рода **ментальный** информативный повтор, ментальное воспроизведение антецедента, позволяет реляту *что* ввести содержание главной части в семантико-синтаксическую структуру придаточной как единый компонент. Осуществляет это релят *что* в ПЧ своей падежной или предложно-падежной формой, тем самым в ОРСП он выступает в качестве падежной «флексии» для главной части, обеспечивая этой «флексией» грамматическую связь между главной и придаточной частями.

Аналогичную «флексию» в пустом *то*₂ для придаточной части показала М. И. Черемисина, сопоставляя русский синтаксис с синтаксисом алтайских языков [Черемисина, 1982]; см. также: «Падежные показатели, адресованные предикативной единице, которых не способно принять русское глагольное сказуемое, принимает компонент скрепы – *то*» [Черемисина, Колосова, 1987, с. 148]. Добавим, что в качестве своеобразных «флексий» для ПЧ выступают и другие омонимы *то* – *то*₁ и *тот*, и даже адъективные вмещающие местоимения [Шмелева, 2013].

А поскольку любая падежная флексия (с предлогом или без него) на денотативном уровне является формантом синтаксемы, в т. ч. и предикативной (подробнее см. в [Конюшкевич, 2014]), то релят *что* является падежным или предложно-падежным формантом главной части как номинативного компонента предикативной синтаксемы. Именно на денотативном уровне и проявляется сложность связей относительно-распространительного сложного предложения,

потому что ГЧ как предикативная синтаксема существует в двух частях СПП: номинативный ее компонент представлен содержанием ГЧ, а формант-«флексия» *что* находится в составе ПЧ.

Вместе с тем, будучи ментально наполненным, релят *что* одновременно становится синтаксемой в самом себе и для себя: он и формант с парадигмой своих флексий, и номинативный компонент, пусть и ментальный. Таким образом, в ОРСП главная часть с помощью релята *что* представлена как сдвоенная, подобно сдвинутому изображению на экране, синтаксема: один план – материальный номинативный компонент (ГЧ) + формант (словоформа релята *что*) и второй план – ментальный номинативный компонент ГЧ, вмещенный в *что* + формант (форма, т. е. только флексия релята *что*). В обоих случаях основная тяжесть представления этой сдвоенной синтаксемы ГЧ лежит на реляте *что*.

Необходимо заметить, что этот второй план синтаксемы хотя и наличествует, но в силу ее характера «в самой себе и для себя» он не привязан ни к одной из частей, поэтому в речи он, как правило автономно не реализуется. Тем не менее он необходим как переводная стадия (сравним: как предназначение тары для фруктов, чтобы перемещать их – и только их, а не что иное – в другое место). Синтаксема *что* вне СПП – это тара без фруктов, но понимается, что она предназначена только под них. Это ее предназначение – и ее форма, и то, что туда положат (для синтаксемы – формант и номинативный компонент).

Этот переходной «мостик» от ГЧ к ПЧ и есть то звено, которое делает возможной их грамматическую связь. Таким мостиком может быть только местоимение, которое своей семантической и грамматической гибкостью способно быть «тарой» для вмещения любых «фруктов»-слов или целых предложений при их перенесении по замыслу говорящего с одного места (ГЧ) на другое (ПЧ). Не случайно возможны местоименные построения, которые и без номинативного наполнения способны выразить участников конкретной типовой ситуации: имеются в виду сочетания типа *что к чему, что с чем* и другие.

Между тем и в придаточной части релят *что* имеет свои обязанности – на грамматическом уровне он полноправный член предложения и занимает свою синтаксическую позицию в ПЧ, а на денотативном он тоже синтаксема, представляющая участника типовой ситуации, называемой предикативной ПЧ, причем его номинативный компонент – тот же вмещенный ментальный информативный объем ГЧ, а формант – его флексии, которые реагируют на синтаксическую позицию *что* в придаточной части (тару с фруктами необходимо поместить в соответствующие ее содержанию условия, равно как и она должна им тоже соответствовать). Какова степень этого соответствия / несоответствия, пока эта сторона ОРСП не исследовалась вовсе.

Итак, номинативное содержание главной части ОРСП выступает одновременно на денотативном уровне СПП трояким способом –

- (1) в языковой реализации в ГЧ,
- (2) во вмещенном ментальном образе в самом реляте как в синтаксеме «в самой себе и для себя»,

(3) во вмещенном ментальном образе в реляте со встроенной в ПЧ синтаксической позицией; здесь можно усмотреть своего рода денотативную ретрипликацию содержания ГЧ.

Выражение формантов синтаксем в ОРСП тоже многослойно:

а) в синтаксеме (1) формант представлен всей словоформой релята *что* (вмещенное содержание + местоименная флексия), тем самым данная синтаксема представляет собой трехкомпонентную структуру – два номинативных компонента (материализованное содержание ГЧ и вмещенное содержание релята) + местоименная флексия релята;

б) в синтаксеме (2) формант представлен парадигмой местоименных флексий при вмещенном в реляте номинативном компоненте;

в) в синтаксеме (3), относящейся к ПЧ, формант представлен парадигмой местоименных флексий релята и его синтаксической позицией в ПЧ.

Как видим, все три синтаксемы, в которых задействован релят *что*, имеют разную структуру: синтаксема (1) трехкомпонентна за счет удвоения номинативного компонента, синтаксема (2) двухкомпонентна, синтаксема (3) трехкомпонентна за счет удвоения форманта. Тем самым обнаруживается связь между первой и третьей синтаксемами – приращенный, он же вмещенный формантом-«флексией»-релятом номинативный компонент первой синтаксемы, встраивается в придаточную часть как синтаксема с приращенным формантом в виде синтаксической позиции в придаточной части. Вот где образуется связь между главной и придаточной частями в относительно-распространительных предложениях.

Добавим, что продуцирование таких конструкций, а тем более их восприятие сопряжено с усиленной мысле-речевой деятельностью участников коммуникации. Не случайно подобные вмещающие конструкции паузируются, парцеллируются, оформляются как вводные, берутся в скобки, интонационно модифицируются, а то и вовсе видоизменяются – либо с помощью введения усилительной частицы *и*, либо заменой дейксиса более сильным – указательным местоимением *это*.

Из проведенного анализа напрашиваются два вывода.

Первый: в ОРСП содержание главной части денотативно должно быть таковым, чтобы в ментальном его образе ему могло найтись место в денотативной структуре придаточной части, и наоборот, типовая ситуация, представленная денотативной структурой придаточной части, должна быть таковой, чтобы в она могла создать синтаксическую позицию для вмещенного ментального образа номинативного компонента (содержания ГЧ). Так что несмотря на структурную асимметрию (от ГЧ содержание – от ПЧ позиция), не менее важным условием (если не определяющим?) является содержание обеих частей, ради которого, в сущности, и осуществляется коммуникация. А денотативный уровень предложения как раз ближе всего связан с реальностью.

Вывод второй: содержательным условиям обеих частей в ОРСП должен соответствовать материализованный инструмент, который бы, с одной стороны, обладал семантической широтой для вмещения в себя максимально множественного и разного содержания, а с другой – обладать грамматической гибкостью, чтобы

встроить вмещенный содержательный объем в позицию любого участника типовой ситуации, названной придаточной частью. Такой семантической широтой и такой грамматической гибкостью обладает только местоимение, причем только относительное. Почему только оно?

Дело в том, что, будучи вмещающим формантом главной части как предикативной синтаксемы, релят *что* по анафорической функции равнофункционален вмещающему форманту *то* главной части предикативной синтаксемы в других СПП, на что обратила внимание В. А. Белошапкина, дав одну и ту же формулировку одинаковых функций соотносительного *то* во вмещающих и относительного местоимения в относительно-распространительных предложениях, изменив лишь вектор действия самих объектов. Процитируем, совместив обе формулировки, выделяя замены – для вмещающих полужирный шрифт, для ОРСП – скобки: «**Соотносительное** слово (относительное местоимение) вмещает в себя содержание **придаточной** (главной) части и прямо вводит его **в главную** (в придаточную) как единый компонент ее семантико-синтаксической структуры» [Грамматика, 1970, с. 684; с. 735]. Разница в формулировке только в слове *прямо*: применительно к ОРСП такое определение отсутствует; случайно или нет, трудно сказать, но выполненный выше анализ функций релята *что*, показывает, что введение главной части в придаточную едва ли можно назвать прямым. Оно опосредовано той переходной стадией «висячей» вне контекста синтаксемы для адаптации релята *что* в новых условиях, а именно – в выполнении анафорической функции.

По этой функции и вмещающее *то*, и вмещающее *что* симметричны, однако их симметрию нарушает разница в векторе анафорической функции, а значит, и в их связующей способности. Как известно, анафорическая связь разделяется на анафору и катафору (оговоримся, что речь идет о лингвистической анафоре и катафоре, мы не касаемся поэтико-стилистических фигур художественных текстов, где работают иные механизмы).

Лингвистическая анафора как синтаксическая связь ретроспективна, ее antecedent сообщается раньше: относительные (союзные) слова как реляты в ПЧ содержат отсылку к коррелятам (указательным словам), опорным словам или всей главной части. Релят *что* в ОРСП тоже анафоричен: он отправляет к antecedentu – содержанию главной части. Катафора же *то* проспективна, она предвестник postcedenta – следующей информации, ее связь с ним прогнозируема, предсказуема и обязательна, причем указательная катафора в пространстве СП очень близка к postcedentu в придаточной части, как правило, контактирует с его дейксисом, который представлен анафорическим релятом. Именно так сближаются катафорические соотносительные *T*-слова и анафорические относительные *K*-слова в СПП местоименно-соотносительного типа с корреляционной связью.

Это катафора-анафорическое сближение воплотилось в коррелятно-релятных сочетаниях-скрепах «*T*-слово + *K*-слово» типа *то–что*, *тот–кто*, *тот–который*, *туда–куда* и др. Воплощением подобного сплава вплоть до «аннигиляции» катафоры и анафоры является блок «*то₂, что*» (где *что* союз): «хотя элементы блока *то, что*

четко разделены интонационно и пунктуационно, но линейно они связаны жестко: *то* всегда непосредственно предшествует союзу *что* [Черемисина, 1982, с. 12]. Целостность блока *то, что* как одноместной скрепы доказана в [Черемисина, Колосова, 1987]. Принимая это положение, мы принимаем и посыл авторов цитируемой работы о признании двухместных прономинальных скреп типа «*T-слово + K-слово*», и хотя «свойства этого "семейства скреп" и отношения элементов внутри его еще ожидают исследования» [Там же, с. 148], считаем, что инвентаризацию таких скреп надо осуществлять уже сегодня.

В связи с этим, не вдаваясь в подробные рассуждения, считаем, что для денотативного уровня сложного предложения очень важно, какими синтаксемами в ГЧ являются *T-слово* и *K-слово* в отдельности и в каких формальных компоновках они образуют одну скрепу. А это означает, что при характеристиках таких двухместных прономинальных скреп необходимо указывать, какие конкретно по значению синтаксеммы в своих частях выполняет каждое из соотносительных и относительных местоимений. Сравн.: *Платит тот, кому надо – Платят тому, кто работает – Платят тем, что имеется – Платим за то, что заслужили...* Сколько перед нами скреп – две или четыре?

Если мы принимаем окончания *и* в парадигме слова *мышь* как грамматические омонимы, то и на уровне скреп перед нами разные граммемы. При инвентаризации белорусских союзов в порядке начинания мы указывали синтаксемные роли компонентов прономинальных скреп в каждой из частей сложного предложения. На это нас вдохновили эксперименты моделирования компоновок прономинальных скреп с последующей верификацией их в НКРЯ, которая показала не только широкую активность скреп, но и ограничения и даже запреты на их образование.

В свете сказанного можно вообразить себе объем класса таких предложений, тем более что только часть его представлена инвентарем скреп, образованных на базе релята *что*, количество которых можно попытаться исчислить хотя бы в некотором приближении (значения форм пока не в счет). Это четыре падежные скрепы (*что, чего, чему, чем*) плюс 30 скреп, образованных с производными предлогами с учетом их разного падежного управления: *без чего, во что, в чем, до чего, для чего, за чем, за что, из-за чего, из чего, кроме чего, к чему, мимо чего, между чем, на чем, на что, над чем, о чем, о что, при чем, перед чем, про что, по чему, по что, под что, под чем, ради чего, с чего, с чем, со что, у чего*.

Верификация контекстами из НКРЯ выявила неоднородность их функционирования в речевой практике. Одни из них активны в речи (*в чем, для чего, за что, из чего, на что, на чем, над чем, под чем, из-за чего, ради чего, о чем*), причем наблюдается их регулярная синтаксемная в ПЧ функция, обусловленная управляющим предикатом в ПЧ – в основном это предикаты речевой, мыслительной, оценочной деятельности, что довольно симптоматично для подтверждения тенденции к интеллектуализации в развитии языка, – тенденции, отмеченной на анализе других явлений [Поликарпов, 2004]: *Каждого ушедшего нужно было заменять, вводить в репертуар новых музыкантов, от этого терялось качество, в чем тоже упрекали Спивакова* (С. Спивакова. Не всё, 2002); *Она рассчитывала*

стать императрицей, **для чего** готовила новый акт о престолонаследии (Парламентская газета, 12.2021); Из наших титулованных прежде мог позволить себе такую вольность один только Владимир Драчев (**за что**, в частности, и был выведен из основного состава российской сборной) (Известия, 06.12.2002); В отличие от полосатых беленьких котят оставили жить, а когда они подросли, раздали знакомым и незнакомым людям, **из чего** легко было сделать вывод: цвет шерсти и глаз, порода и происхождение могут служить достаточным основанием для решения вопроса о жизни и смерти (А. Варламов. Купавна, 2000); Крепость «рыковки» не превышала 30 градусов, **над чем** иронизировал герой повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» профессор Преображенский (Н. Б. Лебина. Советская повседневность); Советники Байдена также не против привлечь Китай к сделке, **на чем** так настаивает Трамп (Vesti.ru, 11.2020); Google и Facebook пригрозили, что уйдут с территории Австралии, **на что** австралийский премьер, надо отдать ему должное, ответил, что в Австралии действуют свои законы (Парламентская газета, 05.2021); Память о дефолтах и гиперинфляциях толкает людей на выгодное вложение средств, **под чем** нередко подразумевается «вложение в себя» – приобретение второго высшего, тренинги, повышение квалификации (РБК Daily, 11.2009).

С некоторыми скрепами (без чего, пример с которой приводился выше, о что, по чему, под что, по что) в НКРЯ выявлены единичные, даже уникальные употребления: Возвращаемся к основному вопросу: основной вопрос социализма есть вопрос об изменении отношения массы к вождям (общества и личности), **о что** всякие попытки осуществления социального заказа разбиваются, и под флагом социализма складывается обыкновенная конструкция общества, т. е. личность, превращенная массой в кумир (М. М. Пришвин. Дневники, 1922); Стоит отметить, что иск был подан на фоне начавшейся масштабной реконструкции по удлинению и расширению ул. Строителей, **под что** частично попадает ул. 2-я Шоссейная (Коммерсант, 12.2020); Наконец, все так же улыбаясь, проговорил что-то с вопросительной интонацией – во фразе прозвучало: «... мадам Лидия?» – **по чему** стало ясно, что мастер спрашивает, как поживает Лида (Д. Рубина. Медная шкатулка); Вечером ему сказали, что Лукашка при смерти, **по что** татарин из-за реки взялся лечить его травами (Л. Н. Толстой. Казаки).

Контексты со скрепами возле чего, при чем можно считать синкретичными, содержащими двойное понимание их структуры и отношений между частями:

возле чего или о том..., что..., возле чего? В Доме в деревне» Варламов наконец-то рассказал **о том** главном и сокровенном, **что**, собственно, и сделало его писателем, **возле чего** он окормлялся весь свой короткий творческий путь, постоянно варьируя в своих рассказах, повестях и романах мотив одинокого дома в северных лесах, где его герои находили последнее прибежище и спасение (Литературная газета, 11. 1997);

синонимы во время которого или при этом? Жандармское начальство, перехватив это письмо, сочло почему-то нужным произвести у Зубкова обыск, **причем** найдена была какая-то старая прокламация (Народная воля, 1879).

Скрепы *мимо чего, перед чем* ориентированы на опорный компонент в главной части, под которым в любом случае подразумевается определяемый придаточной частью субстантив: *Но что-то в этой литературе есть от духа, **мимо чего** и русский человек не проходит и посторонний, глядя на русского, не пробежит* (С. Н. Есин. Дневник, 2007); *От православия веяло какой-то дремучестью и забитостью, **перед чем** надо дрожать в страхе, причитая «Господи прости, Господи прости, прости Господи ... споди...»* (Н. Медведева. Любовь с алкоголем, 1988–1993).

В НКРЯ не оказалось контекстов со скрепами *кроме чего, между чем* в ОРСП, и есть сомнение, возможны ли они вообще. Скрепка *между чем* в единичном употреблении по значению равна современным *между тем* и *меж тем* (о последней см. [Конюшкевич, 2022]): *Различия между теми и другими устанавливаются гораздо большей наказуемостью некоторых деяний, не соответствующей величине материального вреда их; например, удар не обнаженным мечом или рукоятью, конечно, наносит гораздо меньше вреда, чем тяжкая рана мечом; **между чем** за деяние первого рода полагается штраф вчетверо больший (12 грив.), чем за второе* (М. В. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, 1886).

Как видим, в своих связях, функциях, денотативных ролях, по речевым предпочтениям носителей языка скрепы, образуемые релятом *что* с непроизводными предлогами, в ОРСП имеют разный удельный вес.

Если же продолжить исчисление скреп, образуемых релятом *что* с производными предлогами, то мы получим скреп на порядок больше, а их анализ занял бы пространство целой книги. Здесь же мы обратим внимание только на методику исчисления таких скреп. Опыт инвентаризации белорусских предлогов и участие в международном проекте «Грамматика славянского предлога», инициированном и руководимом М. В. Всеволодовой [Всеволодова и др., 2014], дали возможность увидеть, что корреляция предлога с союзом – важнейший атрибут обеих этих единиц, поэтому стало возможным формировать реестры союзных средств путем образования их от предлога (что от чего образовано на временной оси, для инвентаризации скреп не имеет значения).

Сейчас, когда вышел в свет первый том предлогов русского языка, содержащий 1380 предложных единиц (только заглавных) в диапазоне А–В, хотя общее их число составляет около 4 тысяч, если учесть так называемые параметрические предложные единицы (корреляты) единиц типа *величиной* [Там же], образование союзов от предлогов представляет собой чисто техническое дело, поскольку разработана и методика моделирования скреп. В образовании скреп мы дошли пока только до половины реестра русских предлогов, собранных в указанном выше томе. Но и этого оказалось достаточно для того, чтобы увидеть продуктивность предложного массива для образования скреп с релятом *что* в ОРСП.

Приведем только небольшой список скреп с данным релятом, способных формировать придаточную часть ОРСП и подтвержденных контекстами: *в благодарность за что, в видах чего, ввиду чего, в доказательство чего, в*

*дополнение к чему, в дополнение чего, в воздаяние чего, в зависимости от чего, в доказательство чего, в заключение чего, взамен чего, в изъявление чего, в интересах чего, в контексте чего, в знак чего, в награду за что, в награждение чего, в направлении чего, в обоснование чего, в объяснение чего, в обеспечение чего, в ожидании чего, в обмен на что, в ознаменование чего, во имя чего, в оправдание чему, возле чего, во время чего, в основу чего, в ответ на что, в отместку на что, в отношении чего, в поддержку чего, в подтверждение чего, в память чего, в погоне за чем, в пользу чего, в противоположность чему, в процессе чего, в преддверии чего, дальше чего, во избежание чего, для избежания чего, вслед за чем, исходя из чего, вопреки чему, **благодаря чему, в связи с чем, вследствие чего, в результате чего, на что, после чего ...***

В списке выделены скрепы, которые в Словаре Т. Ф. Ефремовой [Ефремова, 2001] включены в список союзов, с чем полностью солидарны мы и, вероятно, многие. Но возникает вопрос: а чем же отличаются от выделенных остальные единицы в списке? На наш взгляд, ничем. Разве только тем, что некоторые из них используются не так часто или уникальны, как в этом высказывании: *В известный период времени накапливалось достаточное количество стоп, которые, заведомо краденые, покупали мелкие торговцы. **Для избежания чего** начальство вынуждено было накладывать на бумагу штемпель того места, которому принадлежала бумага* (И. И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие, 1856).

Думается, что настало время собрать в единый реестр все союзные средства – собственно союзы, союзные слова, скрепы, функтивы, фразеосхемы, союзные единства... в функционально-грамматическое поле категории союза, отдавая должное даже самым периферийным единицам, чтобы представить объективную картину этого класса единиц в палитре динамичной стихии национального русского языка.

Выводы. Специфика ОРСП как цельного класса обнаруживается в системе многослойных связей на уровне денотативной структуры предложения, наиболее приближенной к реальной действительности. Именно близость денотативного и информативного уровней создает условия для связи содержания ГЧ как номинативного компонента предикативной синтаксемы с ее позицией, (тоже в виде вмещенного номинативного компонента синтаксемы) в типовой ситуации, названной ПЧ. Регулятором, обеспечивающим соотнесенность двух номинативных (материализованного и ментального вмещенного) компонентов, выступает релят *что*, обладающий семантической широтой, грамматической гибкостью и способностью к анафорической функции.

Объем класса ОРСП намного больше, чем он характеризуется исследователями, благодаря развивающемуся инвентарю скреп, образующихся от сочетаний падежных форм релята *что* с производными предлогами. Верификация таких скреп контекстами из Национального корпуса русского языка, показавшая существенные расхождения в употребительности контекстов и даже в отсутствии и уникальности отдельных из них, свидетельствует о значимости информативного и денотативного уровней для формирования вмещающих конструкций в виде ОРСП.

Литература

Белошапкова В. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Панов М. В. *Современный русский язык* (1981). Москва: Высшая школа.

Белошапкова, В. А. (1977). *Современный русский язык: Синтаксис*. Москва: Высшая школа. 248 с.

Всеволодова, М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е. (2018). *Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц. А – В (объективная грамматика)*. Москва: УРСС.

Всеволодова, М. В. (2000). *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка*. Москва: Изд-во МГУ.

Всеволодова, М. В. (2017). *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка*. Москва: УРСС.

Всеволодова, М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. (2014). *Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц*. Москва: ЛИБРОКОМ.

Грамматика современного русского литературного языка (1970). Москва: Наука.

Ефремова, Т. Ф. (2001). *Толковый словарь служебных частей речи русского языка: 15 000 словарных статей: 22 000 семантических статей*. Москва: Русский язык.

Конюшкевич, М. И. (2022). Скрепцы с базовым компонентом «меж» в русском языке. *Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов*. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 210–217.

Конюшкевич, М. И. (2014). Потенциал предлога для образования союзных средств. *Јужнословенски филолог*. Београд. Кн. LXX, 17–33.

Крылова, О. А., Максимов, Л. Ю., Ширяев, Е. Н. (1997). *Современный русский язык. Ч. 4: Синтаксис. Пунктуация. Теоретический курс*. Москва: Изд-во РУДН.

Крючков, С. Б., Максимов, Л. Ю. (1977). *Современный русский язык: синтаксис сложного*. Москва: Просвещение.

Поликарпов, А. А. (2004). Закон Менцерата как проявление базовых тенденций в словообразовании (на материале хронологического «морфемно-словообразовательного словаря русского языка»). *Русский язык: исторические судьбы и современность*. Москва: Изд-во МГУ, 287–289.

Словарь русского языка: в 4 т. (1981). 2-е издание, исправленное и дополненное. Т. 1: А-Й. Москва: Русский язык.

Черемисина, М. И. (1982). Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым

References

Beloshapkova V. A., Zemskaya E. A., Miloslavsky I. G., Panov M. V. (1981). *Modern Russian language*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).

Beloshapkova, V. A. (1977). *Modern Russian. Syntax*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).

Cheremisina, M. I. (1982). On the Explanatory Construction with the Optional Controlled Pronoun “TO”. *Functional Analysis of Syntactic Structures*. Irkutsk: Irkutskii universitet Publ., 3–21. (In Russian).

Cheremisina, M. I., Kolosova, T. A. (1987). *Essays on the theory of complex sentences*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of the Russian language (1981). In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Russkij jazyk Publ. (In Russian).

Efremova, T. F. (2001). *The Explanatory Dictionary of the Russian language*. Moscow: Russkii iazyk Publ. (In Russian).

Grammar of the Modern Russian Literary Language (1970). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Konyushkevich, M. I. (2014). The Potential of Prepositions for the Formation of Allied Means. *Juzhnoslovenskiphilolog*. Кн. LXX. Beograd, 17–33.

Konyushkevich, M. I. (2022). Staples with the basic component "mez" in Russian. *Russian Grammar in the Dialogue of Scientific Schools, Directions, Methods*. Vladivostok, Dal'nevostochnyi federal'nyi universitet Publ., 210–218. (In Russian).

Krylova, O. A., Maksimov, L. Yu., Shiryayev, E. N. (1997). *Modern Russian. Theoretical course. Part IV. Syntax. Punctuation*. Moscow: RUDN Publ. (In Russian).

Kryuchkov, S. B., Maksimov L. (1977). *Modern Russian. Syntax of a compound sentence*. Moscow: Prosveshcheniye Publ. (In Russian).

Polikarpov, A. A. (2004). Menzerrat's Law as a manifestation of basic tendencies in word formation (on the material of the chronological “morphemic and word-formation dictionary of the Russian language”). *Russian Language: Historical Fates and Modernity*. Moscow: MGU Publ., 287–289. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2008). Accommodating Construction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 4, 58–67. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2013). Adjectival enclosing construction // *Word. Vocabulary. Word of mouth: Communication. Text. Syntax*. Sankt-Peterburg, 303-308. (In Russian).

Vsevolodova M. V. (2017). *The Theory of Functional and Communicative Syntax: A Fragment of the Fundamental Applied (Pedagogical) Model of Language*. Moscow: URSS Publ. (In Russian).

Vsevolodova, M. V. (2000). *The Theory of Functional and Communicative Syntax: A Fragment of the Applied (Pedagogical) Model of Language*. Moscow: MGU Publ. (In Russian).

Vsevolodova, M. W., Kukushkina, O. W., Polikarpov, A. A. (2014). *Russian prepositions and means of a prepositional type:*

местоимением «ТО». *Функциональный анализ синтаксических структур*. Иркутск: Иркутский университет, 1982, 3–21.

Черемисина, М. И., Колосова, Т. А. (1987). *Очерки по теории сложного предложения*. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние.

Шмелева, Т. В. (2008). Вмещающая конструкция. *Вестник Московского университета. Серия 9, Филология*. 4, 58–67.

Шмелева, Т. В. (2013). Адъективная вмещающая конструкция. *Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко)*. Санкт-Петербург: 2013, 303–308.

materials for a functional-grammatical description of real use. Book 1. Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units. Moscow: LIBROKOM Publ. (In Russian).

Vsevolodova, M. W., Vinogradova, Je. N., Chaplygina, N. Je. (2018). *Russian prepositions and prepositional means. Materials for a functional-grammatical description of real use. Book 2. Register of Russian prepositional units: A – B (objective grammar)*. Moscow: URSS Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Конюшкевич, М. И. (2023). О вмещающих конструкциях, и не только о них. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 50–65. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-50-65

For citation:

Konyushkevich, M. I. (2023). On accommodating structures and more. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 50–65. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-50-65

Аграмматические тексты и их место среди продуктов речевой деятельности

Б. Ю. Норман

Agrammatical texts and their place among the of speech activity's products

B. Ju. Norman

Борис Юстинович Норман – доктор филологических наук,
профессор; независимый исследователь, Минск, Белоруссия

E-mail: boris.norman@gmail.com

Статья поступила. 01.02.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

Аграмматизм в русском языке понимается как производство высказывания с таким нарушением морфологических и синтаксических норм, при котором основными средствами выражения грамматических значений становятся порядок слов и (в устной речи) интонация. Управление и согласование вытесняется примыканием, возрастает частота употребления именительного падежа. Это ситуация, когда между словами в высказывании отсутствуют должные средства связи (словоизменительные морфемы, предлоги, союзы, частицы), и само высказывание становится «рассыпчатым». Фактический материал для статьи извлечен из трех коммуникативных сфер: разговорной речи, специальных текстов (торговой и технической рекламы) и художественной литературы. Показано, что существуют общезыковые основания, объясняющие развитие данного феномена. Это: а) расчет на лексическую семантику слов и заложенные в них комбинаторные связи; б) грамматическая семантика, представленная линейным порядком слов (а в устной речи – еще и интонацией); в) поддержка со стороны социальных условий, личностных характеристик общающихся, бытового контекста, паралингвистических средств. Отмечена особая функциональная и стилистическая роль имени в синтаксисе фразы – в его противопоставлении глаголу. В фактах аграмматизма проявляется взаимодействие языковых средств между собой. В связи с этим систематизированы частные предпосылки и условия, способствующие возникновению в русском языке аграмматических конструкций, – таких как лемматизация, компрессия, эллипсис, использование заимствованных слов. Делается общий вывод, что аграмматизм – не столько средство деструкции текста, сколько ситуативно (дискурсивно) обусловленное использование многообразных функциональных возможностей языка.

Ключевые слова: аграмматизм, порядок слов, разговорная речь, существительное, именительный падеж

УДК 81`242:81`271:81`373.21

Boris Ju. Norman — Dr. Sci. in Philology, Professor;
Independent Researcher, Minsk, Belarus

ORCID 0000-0001-8520-5387

Received: 01/02/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

Agrammatism in Russian language is understood as the production of an utterance with such violation of morphological and syntactic norms, by which the main means of expressing grammatical meanings are word order and (in oral speech) intonation. Government and coordination are supplanted by parataxis, the frequency of the use of the nominative case increases. This is a situation when there are no proper means of connection between words in an utterance (inflectional morphemes, prepositions, conjunctions, particles), and the utterance itself becomes “crumbly”. The factual material for the paper is extracted from three communication areas: colloquial speech, special texts (commercial and technical advertising) and fiction. It is shown that there are general linguistic grounds that explain the development of this phenomenon. These are: a) expectation on the lexical semantics of words and the combinatorial connections inherent in them; b) grammatical semantics, represented by the linear order of words (and in oral speech – by intonation also); c) support from social conditions, personal characteristics of those who communicate, everyday context, paralinguistic means. The special functional and stylistic role of names in the syntax of the phrase is noted – in their opposition to the verb. In the facts of agrammatism, the interaction of language means with each other is manifested. In this regard, particular prerequisites and conditions are systematized that contribute to the emergence of agrammatic constructions in the Russian language – such as lemmatization, compression, ellipsis, the use of loan-words, etc. A general conclusion is made that agrammatism is not so much a fact of text destruction, but situational (discursive) conditional use of the diverse functionality of the language.

Keywords: agrammatism, word order, colloquial speech, noun, nominative case

OECD: 6.02.0T

V

Постановка проблемы. Согласно лингвистической традиции, основные виды значений, представленные в языке, подразделяются на лексические и грамматические. Они противопоставлены друг другу по ряду параметров: широте охвата языковых единиц (лексической базе), степени обязательности выражения, регулярности (стандартности) выражения, наличия или отсутствия внеязыкового референта и т.д. Соотношение данных типов значения и способов их выражения составляет важную типологическую характеристику любого языка. Но только признавая существование этого глобального водораздела между лексикой и грамматикой, можно рассуждать о каких-то переходных, промежуточных типах (например, о значениях вида у глаголов или рода у существительных, о семантике словообразовательных моделей и т.п.). В последние десятилетия становятся чрезвычайно популярными и перспективными исследования в области процессов лексикализации (т.е. превращения грамматической, служебной единицы в самостоятельное слово) или, наоборот, грамматикализации (превращения лексической единицы в служебный, структурный показатель).

Под аграмматизмом в русском языке мы понимаем производство высказывания с таким нарушением морфологических и синтаксических норм, при котором основными средствами выражения грамматических значений становятся словопорядок и (в устной речи) интонация. Управление и согласование вытесняется примыканием. Говоря по-другому, это ситуация, когда между словами в высказывании отсутствуют должные средства связи (словоизменяемые морфемы, предлоги, союзы, частицы), и само высказывание становится «рассыпчатым». Это – особое, но не такое уж редкое и неестественное явление. Более того, его можно считать системным, потому что оно, с одной стороны, производно от внутренних механизмов речепорождения, а, с другой стороны, не должно препятствовать осуществлению языком его основных функций: коммуникативной и познавательной. Поэтому аграмматизм мы вправе рассматривать среди стилистических феноменов, среди прочих проявлений ослабленного контроля за речепорождением, и исследовать его с точки зрения взаимодействия языковых средств между собой. В частности, представляет интерес вопрос о том, как отсутствие должных грамматических сигналов компенсируется средствами иных уровней: фонетического (в том числе интонацией), лексического (в том числе лексической комбинаторикой), а также паралингвистическими знаками.

История вопроса. Явление аграмматизма обычно исследуют в историческом плане: оно наблюдается при переходе языка от синтетического строя к аналитическому. Фактически это ломка всей языковой системы: отказ от выражения грамматических значений внутри слова. Причем, по мнению классика английского языкознания, такая перестройка способствовала точности выражения: «В то время как в древнем языке было множество окончаний, большинство из которых имели очень расплывчатые значения, в современном английском их немного, и их сфера

значения более определенна» [Jespersen, 1972, p. 168]. Но от этого диахронического аспекта мы отвлекаемся; наши интересы ограничиваются рамками синхронии.

Естественное проявление аграмматизма мы имеем в пиджинах, когда смешение двух языков приводит к доминированию лексики одного из них, а грамматика при этом «стирается», нейтрализуется, сводится к минимуму. Условно говоря, это случаи типа *Моя твоя не понимай*. Последняя фраза служит для нас типичным примером (имитацией) плохой русской речи инофона (татарина, якута или еще какого-то аборигена). Но заметим при этом, что человек, плохо освоивший чужой язык, стремится употреблять слова в их исходной, словарной форме, не вдаваясь в тонкости словоизменения и словообразования. Иностранец строит свою речь из существительных в именительном падеже единственного числа, прилагательных в такой же форме, глаголов в неопределенной форме и т.п. [Русецкий, 2011, с. 60]. Это правило должно соблюдаться и в художественной литературе. Поэтому герой романа Всеволода Иванова «Похождения факира», намеренно ломающий свою речь, вряд ли достигнет своей цели: окружающие, скорее всего, поймут, что человек только пытается выдать себя за иностранца. Вот его реплика:

– Мы – гражданских пленных. Мы имел в Петербурге магазин золотых вещей и часы. Наш магазин подвергай немецкий разгром. Мы выскочили один фрак и один лаковый ботинок. Нас посылай в Сибирь. Это трудно! Мы каждую зиму живем в теплых Индий.

Это показывает, что аграмматизм может выступать и как изобразительное средство в арсенале писателя. Но сначала мы рассмотрим данное явление в разных дискурсивных условиях: в устной разговорной речи и в торговой и технической рекламе, и лишь затем обратимся к художественным текстам.

А методологическим основанием для наших рассуждений будет постоянное соотнесение наблюдаемых фактов речи с нормой русского литературного языка, зафиксированной в академических грамматиках.

Анализ материала.

Разговорная речь

В устной спонтанной речи примеры нарушения грамматических норм многообразны. Однако для исследователя желательно, чтобы этот материал был документирован и паспортизован. На раннем этапе полевых исследований подобные записи делались тайно, в крайне несовершенных условиях. Приведем из [Пешковский, 2018, с. 586] один показательный фрагмент (отсутствие связности между репликами объясняется в значительной степени обстоятельствами записи).

...Молодые, так они темненькие, а старые, так они серые. Он хороший аккомпаниатор считается. Четыре человека вынянчила. Когда-то читал эти романы... масса... Это со вчера здесь? Все надо ткнуть! Вы думали, что правда съели все? Он горным инженером. Они ушли вместе с моей дочерью. Мне снилось, что снег.

Позже стала использоваться аудио- и видеозапись и, соответственно, в опубликованных материалах стали указываться возраст и пол общающихся, их социальный статус и т.д. Показательным в этом отношении является сборник [Русская

разговорная речь, 1978]. Сегодня в распоряжении исследователей имеется подкорпус устной речи в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Он содержит необходимые сведения об употреблении той или грамматической формы.

Понятно, что у спонтанной разговорной речи – во многом особый грамматический строй, свои правила построения фраз и употребления слов. Как писал швейцарец Шарль Балли, «было бы весьма странно, если бы разговорный язык не обладал особым синтаксисом; действительно, с этой точки зрения он представляет целый ряд особенностей, которые столь же интересны, сколь мало изучены. Разговорный синтаксис не изучают главным образом потому, что не считают его достойным внимания; от него старательно отгораживаются под тем предлогом, что в нем всё «неправильно»...» [Балли, 2001, с. 352–353].

Еще более категорично выразился по сходному поводу французский структуралист Ролан Барт. Размышляя над собственным опытом дремотного перебирания слов, «обычно называемого внутренней речью», известный семиолог пишет: «Эта речь... имела сугубо лексический, спорадический характер; вопреки своей видимой связности, на деле она представляла как абсолютно разорванная; ...но ведь подобный факт потенциально ведет к крушению лингвистики – той самой лингвистики, которая, веруя лишь во фразу, всегда отводила совершенно непомерную роль предикативному синтаксису (как форме логического, рационального мышления): и я сразу же подумал о скандальном положении, существующем в науке, – об отсутствии какой бы то ни было локутивной грамматики...» [Барт, 1989, с. 503].

Эта «локутивная» грамматика и есть прежде всего грамматика живой разговорной речи. При этом, отмечая в ней различного рода сбои, мы, естественно, убеждены, что имеем дело с психически полноценными субъектами речи – т.е. не рассматриваем случаи афазии и прочих клинических мозговых нарушений, а также отвлекаемся от трудностей при обучении языку в детском возрасте.

Однако и при такой оговорке мы наблюдаем на практике массу примеров хезитации (колебаний), заминок в выборе слова, употребления субститутов (не всегда удачных), описательных выражений (перифраз) и др. Синтаксическая «рассыпчатость» русской речи проявляется и в повышенной частоте употребления форм именительного падежа, ср. многочисленные примеры типа *Вы не видели белая собака?* в: [Морфология и синтаксис, 1968, с. 346–365]. Последнее подтверждает, что порядок слов – важнейшее и нередко самодостаточное средство организации фразы. Кроме того, возможные затруднения в понимании компенсируются общим опытом собеседников, единым бытовым контекстом, массой паралингвистических средств (жесты, мимика, позы и т.п.). Приведем для примера рассказ пожилой путешественницы о своих заграничных впечатлениях:

Ну что на Капри? На Капри мы поехали с моей... двоюродной сестрой / с тетей/ мы поехали мм... Это было в двенадцатом году / видите когда это / давно // Мы проехали / и в Риме были / и в... в этом... м... в Венеции были / Венеция нам очень... Там ко... конечно очень красиво все / но жить там невозможно для... // там такая сы-ы-рость / и там все вода/ кругом это // Гостиница / подъезжаешь к ней

на гондоле / и видно знаете это...// мм где вода-то бывает / что ниже все //...
[Русская разговорная речь, 1978, с. 107].

Еще один пример из того же источника – фрагмент разговора двух студентов, обозначенных как Ю. и А.:

Ю. Надо лабораторную бы сделать нам // Восьмую //

А. Лабораторку я просчитал / всё // Для воды вроде нормально можно подогнать / да? Вязкость // А вот ламинарность не получается // Турбулентность //

Ю. Ну/ ерунда //

А. Это... Ну и пускай турбулентность / да?

Ю. Конечно // У нас и так было что-то такое... хитрость... Следующую лабораторку нам надо делать //... [Там же, с. 145].

Мы находим в данных фрагментах и случаи эллипсиса, и ограничение словоизменительной парадигмы существительных, и использование субститутов, и коммуникативную полноценность отдельных (изолированных) словоформ...

Практика современной речи доказывает, что отдельная словоформа может быть абсолютно самодостаточной в коммуникативном отношении (ср. команды типа: *Ходу! Руки! К ноге! В ружье! На плечо! От винта! За родину! В атаку! За мной! По коням!*). Поэтому, на наш взгляд, совершенно правомерны те описания синтаксического компонента языковой компетенции, которые, наряду с предикатно-актантными моделями, включают в себя и систему свободных синтаксем с их типовыми значениями, см., например: [Норман, 2016, с. 128–148]; пионерским в этом смысле был «Синтаксический словарь» [Золотова, 1988].

Специальные тексты

Известно, что существуют определенные жанры речи – как письменные, так и устные, – для которых язык предстает в виде совокупности текстов, заведомо ограниченных в своем лексиконе и грамматике. Примером таких жанров может быть торговая или техническая реклама, в том числе в интернете.

Предпосылками и безусловными достоинствами рекламных объявлений является их прагматическая цельность и краткость (можно считать эти требования текстообразующими факторами рекламы). Ограниченное место и время, отчетливая иллокуция (это суггестия, уговор, навязывание: купить, включиться, поехать, прочитать и т.п.) и весьма узкий, однообразный бытовой контекст (рекламный щит, интернет-объявление, газетная страница, листовка в почтовом ящике и т.п.) позволяют сузить набор лексических единиц и свести к минимуму использование грамматических средств.

Несколько примеров со страницы объявлений русскоязычной минской газеты «Ва-банкъ» за 2016–2018 гг.; см. также: [Норман, 2013]:

Столяр лестница веранда пол и пр. ИП Ходасевич А.В.

Сайдинг отд-ка дом. ИП Вейцберг И.А.

Кровля ремонт замена дымоходы водосточки отмостки крылечки навесы бетонные работы выезд за город дост. материалов. ИП Небольсин А.В.

Потребитель сам без труда «достраивает» синтаксические отношения между лексемами в рамках соответствующей рубрики. Он воспринимает подобные тексты как полноценные и вполне соответствующие данным жизненным обстоятельствам. Наборы словоформ коллоквиализуются, превращаются в готовые клише – и это тоже можно считать более или менее универсальной тенденцией в рамках соответствующего дискурса.

Е. П. Гаран на материале англоязычных рекламных текстов приходит к выводу, что суггестия в них «выражается в словах не буквально, а растворяется в тексте, рассчитанном на нелинейное прочтение. В таком тексте существует второй план, недоступный непосредственному наблюдению, то, что читается между строк» [Гаран, 2016, с. 15]. А в одном из докладов на конференции «Лингвистика на исходе XX века» было показано, что выкрики тагальского (Филиппины) торговца фруктами и мороженым подчиняются не столько собственно синтаксической, сколько просодической организации [Гил, 1996, с. 126]. Это может показаться странным, но вот еще пример, в общем-то, совершенно «из другой оперы» – цитата из «Старых записных книжек» Л. Пантелеева (1945 год):

Мороженщица:

– А вот кому! Есть сочное, дальневосточное!..

Бессмыслица? Заумь? А ведь звучит. И потому – годится, привлекает внимание. Совсем как у Маршака:

Апельсинное.

Керосинное.

Мы в очередной раз убеждаемся, что грамматика, и уж тем более морфология, – не единственное средство организации фразы. В этом легко убедиться и на примере формул этикета, текстов современных песен, общения в интернете и т.д. Можно считать, что названные случаи аграмматизма суть проявление взаимодействия всех уровней языка – от фонетического до уровня сверхфразовых единств.

Художественная литература

Обратимся теперь к фактам русской художественной литературы. Это не просто источник фактического материала, здесь аграмматизм может быть инструментом на службе у специальных экспериментальных интенций – попыток продемонстрировать поток сознания. Речь пойдет о так называемом телеграфном стиле, призванном имитировать внутреннюю речь автора или поток сознания персонажа. Приведем два образца «внутренней речи» героя, разделенные между собой более чем столетием:

Раскольников смотрел на всё с странным ощущением равнодушия и безучастия. Ему стало противно. «Нет, гадко... вода... не стоит, – бормотал он про себя. – Ничего не будет, – прибавил он, – нечего ждать. Что это, контора... А зачем Заметов не в конторе?..» (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

Но вот тот, тот, другой. Ничтожество! Как он смел. Староват, потаскан. Руки влажные. Металлические зубы. Скотина. А может, не скотина? Но почему так странно? И зачем так он? Интересно, он смеялся или говорил всерьез?.. (Е. Попов. Дебют! Дебют!).

Понятно, что с убыстрением общего темпа жизни возрастает и стремление к «пунктирному» представлению ее событий. Номинативное имя ситуации оказывается достаточным для ее полного воспроизводства в сознании адресата (в том числе читателя). Вот как описывается, например, быт бригады скорой помощи:

День выдался на редкость: то сосулька с крыши, то рука в станке, то подснежник, то ножевое, – у эвакуатора на Центре халат мокрый (М. Веллер. Легенды Невского проспекта).

Если попытаться восстановить (в исследовательских целях) данные высказывания до «полных», то мы получим примерно следующее:

День выдался на редкость [тяжелый]: то [кого-то поранит] сосулька, [упавшая с крыши, то [у кого-то] рука в станке [застрянет – опять травма], то [из-под снега покажется труп – на милицейском жаргоне] подснежник, то [бытовая ссора и] ножевое [ранение], – у эвакуатора на Центре [столько работы, что от пота] халат мокрый.

Но кому нужен этот восстановленный вариант? Уж во всяком случае, не современному читателю, привыкшему понимать текст по его опорным точкам – именам ситуаций. Как писал Е. Д. Поливанов, «мы говорим только необходимыми намеками; раз они вызывают в слушателе нужную нам мысль, цель достигается; и говорить иначе было бы безрассудной расточительностью» [Поливанов, 1968, с. 296].

«Актуализирующий» тип синтаксиса, ставший доминантным еще в художественной прозе XX века, оказался наиболее востребованным при модернистских идейных установках авторов: «...Принципы модернизма реализуются в следующих свойствах модернистского дискурса: во фрагментарности, расчлененности, в краткости, сжатости, информативной спрессованности, в динамизме текста; в затемненности смысла; в аритмии текста, в нарушении естественных пропорций, иерархии; в разговорности и даже устности письменного художественного текста» [Покровская, 2003, с. 201–202].

Очень любопытны в данном отношении декларации самих модернистов. Так, один из основателей имажинизма, Вадим Шершеневич, отталкиваясь в своей статье от следующего буквального перевода китайской фразы: «Как теперь далее брать отец мать больной любить ты группа относительно сердце внутренности сказать один сказать», резюмировал: «Из анархической вольницы возникает организованное войско путем взаимовлияний образов одних слов на соседние» [Шершеневич, 2018, с. 689]. Отсюда, из расчета на «образ слова», вытекает установка на борьбу с глаголом («болезнью нашей речи»), с предлогами, с пунктуацией, и, в конечном счете, – призыв «разбить кандалы грамматики, оковы склонений, спряжений, цепи синтаксической согласованности» [Там же, с. 688]. Понятно, что такой максимализм соответствовал определенной художественной программе.

Сегодня для исследователя фактического материала особую ценность представляют собой драматургические тексты, которые в наибольшей степени отражают живую устную речь: пьесы Н. Коляды, Л. Петрушевской, Л. Улицкой и др. Приведем один пример.

Иванова: ...Ну... это не наши дела. Это посох...

Иванов (подходит, смотрит в папку): *Посох? А мы при чем?*

Человек в очках (волнуясь): *Ребят, ну мы же тогда, в январе, обсуждали... посох идет по третьему, Танюша у нас доверенное лицо, значит...*

Иванова (перебивает его): *Значит, можно мне совать чужое?*

Человек в очках: *Как чужое? Танюша! Это же обсуждалось! Я тогда спросил Реброва – как быть с совместителями? Он сказал – Румянцева берет слово обратно. Ты не помнишь разве?*

Иванова: *Ничего не помню! (Достает из кармана ручку и подписывает документы по очереди). По Ваське я подпишу... по седьмым подпишу... семеновскому подпишу... обрезку подпишу... а с посохом, дорогой, разбирайся сам.*

Человек в очках (в сильном волнении): *Как – сам?! Как сам?! Танюш! Это же...*

Иванова (раздраженно): *Что – Танюш! Как подписывать, так сразу – Танюш! А как фонды – так товарищ Николаева! (В. Сорокин. Пельмени).*

Верхом же сознательных попыток деграмматизировать текст являются образцы целиком номинативных построений. Это цепочки субстантивов, каждый из которых представляет собой знак ситуации и оформляется как самостоятельное предложение. Приведем один такой пример – начало стихотворения О. Молоткова «Человеческая комедия»:

*Мама, сказка, каша, кошка,
книжка, яркая обложка,
Буратино, Карабас.
Ранец, школа, первый класс,
грязь в тетради, тройка, двойка,
папа, крик, головомойка,
лето, труд, колхоз, солома,
осень, сбор металлолома...*

В каком-то смысле это – языковая игра, но она, с одной стороны, ярко демонстрирует номинативные потенции языка, а, с другой, – обнажает один из механизмов аграмматизма. Сто лет назад А.М. Пешковский, изучая особенности употребления именных конструкций в русском литературном языке, констатировал отсутствие у девербатов синтаксической перспективы: «Речь, построенная на отглагольных существительных, есть речь всегда вялая, путаная, не расчлененная на синтаксические звенья и соответственно мелодически бедная, бесформенная» [Пешковский, 2018, с. 287]. Однако призыв ученого: «Назад к глаголу!» остался в архивах лингвистики как своего рода стилистическое донкихотство. Стало ясно, что разные коммуникативные задачи требуют различного использования языковых средств и отказ от морфологии означает перекалывание соответствующей доли грамматической нагрузки «на плечи» порядка слов и интонации.

Добавим, что многообразные попытки деструкции текста в новейшей художественной литературе хорошо сочетаются с экспериментами в области лексики – в частности, с использованием так называемой зауми, с конструированием заведомо окказиональных слов и т.п. (см.: [Бабенко, 2007, с. 92–118]). Система языка

обладает столь мощным и гибким коммуникативным потенциалом, что может себе позволить пренебречь обыденным стандартом.

Разумеется, отдельные разновидности художественного дискурса налагают на использование грамматики частные ограничения. Это касается не только литературных произведений, но и других видов искусства, в которых задействовано слово. Один из фильмов режиссера Киры Муратовой – «Увлеченья» – начинается со встречи нескольких человек – пациентов и посетителей больницы – в больничном саду на взморье. Это жокеи, цирковые артисты, медсестра – и каждый говорит «сам по себе» (или сам с собой), вставляя иногда в свою речь специальные термины, но зрителю неясны и даже не очень слышны эти реплики. Это лишь знак общения, а не само общение – и если так, то не все ли равно зрителю, о чем люди говорят? До грамматики ли тут?

Результаты анализа. Таким образом, применительно к русскоязычному общению, аграмматизм существует только в определенных социально-коммуникативных условиях, а именно в ситуациях, когда дискурс позволяет говорящему «обойтись» без некоторых средств грамматики или даже прямо «подталкивает» его к этому. Но следует признать также, что существуют общезыковые предпосылки (или основания), объясняющие развитие данного феномена. Как показывает наш материал, это:

а) расчет на лексическую семантику слов и заложенные в них комбинаторные связи;

б) грамматическая семантика, представленная линейным порядком слов (а в устной речи – еще и интонацией);

в) поддержка со стороны социальных условий, личностных характеристик общающихся, бытового контекста, паралингвистических средств.

Кроме того, можно выделить некоторые частные внутриязыковые процессы, обслуживающие процесс формирования аграмматических конструкций. Приведем их в виде списка и проиллюстрируем имеющимся в нашем распоряжении материалом:

– лемматизация: сведение парадигмы слова к его исходной (словарной) форме: например, вместо *весна, весны, весне...*, *с весны, по весне, благодаря весне... вёсны, вёсен, вёснам...* и т.п. – единая словоформа *весна*. Лемматизация, как известно, легализована в некоторых жанрово-стилистических условиях (номенклатурные перечни, список ключевых слов и т.п.), но ее распространение ведет к экспансии примыкания: *порция рыба хек серебристый, каша перловая шрапнель* и т.п.;

– эллипсис, в том числе опущение облигаторных актантов или сирконстантов: *станция называлась; жизнь протекала; статус обязывает; свечи сближают; одиночество помогает; ты со мной не пошла вальс* и т.п. Это может приводить и к созданию новых лексических единиц: *компания зажигает, что ты гонишь? МТС тут не ловит* и т.п.;

– стяжение (компрессия) синтаксической структуры: *подайте на ущерб; лекарство от головы; ехать по Единства; дача по Риге; положения на защиту; от босоножек отказалась, потому что пальцы* и т.п.; компрессия охотно

комбинируется с метафорой и метонимией: *сидеть в ногах дивана; шампанского хрусталь, а шпаги заржавели; Гиннес от меня не уйдет* и т.п.;

– окказиональная субстантивация: *выпить по чуть-чуть; через не могу; поехать за бесплатно или за недорого; принимать на ура; рассчитывать на авось; помнить с до войны; оставить на после обеда; жить с моложе себя* (вопреки общему принципу аграмматизма, предлоги в этих конструкциях принимают активное участие);

– расширенное употребление атрибутивного, причинного или целевого инфинитива: *куртка накрыться; вода умыться; рекламная пауза сходить в туалет; обожаю передачи для посмеяться; минимум времени на подумать; полюбопытствовать остаться; расстарался для потешить взор; какое одиночество парить* и т.п.;

– развитие вторичной предикативности: *текстик написали дрянь; старшина зверь пришел; купил рыбу просто ужас; это похвала считай аванс; одни бабы живем* и т.п.;

– широкое использование (главным образом в рекламе и в СМИ) заимствованных слов – неизменяемых или «плохо изменяемых», таких как *априори, арт, фэшн, лайт, боди, микс, пати, хайтек, демо, фри, фуд, VIP (виаипи), сейшн, супер* и др.;

– фразеологизация словосочетаний (создание синтаксически неразложимых клише): *имя-отчество; сумма прописью; сидеть нога на ногу; руки в боки; уж замуж невтерпеж; видал миндал; выбрать за границу; дядя самых честных правил; СанСаныч; на чем свет* и т.п.

Выводы. Представляя собой объективную данность языкового развития, описанные внутриязыковые процессы в чем-то пересекаются, кооперируют свои усилия и в целом подготавливают носителя русского языка к использованию и восприятию конструкций, лишенных должного морфологического оформления. И если присовокупить к этому определенную долю эмпатии, готовности слушающего «пойти навстречу» говорящему, то предпосылок для появления аграмматического текста оказывается более чем достаточно.

Рассмотренный материал показывает, что аграмматизм – не столько средство деструкции текста, сколько ситуативно (дискурсивно) обусловленное использование многообразных функциональных возможностей языка.

Литература

- Бабенко, Н. Г. (2007). *Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Балли, Ш. (2001). *Французская стилистика*. Москва: УРСС.
- Барина Г. А., Земская Е. А., Капанадзе Л. А. [и др.] (авторы-состав.). *Русская разговорная речь. Тексты* (1978). Москва: Наука.
- Барт, Р. (1989). Удовольствие от текста. В книге: Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс, 462–518.
- Гаран, Е. П. (2016). Основные особенности рекламного текста. *Концепт: научно-методический электронный журнал*, 40, 15–18. Электронный ресурс: <https://e-koncept.ru/2016/56891.htm>
- Гил, Д. (1996). Знание грамматики, знание языка. *Вопросы языкознания*, 2, 118–140.
- Золотова, Г. А. (1988). *Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва: Наука.
- Морфология и синтаксис современного русского литературного языка (1968). Т. 3. *Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование: в 4 кн.* Москва: Наука.
- Норман, Б. Ю. (2013). Сапоги Италия, ванна Новокузнецк, крыша черепица... О дискурсивной обусловленности грамматики. *Slavica Nitriensia*, 1, 5–17.
- Норман, Б. Ю. (2016). *Жизнь словоформы: учебное пособие*. Москва: ФЛИНТА: Наука.
- Пешковский, А. М. (2018а). Глагольность как выразительное средство. *Лингвистика. Поэтика. Стилистика*. Москва: ФЛИНТА, 272–288.
- Пешковский, А. М. (2018б). Десять тысяч звуков. В книге: Пешковский, А. М. *Лингвистика. Поэтика. Стилистика*. Москва: ФЛИНТА, 582–615.
- Покровская, Е. А. (2003). Синтаксис модернистского дискурса. *Slavica Tartuensia*. Вып. VI: Славянские языки: от прошлого к настоящему, 199–207.
- Поливанов, Е. Д. (1968). По поводу «звуковых жестов» японского языка. В книге: Поливанов Е. Д. *Статьи по общему языкознанию: избранные работы*. Москва: Наука, 295–305.
- Русецкий, В. Ф. (2011). «Инструкция употребление», или Причины и механизмы речевых ошибок. *Русский язык в школе*, 2, 60–68.
- Шершеневич, В. Г. (2018). Ломать грамматику. В книге: Пешковский А. М. *Лингвистика. Поэтика. Стилистика*. Москва: ФЛИНТА, 687–697.
- Jespersen, O. (1972). *Growth and Structure of the English Language*. 9th Edition. Basil Blackwell Oxford.

References

- Babenco, N. G. (2007). *Linguistic poetics of Russian literature of the postmodern era*. Saint-Petersburg University Publ. (In Russian).
- Balli, Sh. (2001). *French stylistics*. Moscow: URSS Publ. (In Russian).
- Bart, R. (1989) Text pleasure. In: Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika*. Moscow: Progress Publ., pp. 462-518. (In Russian).
- Garan, E. P. (2016). The main features of the advertising text. *Nauchno-metodicheskii zhurnal «Kontsept»*, 40, 15–18. Retrieved from: <https://e-koncept.ru/2016/56891.htm>. (In Russian).
- Gil, D. (1996) Knowledge of grammar, knowledge of the language. *Voprosy iazykoznanii*, 2, 118–140. (In Russian).
- Jespersen, O. (1972). *Growth and Structure of the English Language*. 9th Edition. Basil Blackwell Oxford.
- NKRla – *Russian National Corpus*. Retrieved from: www.ruscorpora.ru. (In Russian).
- Norman, B. Ju. (2013). “Sapogi Italiia, vanna Novokuznetsk, krysha cherepitsa...” About the discursive conditioning of grammar. *Slavica Nitriensia*, 1, 5–17. (In Russian).
- Norman, B. Ju. (2016) *The life of a wordform*. Moscow: FLINTA–Nauka Publ. (In Russian).
- Panov, M. V. (Ed.) (1968). *Morphology and syntax of the modern Russian literary language* (series “Russian language and Soviet society). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Peshkovskii, A. M. (2018a) Verb as a means of expression. In: Peshkovskii, A. M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika*. Moscow: FLINTA Publ., 272–288. (In Russian).
- Peshkovskii, A. M. (2018b). Ten thousand sounds. In: Peshkovskii, A. M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika*. Moscow: FLINTA Publ., 582–615. (In Russian).
- Pokrovskaja, E. A. (2003). The Syntax of Modernist Discourse. In: *Slavianskie iazyki: ot proshlogo k nastoiashchemu* (Slavica Tartuensia VI). Tartu University Publ., 199–207. (In Russian).
- Polivanov, E. D. (1968). Regarding the "sound gestures" of the Japanese language. In: Polivanov, E. D. *Stat'i po obshchemu iazykoznaniiu*. Moscow: Nauka Publ., 295–305. (In Russian).
- Rusetskii, V. F. (2011). “Instruction using”, or Causes and mechanisms of speech errors. *Russkii iazyk v shkole*, 2, 60–68. (In Russian).
- Shershenevich, V. G. (2018). Break grammar. In: Peshkovskii, A. M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika*. Moscow: FLINTA Publ., 687–697. (In Russian).
- Zemskaja, E. A., Kapanadze, L. A. (Eds.) (1978). *Russian colloquial speech. Texts*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Zolotova, G. A. (1988). *Syntax Dictionary. Repertoire of elementary units of Russian syntax*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Норман, Б. Ю. (2023). Аграмматические тексты и их место среди продуктов речевой деятельности. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 66–77.

DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-66-77

For citation:

Norman, B. Ju. (2023). Agrammatical texts and their place among the of speech activity's products. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 66–77. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-66-77

СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ / SEMANTIC TYPES OF SENTENCES

Высказывания с семантикой подконтрольности

Т. И. Стексова

Statements with the semantics of controllability

T.I. Steksova

Татьяна Ивановна Стексова – доктор филологических наук, профессор; Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: steksova@inbox.ru

Статья поступила. 01.04.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

Данная статья вписывается в круг исследований семантических категорий. В ней рассматривается смысловой тип предложений с семантикой подконтрольности, которая является субкатегорией контролируемости и характеризуется большей семантической сложностью. Отмечается, что все предложения этого смыслового типа являются полипропозитивными, вне зависимости от строения предложения. Одна из пропозиций отражает контролируемую ситуацию, другая подконтрольную. Каждая контролирующая ситуация включает в себя следующие компоненты: субъект контроля + предикат + объект контроля. Объектом контроля и является подконтрольная ситуация со своим субъектом и предикатом. В статье даются характеристики всех компонентов семантической структуры, выделяются два типа подконтрольности: с внешним контролем и самоконтролем. Фиксируется, что выделенные два типа подконтрольности по-разному реагируют на введение отрицания. Обращается внимание на то, что изменение или утрата хотя бы одного из дифференциальных признаков компонентов семантической структуры выводит предложение за границы данного смыслового типа и позволяет ему выражать смежную семантику по признаку контролируемости/неконтролируемости. Это позволяет говорить о диффузности семантики контролируемости/неконтролируемости. Выявляется набор различных синтаксических конструкций для выражения исследуемой семантики. Показывается, что выбор конструкции связан с интенцией говорящего: представить подконтрольную ситуацию как доминирующую или фоновую. Отмечается, что типичные языковые маркеры семантики подконтрольности в последние годы семантически «опустошаются», теряют свое конкретное содержание или используются в качестве эвфемизмов, чем объясняется их возросшая (по данным Национального корпуса русского языка) частотность употребления.

Ключевые слова: русский язык, семантика предложения, семантическая категория, подконтрольность

УДК 811.161.1

Tatyana I. Steksova — Dr. Sci. in Philology, Professor; Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID 0000-0003-4275-7450

Received: 01/04/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

This article fits into the circle of studies of semantic categories. In it, the author considers the semantic type of sentences with the semantics of accountability, which is a subcategory of controllability and is characterized by greater semantic complexity. It is noted that all sentences of this semantic type are polypropositive, regardless of the structure of the sentence. One of the propositions reflects the controlling situation, the other the controlled one. Each control situation includes the following components: subject of control + predicate + object of control. The object of control is the controlled situation with its subject and predicate. The article gives the characteristics of all components of the semantic structure, distinguishes two types of controllability: with external control and self-control. It is fixed that the distinguished two types of accountability react differently to the introduction of negation. Attention is drawn to the fact that a change or loss of at least one of the differential features of the components of the semantic structure takes the sentence beyond the boundaries of this semantic type and allows it to express related semantics on the basis of controllability/uncontrollability. This allows us to speak about the diffuseness of the semantics of controllability/uncontrollability. A set of different syntactic constructions is revealed to express the studied semantics. It is shown that the choice of construction is connected with the intention of the speaker: to present the situation under control as dominant or background. It is noted that typical linguistic markers of the semantics of controllability have been semantically “emptied” in recent years, losing their specific content or being used as euphemisms, which explains their increased (according to the National Corpus of the Russian Language) frequency of use.

Keywords: Russian language, sentence semantics, semantic category, accountability

OECD: 6.02.OT

V

Постановка проблемы. Предлагаемое исследование посвящено анализу высказываний, которые объединены семантикой контроля, выражаемой языковыми маркерами, пики частотности которых приходятся на последнее десятилетие. Таким образом, предлагаемый в статье фрагмент исследования вписывается в круг исследований семантической категории контролируемость/неконтролируемость. В статье рассматривается смысловой тип предложений с семантикой подконтрольности, которая является субкатегорией контролируемости и характеризуется большей семантической сложностью.

Цель статьи – описать предложения с семантикой подконтрольности как смысловой тип, т.е. выявить семантическую структуру таких предложений, охарактеризовать ее компоненты и особенности функционирования, а также структурные типы предложений.

История вопроса. К понятию контролируемость/неконтролируемость научный интерес возник в конце XX в. Эта лингвистическая проблема стала предметом исследования таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Т. В. Булыгина [1982], Р. Ван Валин и У. Фоли [1982], А. Вежбицка [1996] и др. При этом ученые вкладывали несколько разное содержание в это понятие.

Одни лингвисты под контролируемостью понимают «неактуальное свойство отвлеченных от действительности и тем самым от конкретного субъекта ситуаций (с семантической точки зрения – как словарное свойство отвлеченных от конкретных предложений предикатов)» [Шатуновский, 1996, с. 191]. Другие считают, что контролируемость – это способность субъекта контролировать ситуацию; так, Анна Андреевна Зализняк отмечает, что контролируемость есть свойство ситуации, и обращает внимание на то, что это свойство ситуации есть понятие градуальное; ситуации могут контролироваться человеком в различной степени [Зализняк, 1992]. Это же отмечает и И. Богуславский: «В жизни, то есть на уровне денотатов, контролируемость ситуации – понятие градуальное, и практически полностью контролируемых ситуаций в жизни не бывает: любое, даже самое контролируемое действие может, как всем известно, неожиданно натолкнуться на непреодолимую преграду. Что касается языка, то есть уровня концептов, то здесь выделяется лишь два полярных случая: «+контроль» – ситуация, рассматриваемая как полностью определяемая намерениями субъекта, и «–контроль» – ситуация, рассматриваемая как не полностью определяемая (или вовсе не определяемая) намерениями субъекта» [Богуславский, 1995, с. 167].

Итак, с одной стороны, выделяются неконтролируемые субъектом ситуации, где субъект вообще не является их участником (состояния природы, например, *Смеркалось*, что не является предметом нашего рассмотрения), и ситуации, где субъект является их участником, но не контролирует их (состояния субъекта: *Мне не спалось*). Эти ситуации обозначены как невольное осуществление, где событие совершается помимо воли субъекта или даже против его воли (*Это была тайна, но он проболтался*).

С другой стороны, – есть контролируемые субъектом ситуации (действия, процессы). В ядре контролируемых ситуаций находятся действия субъекта. Так как под действием понимается произвольная преднамеренная опосредованная активность, направленная на достижение осознаваемой цели, то действия субъекта контролируемых ситуаций можно охарактеризовать как активные, целенаправленные, осознанные, волевые: *Я пришел дать вам волю*. К периферии можно отнести вынужденность – осознанные действия активного субъекта, но при этом они каузированы (*Меня ушли с работы, Я был вынужден уволиться*). В семантическом аспекте предложения с семантикой вынужденности полипропозитивны, так вынужденные действия субъекта всегда обусловлены действиями другого субъекта (каузатора), хотя и не представленного в предложении. Каузатором могут быть как лица, так и обстоятельства, независимые от воли вынуждаемого субъекта. Полипропозитивными являются и предложения с семантикой подконтрольности, отличающиеся от предложений с семантикой вынужденности характеристикой субъекта действия и каузатора.

Некоторые субкатегории контролируемости/неконтролируемости уже были предметом внимания лингвистов. Так, проанализированы и описаны высказывания с семантикой невольности осуществления [Стексова, 2002], высказывания с семантикой вынужденности действия [Лесонен, 2008].

Другие частные случаи лишь упоминались исследователями, но не получили полноценного описания, а к исследованию такой семантики, как подконтрольность, вообще, насколько нам известно, никто еще не обращался.

Методология и методика исследования. Методология настоящей работы основана на понимании группы высказываний как смыслового типа предложений, как семантической модели, включающей ряд конститутивных признаков, а не класс готовых предложений [Шмелева, 1994; Стексова, Шмелева, 2021].

Языковым материалом послужили высказывания, извлеченные из Национального корпуса русского языка по запросам: *контролировать, взять под контроль, под контролем, подконтрольно, выйти из-под контроля*.

Ведущим методом исследования стал семантический (компонентный) анализ высказываний. Далее была задействована интерпретация, которая представляет собой толкование результатов наблюдения.

Анализ материала и результаты исследования. Как уже было отмечено, между контролируемостью и неконтролируемостью нет четкой границы: *Об уходе из жизни говорят только как о принятом волевом решении покойного. Восприятие смерти как поступка в активной фазе. «Ты уходишь от нас», «Для чего ты нас покинул», «Мне плохо, потому что ты собрался уйти», «Уж куда ты собрался?»* (С. Адоньева. Плакальщицы: ритуальная процедура и перформативная речь, 19.12.2022).

Интересующая нас семантика подконтрольности включается в категорию контролируемости как частный случай ее проявления, под которой понимается целенаправленная осознанная деятельность субъекта, осуществляемая под контролем другого субъекта: *Ведь организационно-финансовые основы деятельности судей обеспечиваются судебным департаментом, действующим*

под контролем Верховного суда (Т. Морщакова. На пути к правосудию // Отечественные записки, 2003); **Подконтрольный** правительству Святейший синод не решался открыто противостоять свихнувшейся на мистике правящей элите (Г. Коваленко, В. Смирнов. Легенды и загадки земли Новгородской).

Высказывания с семантикой подконтрольности имеют ряд дифференциальных признаков. Прежде всего необходимо отметить, что все предложения этого смыслового типа являются полипропозитивными, вне зависимости от строения предложения. Другими словами, в этих предложениях речь идет о двух ситуациях: контролирующей и подконтрольной. Одна событийная пропозиция обычно дается в свернутом виде. Свернутость одной из ситуаций определяется коммуникативным намерением говорящего, его желанием актуализировать либо контролируруемую, либо подконтрольную ситуацию. Ср.: *Родители всегда контролировали выполнение домашнего задания ребенком. – Ребенок выполнял домашнее задание под контролем родителей.*

Если в первом случае говорящий актуализирует деятельность родителей, то во втором примере в центре внимания деятельность ребенка. Каждую из этих ситуаций можно представить в виде семантической схемы. Контролирующая ситуация включает в себя следующие компоненты: **субъект контроля + предикат + объект контроля.**

Охарактеризуем каждый из этих компонентов. В качестве субъектов могут быть конкретное лицо/лица, а также институции (*власть, совет, правительство, оппозиция* и под.). Дифференциальными признаками субъекта являются агентивность, активность.

Предикат обычно выражается глаголом *контролировать* (Корпус выдает 2 331 пример) или сочетанием *взять под контроль* (116 примеров). Они характеризуются такими признаками, как осознанность, намеренность, целеполагание: *Участники проекта, интернационализовавшие его теорию, действуют по ее ролевым "прописям" ей "во благо": усиливают ее, адаптируют, развивают, защищают, а также принуждают к этому других участников и контролируют их* (А. Ослон. Мир теорий в эпоху «охвата» // Отечественные записки, 2003); *Его команда "питерских" давно хотела **взять под контроль**, но пока не удавалось* (Госдума: Куда занесет Селезнева // Аргументы и факты, 2003.02.05).

Итак, контролировать – значит следить за исполнением нужного, требуемого, иметь право принимать в отношении подконтрольной ситуации все важные решения. Следует отметить, что за этими предикатами скрываются разные событийные пропозиции (действия, восприятия), но важно то, что все они имеют объектную валентность. Причем, объект контроля всегда имеет непредметное значение. Контролируется выполнение / действия / деятельность / исполнение / использование / качество / параметр / процесс / работа / ситуация / ход, т.е. подконтрольную ситуацию. Эта ситуация может быть выражена как отглагольным существительным, так и существительным с предметным значением: *Родители строго контролировали свою дочь.* Но, строго говоря, контролируется не дочь, а ее деятельность.

Таким образом, объектом контроля является событийная пропозиция, которую также можно представить в виде семантической структуры: **объект контроля = субъект действия + предикат действия + (объект)**.

Нас интересуют те подконтрольные ситуации, где субъектом является лицо. Предполагается, что субъект активен, его действия характеризуются осознанностью, целенаправленностью, целеполаганием. Роль субъекта подконтрольной ситуации исполняют как лицо/лица, так и различные институты – власть, организации и подоб. Частотна вербальная невыраженность субъекта подконтрольного действия, т.к. актуальна сама ситуация, действие, процесс, а не субъект как таковой.

Лексическими маркерами подконтрольной ситуации выступают:

под контролем (пики частотности употребления 2004 и 2020 г.): *Курс всегда проводится по назначению и под контролем врача, поскольку эффект прямо зависит от фона, на котором вводится вакцина (Солнце в вашем доме // Здоровье, 1997.12.15);*

подконтрольно (пик частотности 2020): *А медиа ТВ-6 подконтрольно Березовскому (С. Есин. Дневник. 2007).*

Синонимические отношения выражение *под контролем* обнаруживает с рядом предложно-падежных форм: *под руководством – под присмотром – под управлением – под наблюдением – под надзором – под властью...* Все они имеют общий компонент, который акцентирует **зависимость, контроль: Волеизъявление, осуществлённое под контролем Объединённой группировки, не является свободным по определению** (Волеизвержение // Ежедневный журнал, 2003.03.17).

Итак, подконтрольность предполагает, что субъект контроля осознанно, намеренно, целенаправленно контролирует действия другого/их субъекта/ов. Субъект действия осуществляет свою деятельность осознанно, намеренно, целенаправленно, но он зависим от субъекта контроля.

Выделяются два типа подконтрольности по соотношению субъекта контроля и субъекта подконтрольной ситуации:

S контроля не равен S подконтрольной ситуации (внешний контроль);

S контроля равен S подконтрольной ситуации (т.е. речь идет о самоконтроле).

Безусловно, наиболее типичной, более частотной является первая ситуация. И в этом случае любопытно отметить, как распределяется ответственность за ситуацию в зависимости от характеристики контролирующего субъекта.

Если субъект контроля – конкретные люди, то ответственность за подконтрольную ситуацию возлагается на них: *И, если, скажем, врач **ответствен за здоровье людей, инженер — за прочность и надежность строительных сооружений, то учитель — за идейное и моральное здоровье, за прочность и надежность молодых членов общества*** (М. Кайнарова. Своя тропинка // «Студенческий меридиан», 1984). При этом субъекты контроля не всегда согласны брать на себя ответственность: *Я не готова обвинять в случившемся М., особенно с учетом того, что **ни ее родители, ни учителя не готовы взять на себя ответственность за ее состояние и признаться, что что-то проглядели, что-то пропустили*** (Моторина С. Травля: со взрослыми согласовано. Mel.fm).

Но если субъектом контроля является институция, то вся ответственность за ситуацию возлагается на субъектов подконтрольной ситуации: *Вашингтон подталкивает руководство Североатлантического союза к принятию решения взять на себя **ответственность за обеспечение безопасности в Ираке*** (Особенности военно-политического курса США на современном этапе // Зарубежное военное обозрение, 26.07.2004).

Зависимость субъекта подконтрольной ситуации может привести к тому, что он начинает совершать какие-либо действия осознанно, намеренно, но против своей воли. Известная фраза *Его ушли с работы* означает, что субъект сам написал заявление об увольнении, но он был вынужден это сделать под влиянием каких-либо обстоятельств. В ситуациях, когда зависимость подконтрольного субъекта приводит к тому, что некоторые свои действия он начинает совершать вынужденно, на первое место выходит не целеполагание, а каузированность: *В качестве примера можно привести историю того же российского бизнесмена Михаила Гуцериева, который в результате подобной ситуации был вынужден расстаться с принадлежавшей ему компанией «Русснефть», **вернув контроль над нею только в 2010 году после длительной судебной войны*** (С. Соколов. Разброд и «Шатун»: что станет с российскими активами Ахметова и Колесникова. 25.11.2016). В подобных случаях высказывания утрачивают семантику подконтрольности и приобретают семантику вынужденности.

Утрата контроля ведет к утрате зависимости, т.е. предполагается, что субъект просто совершает контролируемые им самим действия. Но выйти из-под контроля оказывается не просто: *А **выйти из-под контроля** семьи-класса-эпохи мы не умели, это удел великих личностей* (А. Цветков. После прочтения уничтожить, 2009). Это можно объяснить, с одной стороны, особенностями подконтрольного субъекта: *Мне приходилось наблюдать, как полностью находившиеся под контролем молодые люди, **получившие наконец самостоятельность, совершенно с катушек на некоторое время съезжали*** (Наши дети: Подростки, 2004).

С другой стороны, стремление выйти из-под контроля не приветствуется субъектом контроля: *Заметив, что **класс выходит из-под контроля**, что его обволакивает какое-то отрешённое безразличие, **воспринимаемое** Аллой Андреевной как тихий бунт, она сразу же останавливала урок* (А. Дёмин. Урок биологии, или Происхождение человека // Менестрель, 2013).

Но если можно выйти из-под контроля, то, возможно, контроль – это миф, иллюзия? Языковой материал показывает, что зачастую контролирующий субъект совершенно не контролирует ситуацию: *Нам, как врачам, нравится думать, что мы **держим ситуацию под контролем, но это лишь иллюзия, как бы мы ни старались*** (Х. Гилтроу. Расстояние. 2017); *«**Взять под контроль**» – это ровным счетом **ничего не означает*** (М. Баконина. Школа двойников. 2000).

С другой стороны, фраза *«ситуация вышла из-под контроля»* всего лишь означает, что субъект контроля снимает с себя ответственность: *Вот именно: весь гарнизон где-то носит по вашей милости! Ситуация **вышла из-под контроля**. Расхлебывайте сами, господа* (Г. Полонский. Не покидай. 1998).

Уже отмеченная активизация выражения подконтрольности в последнее десятилетие можно объяснить тем, что все чаще сочетания *взять под контроль, ситуация под контролем, выйти из-под контроля* и под. употребляются в качестве эвфемизмов, весьма распространенных в настоящее время: *Губернатор заявил, что ситуация под контролем* (о взрыве дома в Новосибирске) = я знаю об этом событии; *Населенный пункт под контролем российских войск* = российские войска вошли в населенный пункт; *В Тбилиси ситуация вышла из-под контроля силовиков* = власть не может справиться с протестующими.

Вторая разновидность подконтрольности характеризуется тем, что **S контроля = S действия/ состояния**. Следует различать обычное контролируемое действие субъекта и подконтрольное. О самоконтроле можно говорить в том случае, когда субъект намеренно, целенаправленно контролирует положение дел, которое нормативно не требует особого контроля либо не поддается контролю (например, состояния).

Если человек контролирует себя, свои эмоции, поступки и т. п., значит, он следит за тем, что он говорит и делает, не позволяет себе необдуманных слов и действий.

Субъект самоконтроля может контролировать свои действия (в том числе и речевые), поступки, а также пытаться брать под контроль нормативно неконтролируемые состояния: *Я контролирую свои эмоции, чтобы все думали, что у меня все хорошо*. Строго говоря, под контролем находится лишь внешнее проявление состояния /эмоций. *Добровольно сдаваться психиатрам она не хотела, потому что считала, что прекрасно себя контролирует и ни разу ничем не выдала себя* (А. Сальников. Петровы в gripпе и вокруг него // Волга, 2016); *Она контролировала свои мысли, но не контролировала действия* (А. Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // Дальний Восток, 2019).

Утрата самоконтроля чаще всего порождает неконтролируемую ситуацию. Так, известное выражение *контролируй свои слова / свою речь / свой язык* актуализирует необходимость для субъекта речи выбирать языковые средства или тему и содержание речевого сообщения. Утрата такого самоконтроля обычно приводит к невольному осуществлению, которое, в частности, в русском языке маркируется глаголом *проболтаться*: *Пусть Кузнец напрягается, сдерживается, хватает себя за язык, боится проболтаться* (Г. Яхина. Зулехи открывает глаза. 2015); *Но однажды Вера письменно (кстати, не проболтайтесь, бабушка, об этом нашим: никто из них не знает) попросила его не утруждать ее больше своими любовными излияниями* (А. Куприн. Гранатовый браслет).

Утрата самоконтроля приводит и к утрате целеполагания: *Прости, что причинил тебе страдания, не со зла, не умышленно... иногда не справляются мои нервы и выбивают из колеи* (А. Терехов. Каменный мост).

Результат утраты самоконтроля проявляется в машинальности каких-либо действий: *Анри сказал, что даже вполне культурные люди, попав на футбольное поле, начинают плевать или прочищать нос <...>. Хуже того. Взволнованные ходом игры, эти же самые люди начинают безотчетно трогать свои гениталии, что производит разочаровывающее впечатление. <...> Интересно, что первые*

минуты все как-то еще держались, но после пропущенного гола начали постепенно терять над собой контроль (Е. Водолазкин. Похищение Европы).

Стоит отметить, что выделенные два типа подконтрольности по-разному реагируют на введение отрицания. В первом случае (при разных субъектах) введение отрицания не лишает обе пропозиции целенаправленности и осознанности: *Мать не контролирует выполнения домашнего задания сыном, чтобы воспитать в нем самостоятельность и ответственность*.

Во втором случае (субъект контроля = субъекту состояния) при введении отрицания утрачивается полипропозитивность и остается только неконтролируемое состояние: *Я не контролирую свои чувства, *чтобы ...* (нет целеполагания) = Я не владею собой. Ср: *Врач (не) контролировал психологическое состояние своего пациента*. Субъект контроля осознанно и намеренно либо осуществляет контроль, либо отказывается от него. Субъект состояния и в том, и в другом случае не может контролировать свое состояние, оно не зависит от его воли.

Выделение смыслового типа предложений осуществляется не только на основе общности семантики, но и на возможности выражения этой семантики различными техническими средствами, разными синтаксическими конструкциями. Это утверждение справедливо и по отношению у исследуемому смысловому типу. Так, семантика подконтрольности обнаруживается в целом ряде конструкций, причем в одних случаях она выражается предикатно, так, например: *Потом Контрольно-ревизионное управление Минфина, Счётная палата вынуждены **контролировать**, правильно ли вуз выполнил смету, которую сам себе установил и может поменять столько раз, сколько захочет* (И. Мельникова. Школа выживания // Итоги, 2003.02.11). В подобных случаях семантика выражается с помощью сложноподчиненного предложения, главная часть которого обозначает контролируемую ситуацию с вербально выраженным субъектом контроля (институция), а в зависимой предикативной единице отражается подконтрольная ситуация с обозначением подконтрольного субъекта (институция) и предиката, обозначающего вид деятельности, подвергаемый контролю.

Для предикатного выражения используется структура и простого предложения: *В небольшом товариществе его **членам** довольно легко **контролировать деятельность руководства и влиять** на принятие решений* (С. Мазур. Кто в доме хозяин // Домовой, 2002.08.04). В таких примерах предикатно выражена контролирующая ситуация с вербально обозначенным субъектом контроля, а подконтрольная ситуация представлена в свернутом виде в позиции объекта контроля. В данном примере эта свернутая пропозиция выражена пропозитивным существительным с управляемым компонентом, обозначающим подконтрольного субъекта. Структура простого, но полипропозитивного предложения используется и в том случае, когда подконтрольная ситуация максимально свернута и обозначена лишь наименованием подконтрольного субъекта: *Усилив большую силовую пятёрку, президент теперь может **контролировать** всю старую деловую **знать*** (Ю. Латынина. Самурайская дружба // Еженедельный журнал, 2003.03.17).

Но если в сложноподчиненном предложении для говорящего одинаково важны и контролируемая, и подконтрольная ситуации, то в простом предложении в фокусе внимания прежде всего контролирующая ситуация.

В других случаях семантика подконтрольности занимает актантную позицию, которая предназначена для выражения пропозитивного смысла.

Подконтрольный правительству Святтейший синод не решался открыто противостоять свихнувшейся на мистике правящей элите (Г. Коваленко, В. Смирнов. Легенды и загадки земли Новгородской. 2007). В подобных примерах предикативной единицей обозначено действие подконтрольного субъекта, а контролирующая ситуация представлена в свернутом виде в позиции атрибута с указанием на субъект контроля формой дательного падежа.

В других случаях подконтрольная ситуация занимает позицию инструмента: А потом премьер-министр через **подконтрольный** олигархам парламент начнет потихонечку проводить конституционную реформу (Я думаю, что... // Вслух о..., 24.10.2003).

Частотно выражение подконтрольной ситуации осложненным предложением с помощью обособленных членов: На него претендовал петербургский завод «Ливиз», **подконтрольный** экс-сенатору Александру Сабадашу, однако г-ну Зивенко удалось оставить бренд за собой (Д. Пузырев. «Гжелка» возвращается, 16.03.2010); Указатель делится на главы, соответствующие основным госучреждениям, в каждой дано описание всех учётных документов, находящихся **под контролем** данного учреждения (Л. Семеняка. Как слеза. Российское правительство хочет быть прозрачным // Известия, 2003.02.17); Волеизъявление, осуществлённое **под контролем** Объединённой группировки, не является свободным по определению (Волеизъявление // Еженедельный журнал, 2003.03.17). В подобных случаях семантика подконтрольности является фоном, на котором сообщается о действиях подконтрольного субъекта.

Максимально свернуто представление о подконтрольной ситуации в конструкциях типа *ситуация под контролем*: Однако Рособрнадзор продолжает настаивать, что «**ситуация под контролем**» и утечки мало повлияли на результаты абитуриентов (Дискуссия // Русский репортер, 2013); Предпочитают отделяться общими фразами, что «**ситуация под контролем**» (А. Чуйков. Криминально-статистическая Чечня. В мятежной республике растёт количество преступлений // Известия, 04.07.2001). В этих и подобных примерах вербально не выражены ни субъект контроля и его действия, ни информации о характере подконтрольной ситуации. Поэтому такие конструкции могут быть адекватно прочитаны и поняты только в контексте, где в предшествующих высказываниях идет развернутое описание подконтрольного положения дел.

Выбор говорящим одного из возможных способов выражения подконтрольности обусловлен его коммуникативными задачами.

Выводы. Итак, анализ языкового материала дает основание для выделения особого смыслового типа предложений, которые выражают семантику подконтрольности как частного случая контролируемости. Это обусловлено тем, что предложения с этой семантикой имеют дифференциальные семантические признаки,

закрывающиеся в обязательной полипропозитивности высказываний и в характеристике компонентов семантической структуры. Изменение хотя бы одного из этих признаков выводит предложение за границы данного смыслового типа и позволяет ему выражать смежную семантику по признаку контролируемости/неконтролируемости. Это позволяет говорить о диффузности семантики контролируемости/неконтролируемости и ставить задачу ее специального исследования.

Выявление возможных формальных способов выражения семантики подконтрольности показывает, что выбор конструкции связан с интенцией говорящего – представить подконтрольную ситуацию как доминирующую или фоновую.

Важным представляется и тот факт, что типичные языковые маркеры семантики подконтрольности в последние годы семантически «опустошаются», теряют свое конкретное содержание или используются в качестве эвфемизмов, чем и можно объяснить их возросшую частотность употребления.

Литература

- Богуславский, И. М., Зализняк А. А. (1995). Исследование по семантике предикатов внутреннего состояния. *Вопросы языкознания*, 1, 195–198.
- Булыгина, Т. В. (1982). К построению типологии предикатов в русском языке. *Семантические типы предикатов*. Москва, 7–85.
- Ван Валин Р., Фоли У. (1982). Референциально-ролевая грамматика. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. Москва: Прогресс, 376–410.
- Вежбицкая, А. (1996). *Язык. Культура. Познание*. Москва.
- Зализняк, А. А. (1992). *Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния*. Мюнхен: Verlag Otto Sagner.
- Лесонен, Н. В. (2008). *Высказывания с семантикой вынужденного действия в современном русском языке*: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01. Новосибирск.
- Стеклова, Т. И. (2002). *Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции*. Новосибирск.
- Стеклова, Т. И., Шмелева Т. В. (2021). Русское изъяснительное предложение как смысловой тип. *Сибирский филологический журнал*, 3, 272–286.
- Шатуновский, И. Б. (1996). *Семантика предложения и нереферентные слова*: значение, коммуникативная перспектива, прагматика. Москва.
- Шмелева, Т. В. (1994). Энциклопедия смысловых типов предложения. Опыт осмысления проблемы и систематизации фактов. *Системный анализ значимых единиц русского языка. Смысловые типы предложений*. Ч. 1. Красноярск, 4–18.

References

- Boguslavsky, I. M., Zaliznyak, A. A. (1995). Research on the semantics of internal state predicates. *Voprosy yazykoznanija*, 1, 195–168. (In Russian).
- Bulygina, T. V. (1982). On the construction of a typology of predicates in Russian. *Semanticheskiye tipy predikatov*. Moscow, 7–85. (In Russian).
- Van Valin R., Foley W. (1982). Referential-role grammar. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, 11, 376–410. (In Russian).
- Vezhbitska, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow. (In Russian).
- Zaliznyak, A. A. (1992). *Research on the semantics of internal state predicates*. Munich: Verlag Otto Sagner. (In Russian).
- Lesonen, N. V. (2008). *Statements with the semantics of forced action in modern Russian*: dissertation abstract for the degree of candidate of philological sciences. Novosibirsk. (In Russian).
- Steksova, T. I. (2002). *Semantics of captivity in Russian: meaning, expression, functions*. Novosibirsk. (In Russian).
- Steksova, T. I., Shmeleva, T. V. (2021). Russian explanatory sentence as a semantic type. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 3, 272–286. (In Russian).
- Shatunovsky, I. B. (1996). *Semantics of the sentence and non-referential words*. Moscow. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (1994). Encyclopedia of semantic types of sentences. Experience of understanding the problem and systematization of facts. *Sistemnyy analiz znachimykh yedinit russkogo yazyka. Smyslovyye tipy predlozheniy*. P. 1. Krasnoyarsk, 4–17. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Стеклова, Т. И. (2023). Высказывания с семантикой подконтрольности. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 78–88. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-78-88

For citation:

Steksova, T. I. (2023). Statements with the semantics of controllability. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 78–88. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-78-88

Оценочные высказывания в комментариях к стриму

Т. В. Шмелева

Evaluative statements in the comments to stream

T. V. Shmeleva

Татьяна Викторовна Шмелева – доктор филологических наук, профессор; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: szmiel@mail.ru

Статья поступила. 05.04.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

В статье рассматривается смысловой тип русских предложений как он представлен в комментариях к стриму – видеотрансляции общения ведущего-стримера со своими зрителями на какую-то тему, в избранном случае – музыкальную, предполагающую исполнение стримером кавер-версий популярных песен разных стилей. С опорой на понятия конструктивного, семантического и актуального синтаксиса, а также с учетом дискурсивных условий функционирования анализируемых оценочных высказываний выявлен круг моделей простого предложения, используемых для их построения, способы обозначения всех элементов ситуации оценки – субъект оценивания, его объект, собственно оценка; механизмы распространения модели и выражение оценки в рамках модели или ее распространения. Основное внимание уделено выражению смысла оценки, разнообразие средств которого создает парадигматические ряды предложений с однородной оценочной лексикой. Выявлено, что в состав оценочной предикатной лексики входит как литературная, так и сленговая, при этом ее грамматические возможности – словоизменяемые и деривационные – реализуются максимально. Показано, что для рассмотренных дискурсивных условий при реализации оценочных высказываний актуализируется смысл высокого уровня интенсивности оценки, что обеспечивается серией приемов, среди которых включение особого типа форм адъектива и дериваты субстантива (элативы, аугментативы), конструкции с частицами, местоимениями и выход за рамки простого предложения в сферу паратаксиса. Результаты исследования уточняют представления о грамматике оценочности в ее медийной реализации, а также убеждают в том, что обращение к дискурсивным условиям реализации разных смысловых типов предложений открывает новых стороны их функционирования, в частности, специфику конструктивного и семантического аспектов.

Ключевые слова: язык медиа, стрим, комментарий, оценочное высказывание, предикат

УДК 070.1:004.9:811.42

Tatiana V. Shmeleva — Dr. Sci. in Philology, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russian Federation

ORCID 0000-0003-4386-1671

Received: 05/04/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

The article discusses the semantic type of Russian sentences as it is presented in the comments to a livestream – a video broadcast of communication of a host-streamer with their viewers on some topic, in the chosen case – a musical one, involving a performance of cover versions of popular songs in different styles by the streamer. Based on the concepts of constructive, semantic and actual syntax, as well as taking into account the discursive conditions for the functioning of the analyzed evaluative statements, a range of simple sentence models used to construct them, ways to designate all elements of the evaluation situation – the subject of evaluation, its object, the evaluation itself, mechanisms of model distribution and expression of evaluation within the model or its dissemination. The main attention is paid to expressing the meaning of evaluation, the variety of means of which creates paradigmatic series of sentences with homogeneous evaluative vocabulary. It was revealed that the composition of the evaluative predicate vocabulary includes both literary and slang, while its grammatical possibilities – inflectional and derivational – are realized to the maximum. It is shown that for the considered discursive conditions, when implementing evaluative statements, the meaning of a high level of evaluation intensity is actualized, which is ensured by a series of techniques, including the inclusion of a special type of adjective and substantive forms (elatives, augmentatives), constructions with particles, pronouns, and going beyond a simple sentence into the realm of parataxis. The results of the study clarify ideas about the grammar of evaluativeness in its media implementation, and also convince us that the appeal to the discursive conditions for the implementation of different semantic types of sentences opens up new aspects of their functioning, in particular, the specifics of the constructive and semantic aspects.

Keywords: media language, stream, commentary, evaluative statement, predicate

OECD: 6.02.OT

V

Постановка проблемы. В изучении языка медиа занимает все более заметное место исследование грамматики. В первую очередь это касается синтаксических механизмов, обеспечивающих построение высказываний, востребованных медиадискурсом.

В общем виде проблема может быть сформулирована следующим образом: грамматика языка представляет собой систему потенциальных моделей, механизмов, которые по-разному реализуются в разных дискурсивных условиях, даже в разных текстовых позициях – заголовок, лид, зачин и т. д. [Шмелева, 2020, с. 19]. При этом важно уметь различать в изучаемом явлении общеграмматическое, с одной стороны, и – с другой, специфическое для изучаемых дискурсивных условий.

С учетом такой общей методологической установки, в настоящей статье ставится синтаксическая проблема – выявить круг оценочных высказываний, характерных для комментария к стриму, объясняя их востребованность данными дискурсивными условиями и специфику реализации в них, обратив особое внимание на предикатную лексику как основное средство выражение оценки.

История вопроса. Оценочные высказывания давно привлекают внимания лингвистов, как и смысловая категория оценочности.

В этом отношении весьма авторитетны работы Н. Д. Арутюновой, в частности, интересна часть тома ее избранных работ, названная «Оценка в механизмах жизни и языка» [Арутюнова, 1998, с. 130–272], где с опорой на идеи логиков, показано, что оценочные высказывания противопоставлены и при этом тесно связаны с дескриптивными и прескриптивными (совет, инструкция, рекомендация и т.п.); обсуждается вопрос о специфике оценочных предикатов, при этом отмечаются такие их импликации, как субъективная, прогнозирующая, генерализующая, каузальная, формирующие особые виды оценочных высказываний [Там же, с. 170] и множество других аспектов проявления оценочности.

Обобщены знания об оценочных высказываниях в книге [Темиргазина, 2015], где наряду с изложением теоретических подходов к их изучению, дающих основания говорить об особой дисциплине – лингвистической аксиологии, дается классификация оценочных высказываний по объекту – оценка предмета, человека, абстрактных сущностей. В других работах представлено исчисление конструкций, выражающих оценочность; так, в этот список включают изъяснительные (*Хорошо, что..., Лучше, чтобы...*), инфинитивные (*Хорошо проснуться ранним солнечным весенним утром*), местоименные (*Какой у него голос!*) конструкции, а также ряд структур сложного предложения [Етко, 2008].

В рамках семантического синтаксиса к оценочным высказываниям обращались в контексте изучения смысловых типов предложения, примерами таких описаний могут послужить известная работа о бытийных предложениях [Арутюнова, Ширяев, 1983] или более поздняя – об изъяснительных [Стексова, Шмелева, 2021].

Что касается изучения того, как оценочные высказывания используются в дискурсивной практике, важно отметить следующие моменты. Особого внимания они удостоились в рамках коллоквиалистики [Капанадзе, 1988], где со ссылками на

Шарля Балли отмечено, что оценки в устной речи обнаруживают тенденцию к преувеличению, гиперболизации, аффектации [Там же, с. 152]. Описаны высказывания оценочной семантики в текстах отдельных авторов, например, М. М. Зощенко [Попова, Капустян, 2016] или персонажа [Харченко, 2019]. На материале разных языков оценочные высказывания изучаются в педагогическом общении, прессе, рекламе, соцсетях.

В ходе предварительных наблюдений выявилось, что для оценочных высказываний в указанных дискурсивных условиях характерно использование аугментатива, что потребовало ввести в историю вопроса сведений об этом типе слов.

Прежде всего отмечу, что *аугментатив* – это не самый распространенный термин, зафиксированный только в некоторых терминологических словарях, например, в [Словарь, 2003, с. 31, 297], но используемый специалистами по разным языкам, о чем говорит почти два десятка статей, размещенных в электронной библиотеке РИНЦ. Он воспринимается в паре с термином *диминутив*, их общая семантика – субъективная оценочность на основе размерности, а различие состоит в том, что диминутив вносит в дериват уменьшительность, а аугментатив – увеличительность. При этом такого рода деривация охватывает существительное, прилагательное, и иногда даже наречие и местоимение, ср.: *домик, старенький, маленько, ничегошеньки; домище, здоровенный*.

Важно отметить, что без использования этого термина, такие формы получают освещение как «увеличительные» уже в первой русской печатной грамматике – *столище, столина, столинице; ручище, ручина, ручинище* [Ломоносов, 1755, с. 98]. Их список, как легко заметить, невелик, при этом отмечена вариантность форм, что обеспечивается наличием ряда синонимичных суффиксов.

В более поздних грамматических описаниях сведения об интересующих нас словах можно найти в разделах, посвященных словообразованию существительных. Так, в [Грамматика, 1960] указываются существительные «со значением увеличительности», которые образуются с суффиксами *-ина, -ищ(е/а)*. Как позволяет заключить анализ приведенных имен, среди них оказываются лексемы с семантикой

- ✓ характеристики человека (*дурачина, уродина, идиотина, великанище, бабища*),
- ✓ его соматизмов и некоторых свойств (*лбина, лапина, бородища, ручища, голосище, басыще*),
- ✓ животных (*бычина, волчище*),
- ✓ предметов (*домина, кусина, арбузище, веслище*),
- ✓ веществ (*винище, грязища*),
- ✓ пространства (*ямина, мостина*),
- ✓ действия (*оплеушина*).

Отмечена возможность окказиональных форм, например, *паспортина* В. Маяковского [Там же, с. 270—271]. Очевидно, что круг таких слов представлен как довольно широкий и разнообразный, о производных с последним суффиксом сказано, что это продуктивный словообразовательный тип [Там же, с. 271]. Четкой

корреляции между родом производящего и производного не наблюдается, ср.: *рука* (ж. р.) – *ручища* (ж. р.) и *дом* (м. р.) – *домина* (ж. р.) – *домище* (ср. р.).

В описании [Грамматика, 1970], где словообразование представлено более семантически, интересующие нас слова описываются в разделе «Существительные с суффиксами субъективной оценки», среди конкретных значений которых дается «увеличительное» [Там же, с. 129], выражаемое суффиксами *-ина* и *-ищ(е/а)*. Иллюстрации представляют эти формы более полно: расширяются группы обозначения

- ✓ человека (*дружище, человечище*),
- ✓ животных (*зверина, лошадица, лошадища, щучина, сомина*),
- ✓ предмета (*тыквина, конфетина*),
- ✓ состояния природы (*холодина, жарница*),
- ✓ состояния человека (*скучища*) [Там же, с. 138].

Стоит отметить, что в этом описании вводится понятие «стилистической модификации» [Там же], и к этому типу производных относят некоторые формы, в предыдущей грамматике представленные как увеличительные – *ямина, рыбина, уродина, дурачина, идиотина* [Там же, с. 138–139], что сужает круг лексем, которые ранее относили к аугментативам.

В описании словообразования грамматики [Русская, 1980] в разделе «Существительные с субъективно-оценочными значениями» [Там же, с. 208] представлены два типа имен «с увеличительным значением»: *домина, голосина, дурачина, тыквина, щучина* и др.; *жарница, ножища, хвостыще, скандалище* [Там же, с. 215–216]. При этом приводится ряд окказиональных форм главным образом из газетных публикаций: *скоростина, голодыще, снарядыще, трубищи*. Наряду с этим в описании представлены производные существительные «стилистической модификации» типа *ветряга, штормяга, шоферюга, морозяка, змеюка* [Там же, с. 217].

Стоит отметить, что в более позднем описании словообразовательных средств суффиксы *-ищ-, -ин(а), -уг(а)* (орф. *-юг(а)*), *-юк(а)* описываются в одном ряду, а значение наиболее продуктивного из них толкуется так: «предмет, явление, такой (-ое) же, как названный (-ое) мотивирующим словом, но больший (-ее) по размеру или по степени своего проявления, значимости, с экспрессией фамильярности». И хотя для последних в списке суффиксов аугментативное значение дается как факультативное [Лопатин, Улукханов, 2016, с. 427], это позволяет рассматривать их все как аугментативные [Скачкова, 2022, с. 182]. При этом определены их значения, среди которых названы размерные (*аквариумыще*), количественные (*грязища*), интенсивности (*туманыще*), субъективно-прагматического усиления (*стыдоба*) [Там же, с. 182–183].

Можно сказать, что мы располагаем и наблюдениями за аугментативом в разных дискурсивных условиях. Так, при характеристике оценочных высказываний в разговорной речи среди востребованной в них лексики оказываются такие слова, что доказывает, в частности, пример «У него *лапищи* – вот (двумя руками показывает что-то очень большого размера)» [Капанадзе, 1988, с. 155]. Описывается использование таких слов в конкретных текстах, например, в письмах А. П. Чехова

[Барашев, 2020]; при этом они систематизированы в плане семантики, в результате чего противопоставлены имена, обозначающие погоду, человека, предмет и отвлеченные понятия [Там же, с. 13]. Отмечено, что в письмах писателя преобладают первые, о чем говорят предложения типа *У нас ничего нового, только жарница и духота почти невыносимые; Дождей нет, пылица гнусная; Здесь застал я не холод, а холодище; ... в Москве морозище; Ветрище дует неистовый* [Там же, с. 14]. Аугментативы, обозначающие человека, используются для оценки – как положительной (*человечище, писателище, актрисища*), так и отрицательной (*трусище, шарлатанище*) [Там же]. Из собственно предметных имен фиксируется аугментатив *домина*, большая же их часть обозначает литературные произведения – *громадина, рассказыще, драмища* [Там же, с. 15]. Из аугментативов от имен отвлеченной семантики в письмах обнаруживаются *скукотища, катариче*. Все такие слова, по мнению А. Х. Барашева, создают экспрессивность писем, представляя их автора человеком сильных чувств, «желающим донести эти чувства и оценки до своих адресатов» [Там же, с. 16]. Эти наблюдения можно отнести не только к синтаксису, но и к стилистике, в данном случае к исследованиям эпистолярного стиля одного автора.

Представление об аугментативах в поэтических текстах можно получить, воспользовавшись словарем [Козинец, Мигурский, 2020]. В этом описании зафиксировано 12 аугментативных субстантивов и один адъектив (*холодущий*), при этом 10 слов – из текстов Андрея Вознесенского, который оказался их активным пользователем, в его текстах нашлись *азбучище, астрономище, барьерище, верблюдище, паникадилище* и т.д. Предварительный семантический анализ имен показывает, что они обозначают

- ✓ животных (*верблюдище, скорпионище*, тут вспоминается и *тараканище* К. Чуковского),
 - ✓ предметы (*паникадилище, юбища*),
 - ✓ ментальные и социальные феномены (*азбучище, астрономище, службище*)
- и др.

И это только окказиональные, нельзя исключать, что поэты прибегали и к узואльным аугментативам типа *ручищи* или *домина*.

Обращено внимание и на функционирование аугментатива в языке медиа. Так, в работе [Бахирев, 2018] приводятся примеры высказываний из газетных публикаций с аугментативами от слова *шторм*: *штормяга, штормище*, которые противопоставляются его диминутивам (правда, автор не использует этого термина и называет аугментативами все дериваты субъективной оценки): *штормик, штормец, штормишка, штормушка*, а также *штормень, штормуль, штормяша*. Говоря о речевых возможностях аугментатива, автор указывает на то, что его использование в медиатексте может быть связано с образом автора, а «его номинативная и экспрессивная ценность уместно дополняется синтаксическим решением и даже отступлением от нормы грамматической сочетаемости» [Там же, с. 157].

При дифференцированном подходе к медиатекстам аугментатив рассматривается в блогах, например, в статье [Скачкова, 2022], где, правда, основное внимание уделяется грамматике слова с вниманием к функционированию

суффиксов, хотя отмечаются некоторые моменты сочетаемости аугментатива (*собачий холодина*) и указывается на связь с экспрессивностью высказывания, включающего такие формы. При анализе рекламных текстов в соцсетях отмечается использование аугментативного прилагательного *густючий* (гель для душа), что объясняется востребованностью в рекламных текстах гиперболизированности [Федотовских, 2016].

Итак, при решении поставленной в настоящей работе проблемы можно опереться на идеи семантического синтаксиса, дериватологии, стилистики и медиалингвистики с их общими идеями и конкретными сведениями об аугментативе, его семантике и использовании в текстах.

Методология и методы исследования. Это небольшое исследование проведено в парадигме выхода синтаксиса в дискурсивное пространство, что позволяет с учетом конструктивных, семантических и актуальных данных о высказывании увидеть специфику проявления этих его аспектов в конкретных условиях дискурса и объяснить ее. Такой методологический подход реализован в монографии [Стексова, Шмелева, 2022], однако применение его к другим смысловым типам предложений в иных дискурсивных параметрах требует корректив и уточнений.

В частности, требует уточнения понятие *стрим* – новый феномен медиакommunikации, по поводу которого уже высказан ряд точек зрения. Так, отмечено, что этот феномен возник в значении «трансляция видеоигр с комментариями геймера», потом он расширил тематические рамки и представляет собой **«формат прямого репортажа»** [Мирошник, 2020; Видная, Мирошник, 2020]; **новый жанр современной журналистики**, «онлайн-трансляции, потоковое вещание, прямой эфир в Интернете» [Мухина, 2021, с. 146]; **метапоэтический перформанс** [Горелов, 2022] и др.

Методологически близким оказывается для этого исследования интерпретация стрима как **гипермедиажанра**, понимаемого «как открытый коммуникативный поток, существующий в реальном времени, как персональный медиадискурс в действии, организованный личностью стримера при соучастии широкой неконтролируемой аудитории медийных личностей разных типов, чаще всего наблюдателей-комментаторов», при этом он «может включать разные виды информационных, оценочных, перформативных, императивных жанров» [Болотнов, 2021, с. 113–114]. В цитируемой работе подчеркивается, что «стрим возник и функционирует благодаря новым информационным технологиям и использованию специальных инструментов (программных возможностей различных платформ и сервисов). Это живой эфир, в котором обычный человек может участвовать в спонтанной коммуникации со всеми, кто желает присоединиться к общению, кому интересна тема, заданная организатором: путешествия, кулинария, спорт, культура, политика и т. д.» [Там же, с. 113].

Представляется весьма существенным в этой интерпретации жанровой природы стрима признание оценочных речевых жанров, или оценочных высказываний, его особой составляющей. При этом следует отметить, что сосредоточенность всех участников стрима и его чата на восприятии и оценке разных

его сторон – его самого, кавер-версии песни, поведения исполнителя, его внешнего вида – кажется естественным и логичным и не требует обоснования, мотивировки, метапоказателей введения типа «Что касается того-то, то скажу...», «Позвольте заметить ...» и под.

Стоит оговориться, что оценочные реплики часто включают визуальный компонент (смайлики) или параграфемичку (использование прописных букв на месте строчных, многократное использование восклицательного знака, скобок), что для настоящего исследования нерелевантно в связи с его синтаксической проблематикой, но в других случаях может быть учтено.

Что касается методологии собственно синтаксического анализа, то он предполагает характеристику в конструктивном и актуальном аспектах, поскольку их семантическая структура задана: она включает

- ✓ субъект оценки, в роли которого чаще всего выступает автор высказывания;
- ✓ объект оценки, в роли которого выступают люди, их поведение, результаты их деятельности, предметы,
- ✓ стороны объекта, обращение к которым делают оценку детализированной;
- ✓ наконец, саму оценку.

Конструктивный анализ предложения опирается на понятие его модели (структурной схемы) и ее регулярных реализаций, а также парадигмы, как они представлены в грамматиках 1970 и 1980 гг. и вузовских учебниках современного русского языка, например, под редакцией В. А. Белошапковой. На эти источники опираются и характеристики актуального аспекта высказываний, для которой наиболее существенным оказывается рематизация оценки. Кроме того, особый интерес составляет анализ наиболее характерной для этого типа высказываний предикатной, а значит, оценочной, лексики и ее грамматических свойств.

Материал для настоящего исследования составил корпус оценочных высказываний, извлеченных из записей стримов певицы Александры Капустиной, сохраненных на платформе YouTube, она ведет их одна или с приглашенными исполнителями. Материал собран в марте – апреле 2023 года, хотя сами стримы проведены ранее, иногда год назад, что указано в их «выходных данных», как и число комментариев, которые часто составляют несколько сотен реплик.

Обозначенные методологические позиции и подходы позволили провести такие наблюдения и анализ материала.

Анализ материала. Избранные для анализа комментарии наполнены, если не сказать переполнены позитивными оценочными высказываниями: несмотря на то, что комментарий не исключает анализа, полемики, обоснования формулируемой точки зрения и критики.

Такие высказывания представляют собой короткие оценочные реплики, например, *Вы крутые; Я восхищен; Я в восхищении!; Красавчики!; Потрясающе!; Мощно! Гениально, тонко, гениально!; Респект!; Мое почтение и уважуха!; Любим, ценим, уважаем!*

Даже этот краткий перечень, который может быть продолжен (и будет продолжен в изложении результатов анализа), позволяет сделать ряд заключений о конструктивной стороне оценочных комментариев.

Среди них находим прежде всего полные реализации моделей простого предложения:

- ✓ $N_1 V_f$ – *Очень понравилась Таня,*
- ✓ $N_1 Adj$ – *Вы крутые; Баина с авторской песней очень милая; Это прекрасно;*
- ✓ $N_1 N_1$ – *Стрим – класс!; Таня вообще огонь; Маша, Таня и Баина просто королевы стрима; Это шедевр,*
- ✓ $N_1 Adv$ – *Я в восхищении!; Пение Саши вне конкуренции; Саша вне шаблонов и рамок; Танины бэки и низы просто ах...*

Как нетрудно заметить, оценка во всех приведенных случаях выражается в предикате, а в позиции N_1 оказываются лексемы со значением как субъекта, так и объекта оценки в зависимости от диатезы предиката, ср. *понравиться, быть вне конкуренции* и *быть в восхищении*. Предикатом выражается оценка и в однокомпонентных моделях, где объект оценки оказывается не обозначенным, например, Adj (*Круто было*).

Кроме того, следует отметить, что реже, но находим предложения, где оценка выражается распространителем – наречием или прилагательным: *Песни Цоя спели прекрасно; Получилось очень весело и душевно; Ваши голоса отлично сочетаются; пацаны круто играют; играют супер; Это был очень крутой стрим; Ребята реально порадовали, совершенно бомбический драйв выдают.*

Разумеется, не обходится без изъяснительных конструкций, для которых оценочность – одно из ключевых модусных значений: *Немного обидно аж, что на стриме не смог быть; Классно! А впрочем, неудивительно, что именно так; Крутыши, что позвали и сыграли ее песни.* Однако сказать, что такие конструкции используются чрезвычайно активно, было бы преувеличением. Поэтому дальнейший анализ сосредоточен на простых оценочных предложениях.

Условия функционирования рассматриваемых высказываний – обсуждение одного и того же стрима – объясняют массовое использование **неполных реализаций моделей**. Естественно, при этом, что элиминируется субъектная позиция, поскольку субъект оценки – автор комментария, и даже объектная в виду его очевидности. В результате оценочные высказывания часто выглядят как однословные реплики, состоящие из предикатов – как глагольных (*Обожаю песни Цоя!; Любим, ценим, уважаем!*), так и именных (*Шикарно; Красотки; Гениально!*). Стоит отметить, что в таких случаях происходит нейтрализация грамматических противопоставлений, так, в реплике типа *Прекрасно!* можно видеть наречие, если считать реплику неполной реализацией однокомпонентной модели (*Получилось прекрасно*), или адъективную форму, если считать, что это реализация двукомпонентной модели с адъективным предикатом (*Это прекрасно*).

Переходя к характеристикам **предикатов**, стоит отметить, что в рассматриваемых высказываниях используются предикаты с семантикой высокого градуса интенсивности оценки: *Прекрасное трио!; Великолепный летне-зеленый*

стрим!; Да отличный концерт!; Отличная группа!; Вы такие талантливые!; Вы такие разные и талантливые; Это шедевр; Шедевральное!. Наряду с этим активно функционирует позитивно-оценочная лексика молодежного сленга: *класс, супер, пушка, бомба, огонь, топ, улёт*. При этом следует отметить два момента.

Во-первых, такие предикаты не обнаруживают специфики сочетаемости, с помощью одного и того же оценивают людей, песни, танцы – в общем, что угодно, например, *Очень крутая песня от крутого автора и исполнителя; Портреты просто супер!; Танцы супер!; Вы супер; Гость топ! Заголовок – топ; Коллаборация топ; Распев под полет шмеля – это топ*. Это означает, что их оценочная семантика – самого широкого, можно сказать, неограниченного диапазона, не зависит от характера объекта оценки.

И во-вторых, от такой лексики – в основном субстантивной – легко образуются синтаксические дериваты, что создает парадигматические ряды предложений с одними и теми же оценочными словами разной грамматической формы:

- ✓ *Класс!; Стрим – класс!; Такой стрим классный!; Очень классно!;*
- ✓ *оба вокалиста – просто супер; Суперский формат, ты суперская; вы простосуперняхи;*
- ✓ *Это улёт, красиво, продолжай; Концерт улётный;*
- ✓ *Огонь; Басист огонь; Очень кайфовый стрим и просто огненная атмосфера;*
- ✓ *Это топ!; Коллаборация топ; Микрофоны – топовые; Колыбельная топчик;*
- ✓ *Звучание оригиналов просто бомба; Вот и дуэт с ней будет бомба, делай!; Басист бомбезный; Ребята реально порадовали, совершенно бомбический драйв выдают; бомбически круто!; надо записать радиоволну в рок обработке, это просто бомбезно.*

Общая формула такого ряда: субстатив – адъектив – адвербум; иногда в этом ряду оказывает субстатив с суффиксом субъективной оценки – *топчик, суперняхи*.

Таким образом, в рассматриваемых дискурсивных условиях оказываются сконцентрированными синонимические ряды высказываний, построенных по разным моделям с использованием однотипной оценочной лексики в позиции предиката.

В целом оценки, высказываемые в комментариях, отличаются высоким уровнем интенсивности, что достигается рядом приемов, среди которых можно увидеть использование особых форм слова и формирование особых конструкций. Из особых слов наиболее активно в оценочные высказывания вовлекаются формы прилагательных, наречий и субстантивов.

Прилагательные и наречия – в позиции как предиката, так и распространителя модели – выражают интенсивную оценку в форме превосходной степени сравнения, которая часто выступает как *элятивная* [Князев, 2020, с. 739], например, *Крутейшие стримы; Этот концерт можно назвать самым интересным и достойным крутейших площадок страны; Это будет шикарнейший проект; Умение вести стрим, держать публику у Саши, конечно, высочайшее; Воистину топейший стрим!; Саша топейшая, наикрасивейшая любимба; «7 Созвездий» топейшие!*

Топейше!; Было **топейше**; **Исполнила просто топейше!**. Это говорит о том, что формулируемые оценки носят сравнительный характер и

Из производных слов оказался востребован **аугментатив**. Что следует особо отметить, вопреки расположенности этого типа дериватов к негативной оценке, они в рассматриваемых дискурсивных условиях выражают позитивную. При этом используются два типа субстантивов:

✓ денотативные, аугментативы которые приобретают оценочность, внесенную суффиксом: *Машенька, какое же **талантище!** Ребята, вы просто **талантища!**; Настоящие **талантища!**; **Талантищи!**; Сашуль, у тебя **талантище!**; Саша, ты **талантище!**; **Послезавтра стримище!**;*

✓ собственно оценочные слова, позитивная оценочность которых за счет суффикса усиливается, делая высказывание безусловно гиперболическим: *Стрим **огнище!**; **Огнище** просто; **Респектище!**; Выпуск просто **топище!**; Это просто **шедеврище!***

Нельзя не обратить внимание на конструкцию *не..., а...*, гарантирующую внимание читателя к аугментативу, которому автор придает особое значение: *Не просто человек, а **человечище!**; Не стрим... а **стримище.***

Помимо этой, стоит отметить конструкции, в которых «расширяется» оценочный предикат или распространитель за счет

✓ частицы **просто**, которая «указывает на то, что признак является для говорящего неожиданным, выражает высокую степень его проявления» [Шимчук, Щур, 1999, с.104]: *Выпуск **просто топище!**; Ребята, вы **просто талантища!** Огнище **просто**; Исполнила **просто топейше!**; это **просто бомбезно**; Танины бэки и низы **просто ах...***

✓ местоимения **какой** в значении высокой степени оценки: ***Какая** песня! **Какой** замечательный клип!*;

✓ эпитетов на основе связи согласования или управления – ***Бешеный талант!**; Просто талантище **с большой буквы!***;

✓ образование тавтологических предикатов: *А песня «На заре» дуэтом – **топ топейший!**; **Огонь огненный.***

Высокий уровень интенсивности оценки требует ее многократного обозначения, что выводит конструкцию за рамки простого предложения – в пространство **паратаксиса**: *Топейший стрим, очень теплый, душезажигательный; Прекрасно, здорово, волшебнo; Стрим удался, стрим огонь и класс!; Сильно, круто!; Очень тепло и энергично, сильно и важно. По-настоящему.*

Результаты анализа. Итак, анализ показал, что рассмотренные дискурсивные условия – комментарии к музыкальному стриму – позволяют максимально реализовать возможности русской грамматики в формировании оценочных высказываний: используется целый ряд моделей простого предложения, механизмы их распространения и парадигматическое варьирование с опорой на конситуацию, абсолютная рематичность оценочного элемента смысла таких высказываний обеспечивает массовость их функционирования в виде однословных реплик типа *Гениально!*, *Шедевр*, *Огонь*.

Оценочная лексика, оказывающаяся главным средством обозначения этого значения, активно пополняется за счет метафоризации (*огонь, пушка, бомба*) и

заимствования (*супер, топ*); эта лексика реализует все возможности словоизменительных и деривационных парадигм слова.

В условиях стрима, где царит обстановка гиперболизированных оценок, точнее, – восторженных похвал, востребованным оказывается осложняющий семантическую структуру высказываний смысл ‘высокий уровень интенсивности оценки’ (показательна в этом смысле нередкая в комментариях идиома *нет слов*), для выражения этого факультативного смысла приспособлены грамматические типы слов (элатив, аугментатив) и конструкции, вплоть до паратаксиста.

Удивительно, что при таком активном использовании возможностей русской грамматики ее комментаторам оказывается мало. Они прибегают к квазиформам *любимба, обожамба, восхищамба, респектамба*, популярным среди посетителей этого стрима. Отсутствие каких-либо комментариев к этим формам позволяет предположить, что они ориентированы на хорошо известное по фильмам пиратское восклицание *Карамба!* испанского происхождения и широкого значения – от удивления до ругательства. Впрочем, важно не точно установить источник таких форм, как констатировать тенденцию к расширению грамматических возможностей. Свобода в обращении с языком, поощрение креативности характерна для этого стрима, во многом задается стримершей и подхватывается ее зрителями-почитателями, что позволяет считать это одной из дискурсивных характеристик условий функционирования рассмотренных высказываний.

Дискурсивно обусловлены и стилистические характеристики оценочных высказываний: лаконичность, «сленговость» лексики и ее высокий градус эмоциональности, что показывает близость медиаречи к разговорной и молодежному сленгу.

Выводы. Результаты проведенного исследования можно соотнести в первую очередь с важнейшей проблемой семантического синтаксиса – описанием смысловых типов предложений, поставленной еще в прошлом веке [Шмелева 1994]. Конкретнее, они относятся к грамматике оценочности – как она представлена в медиасфере, точнее в таком ее фрагменте, как комментарии к стриму; другие типы оценочных высказываний рассмотрены в публикации [Шмелева 2021].

Представленные здесь результаты демонстрируют одну из тенденций современного синтаксиса – его выход в дискурсивное пространство, открывающее для исследователя новые стороны функционирования высказывания в особых дискурсивных условиях. Последовательное и дифференцированное рассмотрение современной дискурсии, в первую очередь в медиасфере, позволит, как представляется, увидеть, как возможности русского синтаксиса разнообразно реализуются, оказываясь по-разному востребованными в разных сферах медиакommunikации.

Стоит, как кажется, обратить внимание и на то, что приведенные факты опровергают утверждения о примитивности языка интернета: предъявляя новые требования к медиаречи в ее разнообразии, он создает условия для реализации как хорошо отработанных, так и новых средств выражения разных смыслов, в нашем случае – оценочности. Это обещает новые знания – как о медиаречи, так и о грамматике русского языка, в чем нельзя не видеть одну из перспектив русистики.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (1998). *Язык и мир и человека*. Москва: Языки русской культуры.
- Арутюнова, Н. Д. (1983). *Русское предложение. Бытийный тип: (структура и значение)*. Москва: Русский язык.
- Барашев, А. Х. (2020). Производные образования с аугментативным значением в письмах А. П. Чехова. *Филология и культура*, 2(60), 12–17. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-60-2-12-17
- Бахирев, Ю. Г. (2018). Аугментатив в стилистической практике. *Журналистика в 2017 году: творчество, профессия, индустрия*. Москва: Издательство: МедиаМир. С. 156–157.
- Болотнов, А. В. (2021) Стрим как новый гипермедиажанр. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, 20(2), 111–120. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.10
- Видная, О. Е., Мирошник М. А. (2020) «Стрим» в журналистике: характерные особенности. *Медиаисследования*, 7, 60–68.
- Горелов, О. С. (2022) Стрим как метапоэтический перформанс. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия Гуманитарные науки*, 4, 5–14.
- Щерба Л. В., Виноградов В. В., Матусевич М. И. [и др.]. (1960). Фонетика и морфология (т. 1). *Грамматика русского языка*: в 2 т. Москва: Изд-во АН СССР.
- Шведова, Н. Ю. (ред.) (1970). *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва: Наука.
- Етко, А. Г. (2008) Оценочные высказывания в рамках авторизационной семантики. *Альманах современной науки и образования*, 8, ч. 2, 55-56.
- Капанадзе, Л. А. (1988). Способы выражения оценки в устной речи. *Разновидности городской устной речи*. Москва: Наука, 151–154.
- Князев, Ю. П. (2020). Степени сравнения. *Русский язык: энциклопедия*. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 738–740.
- Козинец, С. Б., Мигурский А. С. (2020). Словарь окказионализмов русской поэзии второй половины XX – начала XXI века. Саратов: Саратовский источник.
- Ломоносов, М. В. (1755). *Российская грамматика Михаила Ломоносова*. (Факсимильное издание. Печать в Спб. при Имп. Акад. наук 1755 г.). Москва: Худож. лит., 1982.
- Лопатин, В. В., Улуханов И. С. (2016). *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва: Издательский центр «Азбуковник».
- Мирошник, М. А. (2020). Стрим как современный формат прямого репортажа: аудиторный фактор и особенности развития. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия. Филология. Журналистика*, 1, 117–119.
- Мухина, О. С. (2021). Стрим как новый жанр современной журналистики. *Вестник Воронежского*

References

- Arutyunova, N. D. (1998) *Language and the world and man*. Moscow: Languages of Russian Culture. (In Russian).
- Arutyunova, N. D., Shiryayev, E. N. (1983) *Russian sentence: Existential type*. Moscow: Russian language. (In Russian).
- Bakhirev, Yu. G. (2018) Augmentative in stylistic practice. *Journalism in 2017: creativity, profession, industry: Proceedings of the international scientific and practical conference*. Moscow: Publisher: MediaMir, 156-157. (In Russian).
- Barashev, A. Kh. (2020) Derivative Formations with Augmentative Meaning in A. P. Chekhov. *Philology and culture*, 2(60), 12–17. (In Russian). DOI: 10.26907/2074-0239-2020-60-2-12-17
- Bolotnov, A. V. (2021) Stream as a new hypermedia genre. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 20(2), 111–120. (In Russian).
- Dictionary of Russian linguistic terminology (2003); under the hand A. N. Abregov. Maikop: Adyghe state. University. (In Russian).
- Etko, A. G. (2008). Evaluative statements within the framework of authorization semantics. *Almanac of modern science and education*, 8-2, 55–56. (In Russian).
- Fedotovskikh, T. G. (2016). Specifics of an advertising message in the social network Instagram. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture*, vol. 150(2), 77–83. Retrieved from <https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/39801/1/iurp-2016-150-10.pdf> (In Russian).
- Gorelov, O. S. (2022) Stream as a metapoetic performance *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 4, 5–14. (In Russian).
- Shvedova, N. Yu. (ed.) (1970). *Grammar of the modern Russian literary language*. Moscow: Science. (In Russian).
- Vinogradov, V. V., Istrina, E. S., Barkhudarov, S. G. (ed. count) (1960). Phonetics, morphology (T. 1.). *Grammar of the Russian language*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian).
- Kapanadze, L. A. (1988). Ways of Expressing Evaluation in Oral Speech. *Varieties of urban oral speech: Collection of scientific papers*. Moscow: Nauka, 151–154. (In Russian).
- Kharchenko, O. O. (2019). Kitty's negative-evaluative statements (L. N. Tolstoy's novel "Anna Karenina"). *Axiological aspects of modern philological research: Abstracts of the international scientific conference*. Yekaterinburg: Azhur Publishing House, 308–309. (In Russian).
- Knyazev, Yu. P. (2020). *Degrees of comparison Russian language: encyclopedia*. 3rd ed., revised. and additional. Moscow: AST-PRESS SCHOOL. (In Russian).
- Kozinets, S. B., Migursky, A. S. (2020). *Dictionary of occasionalisms in Russian poetry of the second half of the 20th - early 21st century*. Saratov: Saratov Spring. (In Russian).
- Lomonosov, M. V. (1755). *Russian grammar*. Sanki-Petersburg (Facsimile edition). Moscow: Fiction, 1982. (In Russian).

государственного университета. Серия. Филология. Журналистика, 4, 146–147.

Попова, Н. Н., Капустян Я. Р. (2016). Эмоционально-оценочные высказывания в произведениях М. М. Зощенко. *Вестник научных конференций*, 11–6(15), 147–149.

Шведова Н. Ю. (гл. ред.) (1980). Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология (Т. 1). *Русская грамматика*: в 2 т. Москва: Наука.

Словарь русской лингвистической терминологии (2003). Под общим руководством А. Н. Абрегова. Майкоп: Качество.

Скачкова, Е. В. (2022). Семантика и особенности функционирования существительных с аугментативными суффиксами в неформальной интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов). *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 28(1), 179–186. DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-1-179-186

Стеклова, Т. И., Шмелева, Т. В. (2021). Русское изъяснительное предложение как смысловой тип *Сибирский филологический журнал*, 3, 272–286.

Стеклова, Т. И., Шмелева, Т. В. (2022). *Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Темиргазина, З. К. (2015). *Лингвистическая аксиология: оценочные высказывания в русском языке*. 2-е изд., стереотип. Москва: Флинта.

Федотовских, Т. Г. (2016). Специфика рекламного сообщения в социальной сети Instagram. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*, 150(2), 77–83. Электронный ресурс <https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/39801/1/iurp-2016-150-10.pdf>

Харченко, О. О. (2019). Отрицательно-оценочные высказывания Кити (роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина»). *Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов международной научной конференции*, Екатеринбург, 15-17 октября 2019 г. Екатеринбург, Издательский дом «Ажур», 308–309.

Шимчук, Э., Щур М. (1999). *Словарь русских частиц* / редактор В. Гладров. Berlin: PETERLANG.

Шмелева, Т. В. (1994). Энциклопедия смысловых типов предложения. Опыт осмысления проблемы и систематизации фактов. *Системный анализ значимых единиц русского языка. Смысловые типы предложений*. Ч. 1. Красноярск: Красноярский государственный университет, 4–17.

Шмелева, Т. В. (2020). Грамматика в медиа как реализация потенциалов языковой системы. *Медиа-лингвистика славянских стран*. Москва: ФЛИНТА, 15–39.

Шмелева, Т. В. (2021). Грамматика оценочности: событийно-оценочные предложения. *Медиалингвистика*. Вып. 8: Язык в координатах массмедиа. Санкт-Петербург: Медиапапир. 65–68.

Lopatin, V. V., Ulukhanov, I. S. (2016). *Dictionary of derivational affixes of the modern Russian language*. Moscow: Publishing Center "Azbukovnik". (In Russian).

Miroshnik, M. A. (2020). Stream as a modern live reporting format: the audience factor and development features. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 1, 117–119. (In Russian).

Mukhina, O. S. (2021). Stream as a new genre of modern journalism. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 4, 146–147. (In Russian).

Popova, N. N., Kapustyan, Ya. R. (2016). Emotional and evaluative statements in the works of M. M. Zoshchenko. *Bulletin of scientific conferences*, 11-6(15), 147–149. (In Russian).

Shvedova N. Yu. (Ed.) (1980). *Russian Grammar: Vol. 1*. Moscow: Science. (In Russian).

Shimchuk, E., Shchur, M. (1999). *Dictionary of Russian particles*. Ed. V. Gladrov. Berlin: PETER LANG.

Shmeleva, T. V. (2020). Grammar in the media as a realization of the potential of the language system. *Media linguistics of the Slavic countries: monograph*. Moscow: FLINTA, 15–39. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2021). Grammar of appraisal: event-evaluative sentences. *Medialinguistics*. Issue. 8. Language in the coordinates of the mass media. St. Petersburg: Mediapapir, 65–68. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (1994). Encyclopedia of semantic sentence types. Experience in understanding the problem and systematizing the facts. *System analysis of significant units of the Russian language. Semantic types of sentences*. P. 1. Krasnoyarsk, 4–17. (In Russian).

Skachkova, E. V. (2022). Semantics and features of the functioning of nouns with augmentative suffixes in informal Internet communication (based on Russian-language blogs). *Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology*. 28(1). 179–186. (In Russian).

Steksova, T. I., Shmeleva, T. V. (2021). Russian explanatory sentence as a semantic type. *Siberian Journal of Philology*, 3, 272–286. (In Russian).

Steksova, T. I., Shmeleva, T. V. (2022). *Russian explanatory sentence in discursive space*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russian).

Temirgazina, Z. K. (2015). Linguistic axiology: evaluative statements in Russian. 2nd ed., stereotype. Moscow: Flinta. (In Russian).

Vidnaya, O. E., Miroshnik, M. A. (2020). "Stream" in journalism: characteristic features of media research. *Mediaissledovania*, 7, 60–68. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Шмелева, Т. В. (2023). Оценочные высказывания в комментариях к стриму. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 89–102. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102

For citation:

Shmeleva, T. V. (2023). Evaluative statements in the comments to stream. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 89–102. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА / YOUNG VOICES

Предложения со значением ликвидации результата действия как семантико-структурный тип

И. В. Мухачёва

Sentences denoting the elimination of the result of an action as a semantic-structural type

I. V. Mukhacheva

Ирина Валерьевна Мухачёва – кандидат филологических наук; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

E-mail: imukhachyova@yandex.ru

Статья поступила. 15.04.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

Статья посвящена русским предложениям со значением ликвидации результата предшествующего действия. Анализируются их семантическое и синтаксическое устройство с целью понять, представляют ли подобные предложения единый семантико-структурный тип. Анализ показывает, что предложения рассматриваемого типа имеют сходное пропозициональное устройство. Они содержат пропозицию-макроситуацию, в которой выделяются ликвидируемая ситуация; ситуация-действие, направленная на ликвидацию результата предшествующего действия; и новая ситуация. Имея в целом сходное семантическое устройство, предложения анализируемого типа, тем не менее, отличаются друг от друга более частными семантическими аспектами. Среди них выделяется подтип предложений со значением ликвидации контакта с тремя обязательными актантами (Субъект, Объект 1 и Объект 2) и подтип предложений со значением изменения формы предмета с двумя обязательными актантами (Субъект и Объект). Несмотря на семантические различия, синтаксически предложения со значением ликвидации результата действия строятся по общей модели: 'Субъект + предикат со значением ликвидации результата действия + Объект'. Эта общая модель реализуется в двух частных моделях для каждого подтипа предложений. Предложения со значением ликвидации контакта строятся по модели 'Субъект + предикат ликвидации контакта + Объект 1 и / или Объект 2': *Мама раздвинула занавески; Солдат разобрал пулемет; Рабочие разгрузили машину*. Предложения со значением изменения формы предмета строятся по модели 'Субъект + предикат изменения формы + Объект': *Мама развернула небрежно скатанный ковер*.

Ключевые слова: ликвидация результата действия, модель предложения, тип предложения, семантическая валентность, диатеза

УДК 81.367.5

Irina V. Mukhacheva — candidate of Philological Sciences; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID 0000-0003-2321-8507

Received: 15/04/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

The article is devoted to Russian sentences denoting the elimination of the result of the previous action. Their semantic and syntactic structures are analyzed in order to understand whether such sentences constitute a united semantic-structural type. The analysis shows that these sentences have a similar propositional structure. They include a proposition-macro-situation which consists of three situations: the liquidated situation; situation-action aimed at eliminating the result of the previous action and new situation. The sentences have a similar semantic structure in general, but they differ from each other in more particular semantic aspects. There are two subtypes among them. The first subtype denotes the elimination of contact. The sentences of this subtype have three obligatory actants – Subject, Object 1 and Object 2. The second subtype denotes changing the shape of an object. The sentences of this subtype have two obligatory actants – Subject and Object. In spite of semantic differences, syntactically sentences denoting the elimination of the result of an action are built according to the general model: 'Subject + predicate with the meaning of eliminating the result of an action + Object'. This general model is realized in two particular models for each sentence subtype. Sentences denote the elimination of contact are constructed according to the model 'Subject + predicate of the elimination of contact + Object 1 and / or Object 2': *Mama razdvinula zanaveski* ('Mom parted the curtains'); *Soldat razobral pulemet* ('The soldier dismantled the machine gun'); *Rabochie razgruzili mashinu* ('The workers unloaded the car'). Sentences denote changing of the shape of an object are built according to the model 'Subject + predicate of changing shape + Object': *Mama razvernula nebrezhno skatannyy kover* ('Mom unrolled a carelessly rolled carpet').

Keywords: elimination of the result of an action, sentence pattern, sentence type, semantic valency, diathesis

OECD: 6.02.OT

V

Постановка проблемы. В статье рассматриваются предложения, обозначающие ликвидацию результата предшествующего действия, такие как *Мама раздвинула занавески; Солдат разобрал пулемет; Рабочие разгрузили машину* и т.п. Подобные предложения, предположительно, могут составлять единый семантико-структурный тип – при условии, что они обладают сходными семантическими и синтаксическими особенностями. Выяснение того, формируют ли такие предложения особый семантико-структурный тип – задача настоящей статьи.

История вопроса. Современная синтаксическая наука, будучи разделом грамматики, основной задачей которого является «обследование жизни предложения» [Арутюнова, 2019, с. 5], не ограничивается, тем не менее, изучением только формального устройства предложения. В сферу ее интереса попадает также семантика предложения и его коммуникативное устройство – те аспекты организации предложения, которые до относительно недавнего времени оставались почти вне поля зрения лингвистов.

«Штурм семантики предложения», начавшийся с середины 70-х годов прошлого века, был вызван множеством факторов (см., например, [Арутюнова, 2019, с. 5–6]) и привел к возникновению и развитию целого ряда теоретических концепций, часть из которых предлагает взгляд на предложение как на своеобразную структурно-семантическую модель (ср. [Золотова, 1973]) или логико-семантический тип (ср. [Арутюнова, 2019]). При подобных подходах учитывается основное, типовое значение предложения, которое находит отражение в особенностях его формального или коммуникативного устройства.

Выделение и описание моделей или типов предложения базируется, по сути, на идее о том, что семантика предложения, вбирающая в себя семантику входящих в него компонентов, оказывает определенное влияние на его структуру, в частности на грамматические особенности.

Идея о связи семантики и синтаксиса, об отсутствии четкой границы между грамматикой и словарем – одна из основных идей в теоретической концепции Московской семантической школы. Эта мысль, высказанная в работах Ю. Д. Апресяна ([Апресян, 1995], [Теоретические проблемы, 2010]), Е. В. Падучевой ([Падучева, 2004]) и др., позволяет допустить, что русские предложения определенной семантики можно представить как особый семантико-структурный тип.

В настоящей статье проверим сформулированную гипотезу на материале предложений, называющих ситуации ликвидации результата действия, ограничившись теми, которые содержат глаголы с приставкой *раз-* (*разгрузить, развязать, расплести* и т. п.): *Рабочие разгрузили машину; Врач разбинтовал руку* и т. п. Заметим, что у приставочной морфемы *раз-* есть два алломорфа: *раз-* (с вариантом написания *рас-*) и *разо-*. Говоря о приставочной морфеме *раз-*, мы имеем в виду все ее алломорфы.

Методология и методика исследования. Теоретической и методологической основой исследования служат работы представителей Московской семантической

школы: Ю. Д. Апресяна, И. А. Мельчука и других – а также школы Е. В. Падучевой. Кроме того, мы ориентируемся на работы по семантике и грамматике таких лингвистов, как Н. Д. Арутюнова, В. С. Храковский, Анна А. Зализняк, Е. В. Рахилина и другие.

В исследовании используются описательный, сопоставительный, классификационный методы, а также методы интроспекции и семантического анализа предложений со значением ликвидации результата.

По мысли В. С. Храковского, «смысловая структура предложения представляет собой вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности» [Храковский, 1972, с. 5]. Отражение в предложении фрагмента действительности, то есть ситуации внеязыковой действительности, принято обозначать термином «пропозиция» или синонимичными ему терминами «событие», «ситуация», «положение дел». Вслед за Т. В. Шмелевой, мы понимаем под пропозицией «языковое воплощение некоего положения дел в действительности, ситуации» [Шмелева, 1994, с. 7].

Пропозиции, отражающие все многообразие и разнообразие ситуаций внеязыковой действительности, сами весьма разнообразны, поэтому лингвисты предпринимают попытки построения их классификаций, выделения различных типов пропозиций. Один из вариантов классификации пропозиций представлен в [Шмелева, 1994].

Согласно этой классификации, в предложениях типа *Рабочие разгрузили машину* представлены событийные пропозиции действия. Тип пропозиций действия – крупный тип, включающий в себя обозначения большого количества разнообразных внеязыковых ситуаций: ситуаций воздействия, ситуаций создания новых объектов или уничтожения уже существующих и т. д. Учитывая разнообразие разновидностей пропозиций действия, представляется важным описать пропозицию ликвидации результата действия подробным образом.

Пропозиция ликвидации результата действия – подтип пропозиций, который представляется возможным называть ликвидативными. Под ликвидативными пропозициями мы понимаем такие, которые отражают ликвидацию, то есть уничтожение, прекращение существования или деятельности кого-либо или чего-либо.

На наш взгляд, все ликвидативные ситуации, согласно терминологии, предложенной в [Типология, 1969], являются макроситуациями, то есть состоят из двух простых ситуаций, связанных друг с другом определенными отношениями. Язык позволяет описывать макроситуации в одних случаях называя каждую из входящих в них ситуаций отдельно (*Он видит, как она пьет воду; Когда он вернулся, мы сели за ужин* – примеры из [Типология, 1969, с. 6]), и, не делая этого в других случаях, как бы упаковывая эту информацию в семантику предиката.

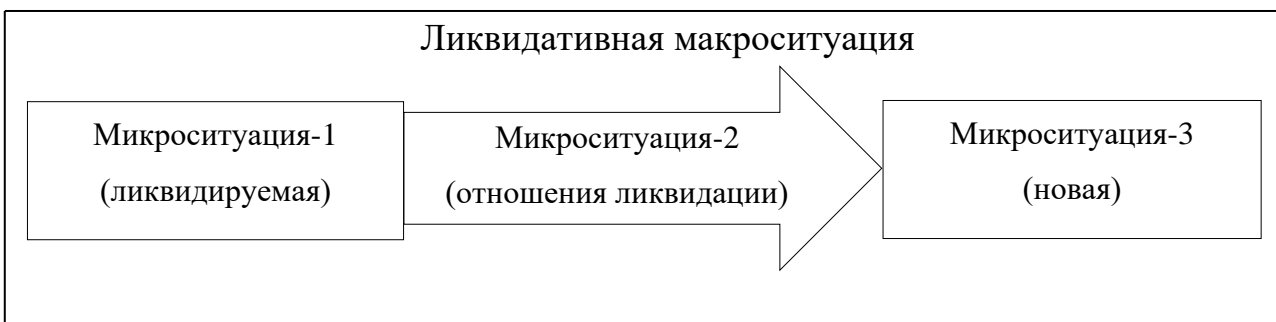
Так, ликвидативная ситуация *Огонь погас*, кажущаяся на первый взгляд простой, оказывается тем не менее макроситуацией, поскольку отражает отношения, связь между двумя ситуациями: ‘Огонь горел, существовал’ → ‘Огонь погас, перестал существовать’.

Отношения между двумя ситуациями, никак не эксплицированные в предложении *Огонь погас*, могут быть разными: *подул ветер, прогорели дрова, человек вылил воду в огонь* и т. д. Принципиально важно, что эти отношения, то есть причина, приведшая к затуханию огня, обязательно есть, даже если в семантике предложения в целом или в семантике предиката, входящего в его состав, нет подобной информации. Таким образом, можно сказать, что ситуация *Огонь погас* включает в себя следующие ситуации, взаимосвязанные друг с другом: ‘Существовал огонь’ → ‘Случилось что-то, явившееся причиной того, что огонь погас’ → ‘Огонь больше не существует’.

Изложенные рассуждения убеждают в том, что даже такая «простая» на первый взгляд ликвидативная ситуация, как *Огонь погас*, является на самом деле макроситуацией, состоящей из двух ситуаций, соединенных определенными – ликвидативными – отношениями, которые в свою очередь тоже являются ситуацией, будучи каким-либо действием, происшествием или явлением.

Сложное, многочленное устройство ликвидативных ситуаций можно изобразить схематично следующим образом (см. Схему 1).

Схема 1. Ликвидативная макроситуация

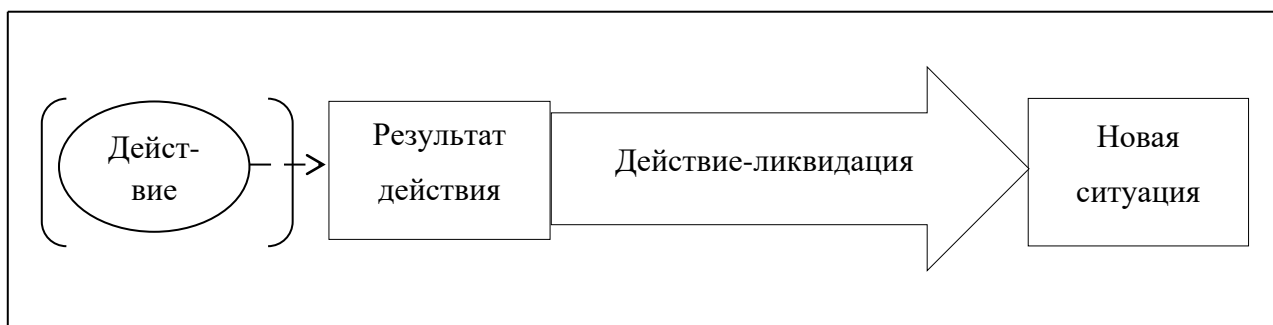
Предложенная схема должна быть универсальна для всех ликвидативных ситуаций, в том числе для ситуаций ликвидации результата предшествующего действия.

Действительно, в ситуации *Рабочие разгрузили машину* выделяется исходная, ликвидируемая ситуация – ‘Машина нагружена’ – и новая, возникающая в результате определенного действия – ‘Машина разгружена’. Исходная и новая ситуации связаны еще одной, которая обозначается глаголом *разгрузить*. Ситуация ‘разгрузить’ заключается в том, что, вынимая или снимая груз с транспортного средства, человек делает нагруженный ранее предмет свободным от груза, то есть ликвидирует определенное состояние предмета. Глагол *разгрузить*, таким образом, фиксирует отношения между исходной и новой ситуацией и одновременно называет еще одну ситуацию, которая выступает причиной (в широком смысле) превращения исходной ситуации в новую. Итак, ситуация *Рабочие разгрузили машину* состоит из трех взаимосвязанных ситуаций: ‘Машина была нагружена’ → ‘Рабочие разгрузили машину’ → ‘Машина перестала быть нагруженной’, то есть полностью вписывается в предложенную выше схему.

Однако для отграничения ситуаций ликвидации результата действия от всех остальных ликвидативных ситуаций в схему необходимо добавить элемент, показывающий, что ликвидируемая ситуация является результатом предшествующего действия. Информация о предшествующем действии, точнее, о его результате, как бы вшита, встроена в такие пропозиции, даже если не выражена эксплицитно: невозможно ликвидировать результат действия, если действия не происходило и не был достигнут его результат.

Возможная модификация Схемы 1, отражающая устройство ситуаций ликвидации результата действия, представлена ниже (см. Схему 2). Предшествующее действие на схеме как бы вынесено за скобки, потому что оно как таковое ситуацией ликвидации не затрагивается: в ней участвует в функции первой, ликвидируемой ситуации лишь его результат.

Схема 2. Ситуация ликвидации результата действия

Таким образом, ситуации ликвидации результата действия имеют довольно сложное устройство, проанализировав которое, мы вычленили в семантике таких пропозиций собственно пропозитивный смысл, являющийся, однако, не единственным смысловым слоем в объективном содержании предложения. Помимо собственно пропозитивного смысла, диктумное содержание предложения включает еще внутрипропозитивный смысл – «отражающий структуру пропозиции» [Шмелева, 1994, с. 7].

Внутренняя структура пропозиции определяется главным образом количеством и характером актантов – компонентов, соответствующих обязательным участникам ситуации. Количество и характер актантов предопределяются, в свою очередь, устройством ситуации, а именно количеством и ролью обязательных участников, задействованных в ней. Следовательно, чтобы проанализировать внутреннюю структуру пропозиции, необходимо представить типично устроенную ситуацию и выявить участников, которые необходимы в ней.

Ситуации ликвидации результата действия неоднотипны, разнородны. Мы сосредотачиваем внимание только на таких ситуациях, в которых совершается физическое действие с предметом.

Представляется, что среди таких ситуаций можно выделить два больших типа – во-первых, ситуации, в которых происходит ликвидация контакта между предметами или частями предмета, и, во-вторых, ситуации, в которых изменяется форма предмета, приданная ему в ходе предшествующего действия. И ликвидация контакта,

и изменение формы происходят в результате намеренного действия, то есть в обоих типах таких ситуаций первым актантом является Субъект.

Субъект в ситуациях обоих типов производит физическое действие с предметом или предметами, которые подвергаются действию и выполняют роль Объекта. В этом отношении ситуации рассматриваемых двух типов устроены по-разному.

В ситуациях ликвидации контакта обязательно имеется два предмета или большее их количество, выполняющих роль Объекта, иначе был бы невозможен контакт. Несмотря на то, что в ситуации такие предметы могут участвовать одинаковым или сходным образом, в структуре пропозиции каждому из них соответствует отдельный актант – Объект 1 и Объект 2, поскольку только так, фиксируя два объекта в качестве отдельных участников, удастся адекватно отразить организацию ситуаций ликвидации контакта.

Внутри типа ситуаций ликвидации контакта можно выделить несколько подтипов, несколько разновидностей таких ситуаций. Так, в некоторых из них происходит ликвидация контакта между предметами или деталями предмета, в результате чего они перестают соприкасаться друг с другом: *Мама раздвинула занавески; Солдат разобрал пулемет* и т. п.

В другом подтипе ситуаций ликвидации контакта происходит освобождение одного предмета от другого предмета или от субстанции, с которыми предмет соприкасался: *Врач разбинтовал руку; Рабочие разгрузили машину; Официант раскупорил бутылку шампанского* и т. п.

Несмотря на разнообразие ситуаций ликвидации контакта, относительно всех из них верно то, что Субъект взаимодействует с двумя предметами – Объектом 1 и Объектом 2.

Иначе в этом отношении устроены ситуации другого типа – такие, в которых в результате действия Субъекта меняется форма предмета. В структуре таких ситуаций имеется один предмет, выполняющий роль Объекта: *Мама развернула небрежно скатанный ковер* и т. п. Подобные пропозиции содержат в своем составе два актанта – Субъект и Объект.

Безусловно, структуру пропозиции можно характеризовать подробнее, описывая ее факультативные компоненты – сирконстанты. Однако представляется, что данной выше характеристики пропозиций ликвидации результата действия достаточно для понимания семантической составляющей предложений с ними.

Поскольку глаголы со сходной семантикой, по мысли представителей Московской семантической школы, обладают сходными языковыми особенностями, естественно ожидать, что содержащие их предложения должны иметь сходную структуру.

Проанализировав общее семантическое устройство предложений со значением ликвидации результата действия, обратимся к рассмотрению их структурно-грамматических особенностей.

На синтаксическую структуру предложения оказывают влияние семантические роли участников ситуации, то есть компонентов пропозиции. «При употреблении глагола в предложении участнику с данной ролью обычно соответствует тот или иной

подчиненный глагола, например, подлежащее, дополнение, обстоятельство – синтаксический актанта» [Падучева, 2004, с. 52]. По свойствам синтаксического актанта зачастую можно понять семантическую роль участника, которому он соответствует. Так, в прототипическом случае подлежащее называет Субъекта ситуации, а дополнение – Адресата или Объект.

Семантическая роль тесно связана с еще одним понятием – семантической валентностью. Е. В. Падучева отождествляет эти два понятия, замечая, что «семантическая валентность – это то же, что роль участника (например, у *побить* есть два участника – Агенс и Пациенс; и, соответственно, две валентности)» [Падучева, 2004, с. 54]. Именно семантическая валентность позволяет глаголу подчинять зависимое, соотносящееся с соответствующей семантической ролью участника ситуации. Такое зависимое можно считать обсужденным выше синтаксическим актанта, а можно называть синтаксической валентностью. По определению Е. В. Падучевой, «синтаксическая валентность – это морфо-синтаксическая форма того языкового выражения, которое сопоставляется участнику с данной ролью в предложении» [Падучева, 2004, с. 55].

Понятия участника ситуации, актанта, семантической и синтаксической валентностей крайне важны при обсуждении синтаксической структуры предложения, во многом предопределенной семантикой употребленного в нем глагола. Не менее значимым для этих целей является понятие коммуникативного ранга участника, который необходимо отличать от семантической роли участника.

Подобно семантической роли, коммуникативный ранг определяет синтаксическое оформление участника. Отличие коммуникативного ранга от семантической роли заключается в том, что ранг – «это прагматическая характеристика: она определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего» [Падучева, 2004, с. 58], в то время как роль – это объективная информация о функции участника в обозначаемой глаголом ситуации.

Итак, коммуникативный ранг участника отражает некоторое отношение говорящего к тому или иному участнику: если для говорящего участник важен, он помещает его в Центр зоны внимания; если не очень важен – на Периферию этой зоны; если совсем не значим – за пределы периферии, За кадр. Ранг участника находит отражение в синтаксической позиции, которую занимает словоформа с соответствующим значением. Так, синтаксические позиции синтаксического субъекта (обычно это подлежащее) и синтаксического объекта (обычно это прямое дополнение) занимают участники, представляющие наибольший интерес.

Коммуникативный ранг участника зачастую может изменяться: он во многом зависит от воли говорящего. При изменении ранга не происходит изменения семантической роли участника. Так, в обоих примерах из [Падучева, 2004, с. 59]: *загрузил наши кирпичи на свой грузовик / загрузил детский грузовик кирпичами* – участник *грузовик* имеет одну и ту же семантическую роль – Место, но разный коммуникативный ранг. В случае *загрузил детский грузовик кирпичами* ранг участника *грузовик* выше, так как соответствующая словоформа занимает позицию синтаксического объекта.

Значимость такой характеристики участника, как коммуникативный ранг, проявляется во всей полноте при обсуждении понятия диатезы.

Диатеза определяется Е. В. Падучевой как «соответствие между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями» [Падучева, 2004, с. 51]. В своей работе Е. В. Падучева использует понятие диатезы, которое, как отмечает она сама, было введено в 1970 году в статье И. А. Мельчука и А. А. Холодовича (имеется в виду работа [Мельчук, Холодович, 1970]) и дает его уточненное определение.

Диатеза может меняться, а значит, одна глагольная лексема может иметь несколько диатез. Изменение синтаксических позиций участников с заданными ролями и есть изменение диатезы, или диатетический сдвиг. Если лексема допускает диатетический сдвиг, то есть характеризуется несколькими диатезами, то одна из диатез принимается за исходную.

Самый частотный случай диатетического сдвига у глагола связан с залогом. Предложения *Разбойники убили крестьянина* и *Крестьянин был убит разбойниками* (примеры из [Падучева, 2004, с. 51]) описывают одну и ту же ситуацию, следовательно, в них употребляется одна и та же лексема *убить*, но в первом предложении она в активном залоге, а во втором – в пассивном. Изменение диатезы при переходе от активного залога к пассивному сводится к тому, что Агенс из позиции субъекта, находящейся в центре внимания, смещается на периферию, будучи выраженным косвенным дополнением.

Нетрудно заметить, что в рассмотренном примере диатетический сдвиг не только приводит к различному синтаксическому оформлению участников ситуации, но и «влечет вполне ощутимые различия прагматического порядка, которые можно представить как изменение коммуникативного (или синтаксического) ранга участников» [Падучева, 2004, с. 51].

Однако больше никаких изменений не происходит: лексема *убить* в обоих случаях описывает одну ситуацию с одними и теми же участниками (*разбойники* – субъект-Агенс, *крестьянин* – объект-Жертва). Следовательно, в обоих контекстах использована одна лексема *убить*, имеющая две диатезы, благодаря которым можно по-разному расставить смысловые акценты на участниках ситуации, изменив их коммуникативный ранг.

Таким образом, диатеза отражает связь между семантическими ролями (семантическими валентностями) и их синтаксическими позициями (синтаксическими актантами). Понятия диатезы, семантических и синтаксических актантов удобно использовать при анализе синтаксической структуры предложений со значением ликвидации результата действия.

Хотя известно, что не каждая семантическая валентность обязана быть реализована на синтаксическом уровне, а некоторые валентности неспособны заполняться в принципе (ср., например, *промахнуться* и др. [Лингвистика конструкций, 2010, с. 308–317]), тем не менее, в прототипическом случае ожидается, что каждой семантической валентности соответствует синтаксический актант.

Анализ материала. Проверим на языковом материале, так ли это в разных типах предложений с семантикой ликвидации результата действия: типе

предложений, обозначающих ликвидацию контакта, и типе предложений, обозначающих изменение формы предмета.

Как было сказано выше, предложения с пропозицией ликвидации контакта содержат предикат, который называет ситуацию с тремя обязательными участниками – Субъектом, Объектом 1 и Объектом 2. Безусловно, в различных ситуациях подобного типа бывают необходимы и другие обязательные участники, но, чтобы выявить типичные черты синтаксической структуры предложений с такими предикатами, сосредоточим внимание на поверхностной выражении именно Субъекта, Объекта 1 и Объекта 2 у нескольких предикатов со значением ликвидации контакта: *раздвинуть*, *разобрать* и *разгрузить*.

Глагол *раздвинуть* в значении ‘двигая в разные стороны, разъединить’ (значения здесь и далее взяты из «Словаря русского языка» в 4-х томах, или «Малого академического словаря» – МАС) обозначает ситуацию, в которой ликвидируется контакт между частями или деталями одного предмета либо между несколькими отдельными предметами, что подтверждают следующие контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ):

(1) *Она засуетилась, раздвинула дверцы встроенного шкафа* (А. Житков. Супермаркет. 2000);

(2) *Вместо этого он упер руки в бока, раздвинув полы куртки так, что видны стали кобура на поясе и значок на груди* (О. Дивов. Выбраковка. 1999);

(3) *Раздвинул две бочки, лег между ними, пошарил рукою внизу* (Г. Владимов. Три минуты молчания. 1969);

(4) *Раздвинули складной столик, поставили посреди комнаты* (С. Носов. Грачи улетели. 2005).

Раздвинуть, как показывают данные примеры, подчиняет себе зависимые со значением Субъекта, Объекта 1 и Объекта 2, причем валентности Объекта 1 и Объекта 2 выражаются синкретично – формой винительного падежа множественного числа или количественной конструкцией: примеры (1) – (3). Форма винительного падежа единственного числа, как в контексте (4), является метонимическим выражением валентностей Объекта 1 и Объекта 2 через название предмета, частями которого являются эти Объекты.

Таким образом, глагол *раздвинуть* используется в предложениях, где обязательно имеются зависимые со значением обоих Объектов, при этом происходит синкретичное или метонимическое заполнение валентностей Объекта 1 и Объекта 2, причем заполнение этих валентностей обязательно: **Он неторопливо раздвинул*.

Ситуацию, в которой происходит ликвидация контакта между деталями или частями одного предмета, но не между разными предметами называет, например, глагол *разобрать* в значении ‘разъединить, разнять что-л. на составные части’. В таком случае Объектом 1 и Объектом 2 можно считать те самые детали, между которыми ликвидируется контакт. Синтаксическое поведение глагола *разобрать* отражено в следующих примерах из НКРЯ:

(4) *Наверное, каждый из нас хотя бы раз пытался разобрать игрушку, чтобы посмотреть, что у нее внутри* (Е. Лозовская «Лоб в лоб» на скорости света // «Наука и жизнь». 1969);

(5) *Он собственноручно разобрал дом по бревнышку, по досточке, по гвоздику, выбрасывая гнилое и непригодное и сортируя все мало-мальски стоящее* (А. Слаповский. Не сбылась моя мечта. 1999);

(6) *Дома обветшали, а заборы на дрова разобрали* (А. Асмолов. Глубокое. 2015).

Судя по приведенным контекстам, *разобрать* может иметь зависимое в форме именительного падежа со значением Субъекта и зависимое в форме винительного падежа со значением того предмета, части или детали которого разъединяются, хотя зависимых в той же форме винительного падежа, называющих сами эти части или детали, не присоединяет: **разобрать детали игрушки; *разобрать бревна дома*. В таком случае имеет место метонимическое обозначение Объекта 1 и Объекта 2 – через название целого, элементами которого они являются. Интересно отметить, что факультативно зависимое со значением разъединяемых частей *разобрать* все же может присоединять – *по бревнышку, по досточке* (мы осознаем просторечность слова *досточка*, однако приводим данный контекст в силу его показательности для наших целей), *по гвоздику* в контексте (5), *на дрова* в контексте (6).

Для наших целей, как уже было сказано выше, важно отметить, что *разобрать* подчиняет зависимое, метонимически обозначающее Объект 1 и Объект 2, причем такое зависимое является необходимым в предложениях с *разобрать*: **Папа разобрал на дрова*.

Еще одну разновидность ситуаций, в которых происходит ликвидация контакта, можно продемонстрировать на примере глагола *разгрузить* в значении ‘освободить от груза’, который подробно описан в [Мухачёва, 2021]. В этой и подобных ситуациях в результате ликвидации контакта происходит освобождение одного предмета от другого или других предметов либо от субстанции, которая находилась на нем или в нем.

Синтаксически глагол *разгрузить* ведет себя следующим образом:

(7) *Вдвоем они быстро разгрузили телегу* (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета. 1968);

(8) *Машину разгрузили, Надю оставили стеречь вещи* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960);

(9) *Они эти телевизоры полдня разгружали и еле-еле половину разгрузили* (А. Колесников. Дальнбойщики // «Столица». 1997);

(10) — *Иван Иваныч! Подсоби разгрузить дрова* (И. Бояшов. Танкист, или «Белый тигр». 2008).

Контексты (7) – (10), найденные в НКРЯ, показывают, что *разгрузить* способен присоединять зависимые со значением Субъекта, Объекта 1 и Объекта 2 – того предмета, который освобождают от груза, и того предмета, который является грузом. Однако ни в одном из приведенных предложений зависимые со значением Объекта 1 и Объекта 2 не встретились одновременно: в каждом из них выражен либо Объект 1, или Объект 2. Обнаруженный в НКРЯ пример одновременного выражения обоих этих валентностей представляется нам ненормативным:

(11) *В то же время, всегда надо было быть готовым разгрузить упавшую или испугавшуюся лошадь от вьюка, особенно съехавшего набок, не забывая при*

этом постоянно успокаивать ее, чтобы она не начала биться и метаться (А. Городницкий. «И жить еще надежде». 2001).

Невыразимость валентностей Объекта 1 и Объекта 2 при *разгрузить* в одном и том же контексте при возможном выражении их по отдельности свидетельствует о наличии у этого глагола двух диатез: в одной из них разгружаемый объект имеет коммуникативный ранг Центр, а объект-груз имеет коммуникативный ранг За кадром, не выражаясь поверхностно (ср. контексты (7) – (8)); в другой диатезе – наоборот: объект-груз имеет высокий коммуникативный ранг Центр, а разгружаемый объект находится За кадром (ср. контексты (9) – (10)).

Таким образом, синтаксическая структура предложений с глаголом *разгрузить* обязательно содержит компонент со значением Объекта 1 или Объекта 2 (ср. **Петя разгрузил вчера*), но не может содержать одновременно две зависящие от *разгрузить* словоформы с данными значениями: **Рабочие разгрузили вагоны от угля*.

Анализ контекстов с несколькими глаголами, обозначающими ситуации ликвидации контакта, показал, что способы выражения Объекта 1 и Объекта 2 при таких глаголах бывают различными, но либо один из объектов, либо оба обязательно должны быть названы в предложениях с подобными предикатами.

В ситуациях ликвидации определенной формы, которая возникла у предмета в результате предшествующего действия, обязательным участником, выполняющим роль Объекта, является один предмет. Одну из таких ситуаций называет глагол *развернуть* в значении ‘раскатать, растянуть по плоскости в длину или в ширину что-л. свернутое, скатанное’. Ниже приведено несколько контекстов из НКРЯ с глаголом *развернуть* в данном значении:

(12) *Полынин развернул газету и, увидев свою фамилию, стал читать* (К. Симонов. Случай с Польшинным. 1969);

(13) *Дядя Герман небрежно обломил печать, сорвал нить и развернул свиток* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона. 2004);

(14) *Услужливый, красивый, черноглазый молодой человек, пожирая своего шефа глазами, развернул рулон бумаги, поднялся на помост и приколот к доске энцефалограмму* (И. Грекова. В вагоне. 1983).

В контекстах (12) и (13) содержатся зависимые от *развернуть* слова со значением Объекта, форма которого изменяется – слова *газету* и *свиток*. Интересно отметить, что в семантике слова *свиток* содержится информация не только о самом предмете, но и о той форме, которую имеет этот предмет: свиток – ‘Полоса бумаги, пергамента или иного писчего материала, свернутая в трубку. || Старинная рукопись в виде такой свернутой в трубку полосы’.

Для устройства ситуаций, в которых происходит изменение формы предмета, информация о форме действительно оказывается важной, что подтверждает контекст (14), где глаголу *развернуть* подчиняется зависимое со значением формы – *рулон*, а словоформа со значением Объекта – *бумаги* – зависит не от глагола *развернуть*. Следовательно, глагол *развернуть* имеет две диатезы, в одной из которых выведена в Центр информация об объекте, форма которого меняется, а в другой – информация о форме, в то время как информация об объекте помещена на Периферию.

Итак, хотя в одной из диатез *развернуть* не присоединяет зависимое со значением Объекта, другая диатеза этого глагола позволяет утверждать, что в предложениях с *развернуть* может быть компонент, непосредственно подчиняющийся глаголу и обозначающий предмет, форма которого изменяется в этой ситуации.

Безусловно, рассмотрение синтаксического устройства предложений с четырьмя глаголами не позволяет считать, что обнаруженные синтаксические особенности присущи всем предложениям с подобной семантикой, тем не менее, позволяет обнаружить сходство общей структуры таких предложений.

Результаты исследования. Рассмотрение семантических и структурных особенностей предложений со значением ликвидации результата действия дает следующие результаты.

Предложения со значением ликвидации результата действия содержат в своем составе пропозицию, которая является макроситуацией, состоящей из трех ситуаций. Первая, ликвидируемая ситуация – это «отголосок», результат предшествующего действия; вторая ситуация – это физическое действие, в ходе которого происходит ликвидация; третья ситуация – это возникшее в результате произведенного действия новое положение дел.

Среди пропозиций ликвидации результата действия выделяется два типа по наличию в них обязательных компонентов – актантов. В пропозициях первого типа, обозначающих ликвидацию контакта, три актант – Субъект, Объект 1, Объект 2; в пропозициях второго типа, отражающих изменение формы предмета, два актанта – Субъект и Объект.

Общность семантики анализируемых предложений находит отражение в общности их формальной структуры.

Общую структуру довольно разнообразных предложений со значением ликвидации контакта между предметами или частями деталями одного предмета можно отразить с помощью следующей модели: 'Субъект + предикат ликвидации контакта + Объект 1 и / или Объект 2'.

Вышеприведенная своеобразная формула означает, что в полном предложении со значением ликвидации контакта минимальное количество компонентов – три: предикат ликвидации контакта и зависящие от него словоформы со значением Субъекта и со значением Объекта 1 и / или Объекта 2. Компонент, отраженный в формуле в виде «Объект 1 и / или Объект 2», показывает, что при реализации этой модели с разными предикатами заполнение валентностей Объекта 1 и Объекта 2 бывает весьма разнообразным и зачастую индивидуальным для каждого предиката: это может быть и синкретичное, и метонимическое заполнение валентностей, и заполнение валентностей в разных диатезах. Важно, что словоформа со значением любого из объектов или двух объектов сразу обязательно должна быть в предложении.

Схематичная модель предложений со значением изменения формы предмета тоже содержит три компонента: 'Субъект + предикат изменения формы + Объект', причем все три компонента являются обязательными в полном предложении, построенном по данной модели. Предикаты со значением изменения формы

предмета способны присоединять зависимое со значением Объекта хотя бы в одной диатезе, если у каких-то из них имеется несколько диатез.

Нивелируя разницу между двумя подтипами предложений, можно сформулировать формулу, отражающую модель всех предложений со значением ликвидации результата действия: 'Субъект + предикат со значением ликвидации результата действия + Объект'.

Выводы. Проведенный в данной статье анализ семантики и структуры предложений со значением ликвидации результата действия показывает, что подобные предложения можно рассматривать как семантико-структурный тип.

Представляется, что подобный подход можно применять ко многим русским предложениям определенной семантики. Результаты, полученные в ходе такого анализа предложений, могут быть полезны не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Они позволяют прояснить некоторые теоретические вопросы и положения, а также дают сведения, которые можно использовать при практическом описании грамматики языка и при обучении русскому языку.

Литература

Апресян, Ю. Д. (отв. ред.). (2010). *Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря*. Москва: Языки славянских культур.

Апресян, Ю. Д. (1995). *Избранные труды: в 2 т. 2-е изд. испр. и доп. Т. I: Лексическая семантика (синонимические средства языка)*. Москва: Языки русской культуры.

Арутюнова, Н. Д. (2019). *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Золотова, Г. А. (1973). *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Наука.

Мельчук, И. А., Холодович А. А. (1970). К теории грамматического залога. *Народы Азии и Африки*, 4, 111–124.

Мухачёва, И. В. (2021). Глаголы ликвидации результата действия: семантико-синтаксический аспект (на примере глаголов *разбинтовать*, *развернуть*, *разв्यूчить*, *разгрузить*). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, 1, 32–46.

Падучева, Е. В. (2004). *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры.

Рахилина, Е. В. (отв. ред.). (2010). *Лингвистика конструкций*. Москва: Азбуковник.

Словарь русского языка: в 4-х т. (1999). *Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека*. Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

Холодович А. А. (отв. ред.). (1969). *Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив*. Ленинград: Наука.

Храковский, В. С. (1972). *Проблемы деривационной синтаксической теории*: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та.

Шмелева, Т. В. (1994). *Семантический синтаксис: текст лекций*. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та.

References

Apresian, Iu. D. (1995). *Selected works. V. I. Lexical semantics (synonymic means of language)*. Moscow: «Vostochnaja literatura» RAN Publ. (In Russian).

Apresian, Iu. D. (Otv. red.). (2010). *Theoretical issue of Russian syntax: Interaction of grammar and vocabulary*. Moskva: lazyki slavianskikh kul'tur Publ. (In Russian).

Arutiunova, N. D. (2019). *The sentence and its meaning: Logical and semantic problems*. Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian language. In 4 vols. *Russkaya literatura i fol'klor: fundamental'naya elektronная biblioteka*. Retrieved from <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

Kholodovich, A. A. (Otv. red.). (1969). *Typology of causative constructions. Morphological causative*. Leningrad, Nauka Publ. (In Russian).

Khrakovskii, V. S. (1972). *Issue of derivational syntactic theory*. Tbilisi: Tbilisi univ. Publ. (In Russian).

Mel'chuk, I. A., Kholodovich, A. A. (1970). On the theory of grammatical voice. *Narody Azii i Afriki*, 4, 111–124. (In Russian).

Mukhacheva, I. V. (2021). Verbs denoting the elimination of the result of an action: semantic-syntactic aspect (as exemplified by verbs *razbintovat'*, *razvernut'*, *razv'yuchit'*, *razgruzit'*). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 2, lazykoznanie*, 1, 32–46. (In Russian).

Paducheva, E. V. (2004). *Dynamic patterns in a semantics of vocabulary*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (In Russian).

Rakhilina, E. V. (otv. red.). (2010). *Construction linguistics*. Moskva: Azbukovnik Publ. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (1994). *Semantic Syntax: Text of lectures from the course "Modern Russian"*. Krasnoiarsk, Izdatel'stvo Krasnoiarskogo gosudarstvennogo universiteta. Publ. (In Russian).

Zolotova, G. A. (1973). *Study of the functional syntax of the Russian language*. Moskva: Nauka Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Мухачёва, И. В. (2023). Предложения со значением ликвидации результата действия как семантико-структурный тип. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 103–116. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-103-116

For citation:

Mukhacheva, I. V. (2023). Sentences denoting the elimination of the result of an action as a semantic-structural type. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 103–116. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-103-116

**НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

№ 2(7) 2023